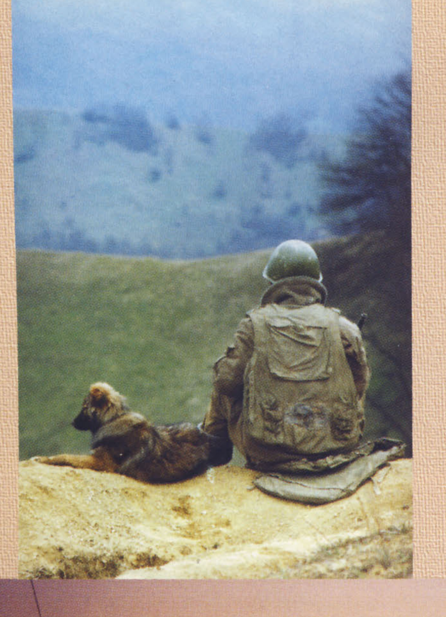

НЕТ УЗ СВЯТЕЕ ТОВАРИЩЕСТВА!
№11
99
Братишка
ЖУРНАЛ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ АРМАВИРСКОГО СПЕЦНАЗА
ТЕРРОРИЗМ ВНЕ ЗАКОНА
ЧЕЧНЯ: ИДЕТ ОХОТА НА "ВОЛКОВ"

Журнал "Братишка", компания "Сивма", объединение "Фотоцентр", Международная контртеррористическая тренинговая ассоциация

ОБЪЯВЛЯЮТ КОНКУРС ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ

"СОЛДАТЫ РОССИИ"

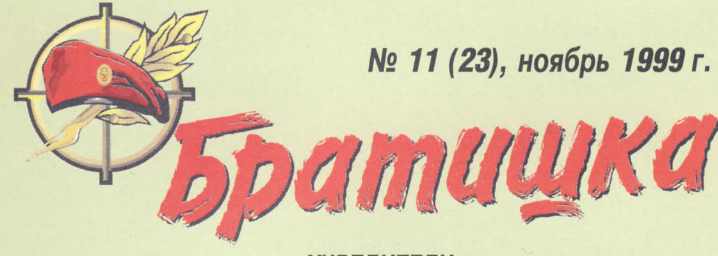
На конкурс принимаются фотографии, рассказывающие о повседневной жизни и боевой работе подразделений специального назначения всех силовых структур Российской Федерации, о людях, посвятивших себя службе в спецназе, о важнейших событиях, участниками и свидетелями которых стали авторы снимков.

Конкурс продлится до 15 марта 2000 года. По итогам конкурса будет проведена выставка в объединении "Фотоцентр". Лауреаты конкурса награждаются призами и памятными подарками. Более подробно о конкурсе читайте в следующем номере "Братишки".

№ 11 (23), ноябрь 1999 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Ассоциация социальной защиты военнослужащих подразделений специального назначения «Братство «краповых беретов» «Витязь»

Фонд социальной поддержки ветеранов подразделений специального назначения правоохранительных органов и спецслужб «Благородство и вера»

Частное охранное предприятие «Центурион-Н»

Частное охранное предприятие «Витязь-Союз»

Редакционный совет:

Владимир БАРАНОВ, Сергей ЖИТИХИН, Роберт ИВОН, Петр ИВАНОВ, Артур КОЗЛОВ, Сергей ЛЫСЮК, Юрий ШАТАЛИН, Максим КОТОВ, Владимир КОБЗЕВ, Вячеслав ОВЧИННИКОВ, Владимир КИБАЛЬНИК

Главный редактор **Сергей КОЛЕСНИК**
Верстка и дизайн **Натальи МИНЬКОВОЙ**
Фото на обложке: **Жан Люк МОРО** (Франция)

Адрес редакции: **107005, г.Москва, а/я 29.**
Тел./факс: (095) 366-36-77
E-mail: Bratishka@mail.ru

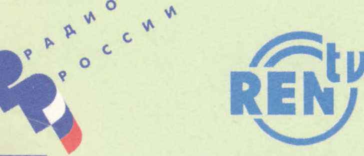
Представительство в Санкт-Петербурге — тел.: 242-00-69

Отпечатано в ЗАО «Алмаз-Пресс»:
Москва, Столярный переулок, д.3. Телефон: (095) 785-29-90, 785-29-99
Тираж 20 тыс. экз. Цена свободная

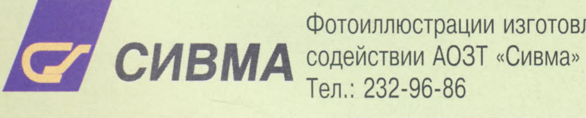
Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 016613 от 23.09.97г.

Издается при содействии Главного командования внутренних войск МВД России

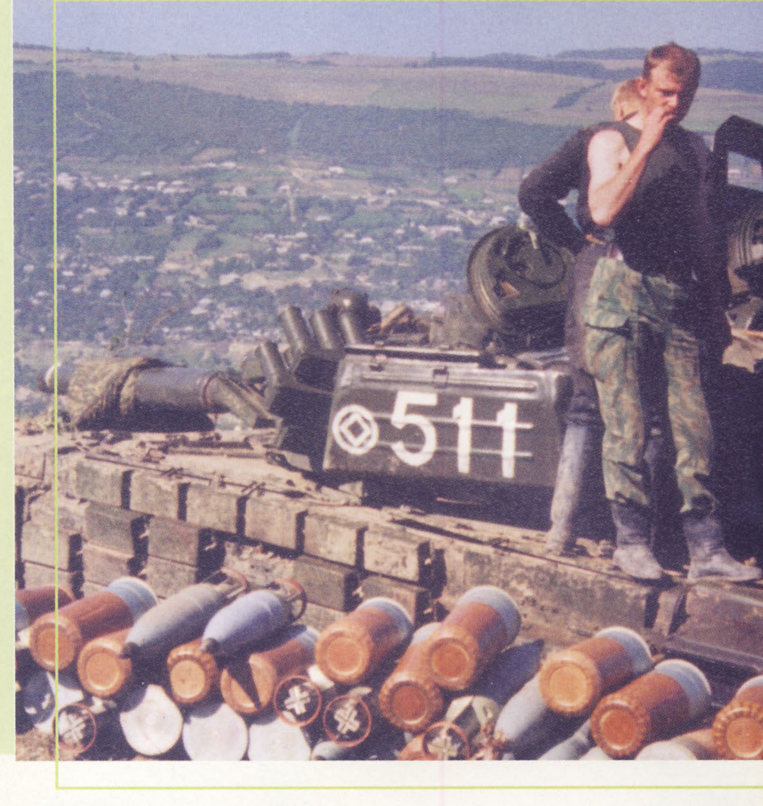
Информационная поддержка

Фотоиллюстрации изготовлены при содействии АОЗТ «Сивма»
Тел.: 232-96-86

В НОМЕР

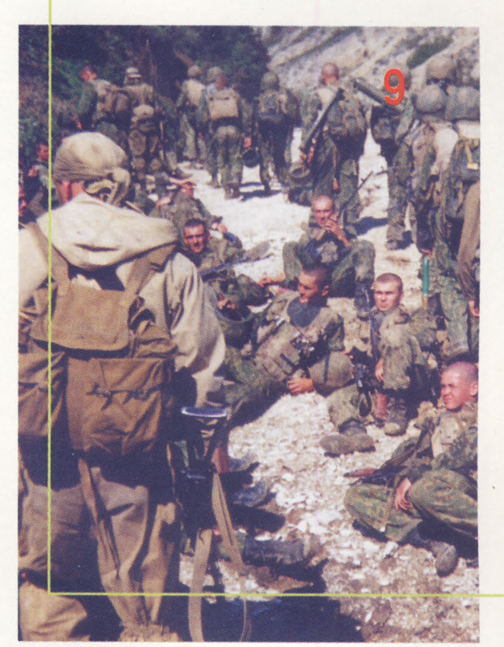
17

ГОРЯЧИЙ РЕГИОН

16

21

9

53

59

ПОДВИГ

ДО ПОСЛЕДНЕГО ПАТРОНА

Лейтенант Алексей Козин, выпускник казанского филиала Челябинского танкового института, свою офицерскую службу начал в дивизии оперативного назначения Северо-Кавказского округа внутренних войск. В мае нынешнего года окончил военное училище, а уже в июле убыл в качестве командира танкового взвода в Дагестан. В составе мобильного отряда неоднократно принимал участие в специальных операциях по патрулированию административной границы с Чечней и перехвату контрабандных бензовозов.

5 сентября подразделение, которому был придан танк с бортовым номером 015 под командованием лейтенанта Алексея Козина, выдвинулось на боевое задание в Новолакском районе Дагестана. Около села Дучи колонна была обстреляна и приняла бой. Боевики устроили настоящую охоту за танком, но экипаж постоянно менял огневые позиции и сумел изрядно потрепать противника. И лишь когда боевики произвели выстрел из гранатомета, Т-72 содрогнулся от прямого попадания. Ожоги лица и множественные осколочные ранения получили наводчик орудия рядовой Сергей Герасимов и заряжающий рядовой Константин Герасименко.

Бандиты тем временем продолжали атаковать танкистов. Оценив обстановку, лейтенант Козин приказал подчиненным отходить в тыл, а сам остался прикрывать их отход. Он отразил несколько попыток боевиков захватить боевую машину. Когда солдаты ушли на безопасное расстояние, офицер поджег боекомплект и попытался покинуть горящую машину. Но его прикрыть уже было некому — пуля снайпера оборвала жизнь лейтенанта.

На выручку танкистам выдвинулась группа военнослужащих на БТРе. Они подобрали раненых, но из-за шквального огня боевиков подойти к танку так и не смогли. Не смогли захватить боевую машину с погибшим офицером и боевики — в танке начали рваться боеприпасы.

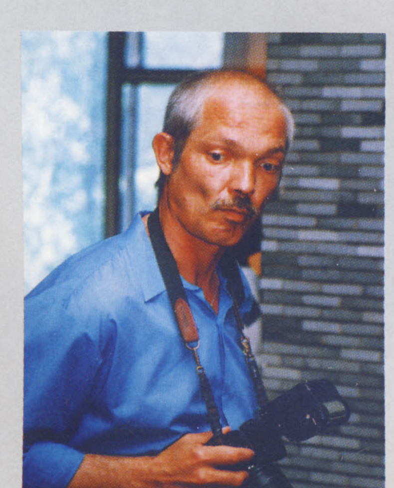
В течение нескольких дней сослуживцы пытались вынести тело погибшего офицера с поля боя. Но это удалось сделать лишь 15 сентября, после того как отвоевали у боевиков высоту близ села Дучи.

За мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, командир танкового взвода лейтенант Алексей Владимирович Козин представлен посмертно к званию Героя Российской Федерации.

Сергей КОЛЕСНИКОВ

РАНЕН НА ПЕРЕДОВОЙ

фотокорреспондент Олег Смирнов

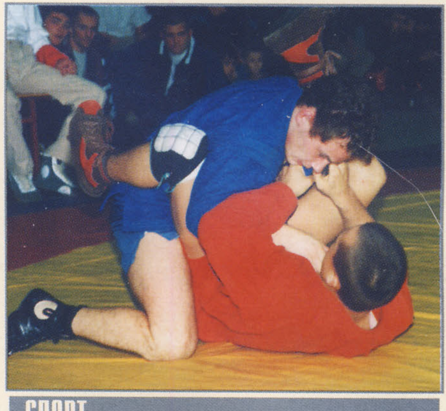

13 октября в Чечне, в районе станицы Червленная, ранен фотокорреспондент Олег Смирнов.

Имя журналиста хорошо известно нашим читателям, его снимки и материалы из горячих точек неоднократно публиковались на страницах "Братишки". И на этот раз он вместе с военным журналистом Юрием Кислым готовил свой очередной фоторепортаж из стреляющего региона.

К счастью, ранение оказалось неопасным для жизни. Мы связались с Олегом, который находится сегодня в краснодарском госпитале. Он жалеет лишь о том, что пуля покорежила кассеты с частью уже отснятого материала.

Уверены, что в следующем номере читатели "Братишки" смогут увидеть снимки Олега Смирнова с передовой. А Олегу мы желаем скорейшего выздоровления и возвращения в строй.

СПОРТ

УРАЛЬЦЫ ВСЕХ СИЛЬНЕЕ

9 октября в Москве прошел чемпионат внутренних войск МВД России по самбо. В универсальном спортивном комплексе "Самбо-70" состязались борцы из всех округов и учебных заведений внутренних войск. Наиболее эффектные схватки провели спортсмены Уральского округа внутренних войск, они же и стали победителями в большинстве весовых категорий, опередив хозяев чемпионата — борцов Московского округа. Среди учебных заведений первенствовали саратовцы, серебро досталось пермякам. Нешуточная борьба развернулась за третье место, здесь курсанты и офицеры Северо-Кавказского военного института буквально вырвали победу у петербуржцев.

Сильнейшим спортсменом первенства

стал победитель в весовой категории свыше 100 килограммов Виталий Гундров из Приволжского округа.

Награды и призы, учрежденные командованием, Всероссийской федерацией и спонсорами чемпионата, победителям вручил командующий Московским округом внутренних войск генерал-полковник Аркадий Баскаев.

Алексей МИШЕНЬКИН
Фото Ильи ЗЛОТНИКА

МУЖЕСТВО

"МАЛОЙ"

Эх, тяжела ты, жизнь солдатская! После целого года службы оказаться самым молодым в подразделении. Когда давно уже позади курс молодого бойца, на плечах сержантские погоны, когда уже в ратной науке, казалось, все знаешь и умеешь и сапер ты, как считают друзья, классный. Но вот пришлось... И откомандировали сапера младшего сержанта Юрия Чернякова к разведчикам двадцатого отряда спецназа внутренних войск. А в разведке все контрактники матерые, семейные, повоевавшие. Как-то придется служить рядом с ними?

Да только война кругом, а на войне отношения между солдатами особые, никаким болезням мирного времени не подверженные. И если кого что и интересует, так это — что ты умеешь и как себя в бою ведешь. А сапер, он даже в разведке первым идет. И цена его ошибки не только собственная жизнь, но и жизнь товарищей. Поэтому и прозвище-позывной Юрия Чернякова "Малой" звучит скорее уважительно.

На боевом счету у Юрия, помимо снятой мины, еще и обезвреженный с напарником управляемый фугас, изготовленный из авиабомбы. Это было в Шодроде, в горном Дагестане.

На снимке у БТРа Юрий не случайно с котелком в руках. Проголодался, уж больно день был тяжелый. Ходили воевать в Карамахи. Село хорошее, только стреляют много. Да и работы там саперам, похоже, предстоит немало. Значит, тем более следует подкрепиться. Война — дело серьезное, даже когда ты самый младший в подразделении.

Андрей МАКАРОВ
Фото автора

ИЗ ПОЧТЫ "БРАТИШКИ"

Привет, "Братишка"!

Хочу рассказать тебе о своей мечте. Сам я с малых лет мечтал служить в десанте. Вот только поступить в военное училище не удалось. "Закосить" от армии у меня и в мыслях не было, наоборот, шел служить с охотой и просился в ВДВ. Но не повезло и здесь, я попал в обычную часть.

Сегодня за плечами уже полтора года срочной службы, стал сержантом, заместителем командира взвода.

И все-таки мечта надеть голубой берет не выходит у меня из головы. Вот и решил узнать у тебя, "Братишка", как мне ее осуществить?

Сержант Михаил ЛОПАТНИКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Михаил, раз желание стать десантником не прошло и после полутора лет срочной службы, значит, мечта эта стоящая и надо за нее побороться.

А путей попасть в десантные войска у тебя несколько. Прежде всего надо попытаться поступить в Рязанский институт ВДВ. Конкурс туда, правда, большой, но все же у отслужившего срочную сержанта есть преимущество перед вчерашними школьниками.

Можно после увольнения в запас и в своем городе обратиться в военкомат. Там могут быть сведения о вакансиях в десантных частях, даже из других мест России. Наконец, можно напрямую обратиться к командованию частей ВДВ, заключить контракт о прохождении военной службы. Такие части есть, к примеру, в Пскове, Иванове, Туле, Рязани. Они же могут дать и направление в школу прапорщиков. Так что возможность осуществить мечту и получить голубой берет у тебя есть. Главное — не сдаваться, и тогда все задуманное обязательно сбудется.

ИЗ ПОЧТЫ "БРАТИШКИ"

"Братишка", помоги. Меня зовут Василий, мне 14 лет. У меня есть мечта: служить в спецназе. Напишите, пожалуйста, существуют ли такие школы спецназа, куда можно поступить в 15-16 лет?

Василий КАПУСТИН
г. Кемь, Карелия

ОТ РЕДАКЦИИ. Василий, школ спецназа именно для 15-16-летних парнишек нет. И тем не менее многие из твоих сверстников уже с гордостью носят форму. Это не только ученики кадетских корпусов в Санкт-Петербурге, Новочеркасске или Кронштадте. Сегодня во многих городах открыты военно-патриотические клубы для подростков. В их программе есть все, что понадобится будущему спецназовцу: ориентирование на местности, тренировки в полевых условиях, изучение образцов оружия. Летом курсанты ходят в походы, неделями живут в лесных и горных лагерях. Наверняка такие клубы есть и в Карелии. Наконец, обязательно в твоем городе окажется спортивный клуб или какая-то спортивная секция. Занимаясь там, можно накачать мышцы и развить выносливость. Ну а в восемнадцать, когда придет повестка из военкомата, на призывной комиссии просись в спецназ, он сегодня есть едва ли не в каждом роде войск.

***

Уважаемая редакция!

Пишет вам бывший стрелок Отдельного комендантского взвода быстрого реагирования "Рекс". Почему бывший? А дело в том, что московские чиновники, приехавшие к нам в Североморск, сочли нашу службу ненужной и отдали приказ о расформировании взвода. В результате нас просто перевели в рядом стоящий стройбат. И вот сегодня вместо автомата я держу в руках лопату. Я обращаюсь с просьбой к журналу: как мне заключить контракт о службе в Югославии или в любой горячей точке? Служить мне осталось недолго, а мне хочется защищать Родину нашу, и не в стройбате...

Валерий ЕРЖАНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Валерий, никаких проблем нет. Увы, похоже, горячих точек в России в ближайшие годы на всех хватит. Увольняясь же со службы, можно взять рекомендацию для поступления в военное училище. Попасть в Югославию, правда, довольно проблематично. Но зато с начала событий в Дагестане военкоматы России ведут набор добровольцев для службы контрактниками. Там и можно будет применить все навыки, полученные за время службы в спецвзводе. Ну а поскольку ваш Североморск находится в зоне действия Северного флота, можно попытаться перевестись или призваться по контракту в морскую пехоту. Ее подразделения воевали в Чечне и сегодня перебрасываются в Дагестан.

***

Уважаемая редакция! Мне в руки попал 7-8-й номер журнала, где вы рассказываете о спецподразделении антитеррора "Альфа". Я давно уже знаю про "Альфу", читал про нее множество статей в журналах и газетах, но нигде не нашел той ниточки, по которой можно было бы выйти на тех, кто отбирает сотрудников в это легендарное спецподразделение.

Служить в "Альфе" — цель моей жизни. Мне 19 лет, с седьмого класса стал готовить себя к службе в армии: занимался спортом, участвовал в военно-спортивных соревнованиях. После школы полтора года проучился в Рязанском училище ВДВ. К сожалению, оттуда пришлось уйти. Срочную дослуживал в Псковской воздушно-десантной дивизии. Сегодня я курсант Балтийского военно-морского института.

Я очень надеюсь, что вы мне поможете, и буду ждать от вас ответа.

Старшина 2-й статьи Денис СТОРОЖОК
г.Калининград

ОТ РЕДАКЦИИ. Денис, "ниточка", по которой приходят в "Альфу" (или, точнее, Управление "А"), очень проста. Поскольку "Альфа" — подразделение ФСБ, то и набор они ведут среди сотрудников этого ведомства. Так что входа с улицы туда нет. Правда, в каждом правиле есть свои исключения, и в истории "Альфы" был случай, когда офицер-десантник из Забайкалья попал в эту группу. Только сначала ему пришлось перейти из армии на службу в территориальные органы ФСБ, а затем уже перебираться в "Альфу".

Так что, Денис, если после окончания военно-морского института мечта служить в "Альфе" останется, можно попробовать таким путем стать ее сотрудником.

ПИСЬМО НОМЕРА

Здравствуй, редакция журнала "Братишка"!

Пишет вам урядник Сергей Писарев из Ессентуков. Хочу немного поведать вам о буднях нашей станицы Святого Георгия. Именно здесь мы готовимся к армии, служить в которой считаем делом чести. В станице мы занимаемся рукопашным боем, маскировкой, верховой ездой, изучаем тактику ведения боя. Теорию отрабатываем на практике при походах в лес.

Но это не главная задача нашей станицы. На первом месте — возрождение казачества, его традиций. Нам хочется, чтобы ребята, отслужив в армии, вернулись в ряды казачьих войск.

В нашу станицу вступают не только дети казаков, но и простые ребята. Для каждого свой испытательный срок: если есть в роду казаки — полгода, если нет — год. В 17 лет каждый парень нашей станицы добровольно присягает на верность казачеству. Большинство парней мечтают служить в ВДВ, спецназе и морской пехоте. И в этом мы пытаемся им помочь. Наша станица молода, и у нас все еще впереди.

А тебе, "Братишка", от имени всей нашей станицы желаю долгих лет жизни и в любых ситуациях оставаться таким же интересным журналом.

Ваш постоянный читатель Сергей ПИСАРЕВ
Ессентуки

ОТ РЕДАКЦИИ. Писем в "Братишку" с каждым днем приходит все больше и больше. Ответить удается не на все. Самые интересные письма мы публикуем. С этого номера журнала автор самого интересного, на наш взгляд, письма будет награждаться ценным подарком. Сегодня футболку со спецназовской символикой мы отправляем в Ессентуки Сергею Писареву.

В ПРОГРАММЕ «ВОЕННАЯ ТАЙНА»

НОВОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ РАЗВЕДОК

КАДРОВЫЕ ПЕРЕСТАНОВКИ В СИЛОВЫХ СТРУКТУРАХ

ТАЙНЫЕ ПЛАНЫ КРЕМЛЯ И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

ПРАВДА О ЖИЗНИ В СОЛДАТСКИХ КАЗАРМАХ И ТЮРЕМНЫХ КАМЕРАХ

ИСПОВЕДЬ ПРОВАЛИВШИХСЯ СУПЕРАГЕНТОВ

СЕКРЕТЫ РОССИЙСКОГО ОРУЖИЯ

БЕЛЫЕ ПЯТНА В ИСТОРИИ ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И КАЖДОГО ИЗ НАС

СМОТРИТЕ
каждый четверг в 20.00
и пятницу в 14.00
на канале REN TV

119847, МОСКВА, ЗУБОВСКИЙ БУЛЬВАР, Д. 17, ОФИС 513
ТЕЛЕФОН/ФАКС: (095) 245-1854

КАДАРСКАЯ ЗОНА

Александр БОРОДАЙ
Игорь СТРЕЛКОВ
Фото Юрия ТУТОВА и авторов

"ВЕРТУШКА" нырнула в просвет между горами и села на раскисшее от дождей картофельное поле, земля которого перемолота гусеницами и колесами бронетехники настолько, что напоминает взбитые сливки. Сразу за вертолетной площадкой начинается хаос "кашээмок" (командно-штабных машин), антенн, палаток, грузовиков, тягачей и бэтээров. Влажный воздух пахнет дымком полевых кухонь и сгоревшим артиллерийским порохом, а по утрамбованной сотнями подошв земле бегут, перекрещиваясь, десятки проводов. Чуть дальше, на самом гребне горы, вырыт просторный окопчик, поверх которого натянута маскировочная сеть. Именно здесь основной командный пункт окружившей Кадарскую зону группировки федеральных войск.

С КП открывается захватывающий красоты вид на аулы Кадар и Карамахи, начинающиеся прямо у подножия горы, и на окрестные горные хребты. Чабанмахи и Ванашимахи практически скрыты за рассекающим долину скалистым гребнем. Оттуда поднимаются столбы дыма, слышны глухие разрывы. Грохочет перестрелка и в относительно близком Карамахи. Тишина только на улицах сдавшегося в самом начале операции Кадара. Даже дома в Кадаре целы, только стекол нет — вылетели от близких разрывов. А Карамахи — живописная груда развалин, некоторые дома горят, и, видимо, уже давно.

Мы представляемся генералу О. (фамилию не называю, так как генерал опасался, что жена узнает, в какую командировку он угодил), и тот указывает места основных боев и расположение штурмующих ваххабитский анклав отрядов спецназа МВД. Вопрос о наших потерях заставляет его нахмуриться. "Потери немалые, — отвечает он. — Видите, чем стреляют, — и вынимает из просторного кармана бушлата здоровенный патрон для крупнокалиберной винтовки.— Вчера солдата из 22-й бригады таким сквозь толстенную кирпичную стену убили".

Однако в целом настроение у тех, кто находится на КП, приподнятое. После двух недель тяжелейших боев наступательные действия отрядов спецназа развиваются довольно успешно, а сопротивление боевиков резко ослабло. Все как один говорят о переломе ситуации. О том, что победа близка.

Между десятью и одиннадцатью часами вечера вдруг стали часто бить самоходки. Под маскировочной сетью КП в тесноте сгрудились штабные офицеры. На дальней высоте — там, где самый центр аула Чабанмахи, ведет тяжелый бой 17-й отряд спецназа внутренних войск и дагестанский ОМОН. В темноте вспыхивают трассеры и разрывы. Изредка почти безлесные горные хребты озаряются бледным светом мощных осветительных ракет.

Оказывается, боевики, прижимая наших огнем из пулеметов и снайперских винтовок, подошли к позициям на расстояние броска ручной гранаты. Некоторые даже прыгали с криком "Аллах акбар!" в окопы и подрывали себя вместе с солдатами.

КП помогает своим артиллерийским огнем. "Утес" (это позывной командующего) требует вертолетов для вывоза раненых,

ищет затерявшихся где-то врачей. Бой стихает минут через сорок, но орудия федеральной артиллерии работают еще несколько часов. Наши войска в Чабанмахи были вынуждены оставить занятую днем высоту.

Как выяснилось позже, в ту ночь отряд ваххабитов численностью в 60-70 человек сумел прорваться сквозь позиции федеральных войск и уйти через никем не блокированную гору Чабан в густую "зеленку" на ее обратном склоне.

Несколькими днями позже случай свел нас с бойцом 17-го отряда спецназа ВВ, все еще остро переживавшим минувший бой, в котором он принимал непосредственное участие. Найдя в нас благодарных слушателей, боец рассказывал торопливо и горячо, как бы опасаясь, что мы неожиданно исчезнем, так и не выслушав его повести о подвигах павших товарищей.

17-й отряд 9 сентября штурмовал и захватил часть Чабанмахи, забравшись в самую верхнюю часть села и немного не дойдя до сердца вражеской обороны, центральной мечети. Но ночью ваххабиты предприняли отчаянную контратаку, видимо, намереваясь прикрыть отход основной группы в горы или рассчитывая в случае крупного успеха прорваться вниз. Среди окопов и разрушенных строений, в густом кустарнике, покрывающем крутые склоны, разгорелся бой. Противники стреляли друг в друга почти в упор. Но бешеная атака моджахедов увенчалась лишь частичным успехом. Бойцы 17-го отряда были отброшены с гребня, однако совсем недалеко. Потери спецназовцев в этой схватке составили 6 убитых и около 20 раненых. Больше всего пострадал разведвзвод, оказавшийся на самом острие вражеской атаки. Потери атакующих были больше в 3-4 раза. Только убитых боевиков насчитали не меньше двух десятков. Значительная часть из них пала от руки ефрейтора Руслана Чесникова, до последнего прикрывавшего отход товарищей.

Окруженный почти со всех сторон, Руслан отстреливался до тех пор, пока боевик-смертник с гранатами в руках не кинулся на него с откоса. Другой боец — ефрейтор Игорь Клевцов — с разорванным осколками легким отказался покинуть позиции, сражался до конца и пал от пули снайпера уже при отходе. Обоим оставались считанные дни до увольнения в запас... Когда заполняли наградные листы, павших сочли достойными орденов Мужества (посмертно)...

ОТРЯД спецназа МВД третий час топал к верхней части Чабанмахи пешим порядком, поскольку его изношенные бэтээры не осилили крутых дорог ваххабитских аулов. Бойцы напоминали вьючных лошадей — полные РД и тяжелые бронежилеты, автоматы и винтовки, гранатометы и пулеметы, боеприпасы к ним и тяжеленные упаковки из двух "Шмелей" — все это легло на плечи, за редким исключением, не слишком-то рослых и здоровых солдат. Бойцы карабкались вверх, при необходимости подтягивая товарищей за протянутые стволы автоматов, топтали пышные поля, в мелкое крошево разбивали тяжелыми ботинками ядреные сочные тыквы и капустные кочаны.

Наконец-то привал. Солдаты, прапорщики и офицеры с одинаковым облегчением плюхаются в грязь раздолбанного снарядами курятника. Между осыпавшимися балками виден силуэт пробитого насквозь снарядом минарета мечети, рядом с которой располагается основной опорный пункт ваххабитов.

Ушедший чуть вперед командир отряда оглядывается на своих запыхавшихся бойцов и тихонько матерится. Он знает, что сегодня его отряду нужно быть у той далекой мечети.

Такова задача, поставленная "Утесом", — командующим операцией генералом Лабунцом. И еще он прекрасно понимает, что если его солдаты пойдут на штурм вершины без тщательной разведки, усталые, на ватных ногах, то серьезных потерь не избежать. Надежда только на то, что боевики, поняв бессмысленность сопротивления, уже покинули Чабанмахи, оставив в качестве заслона только смертников-одиночек.

Неторопливой походкой подходит командир дагестанского ОМОНа — с ним надо согласовать действия. Эти дагестанцы, в отличие от других местных отрядов, которые вообще не принимают участия в боях, дерутся неплохо, во всяком случае достаточно храбро — мстят за погибших товарищей (17 убитых, около 60 раненых). Однако сегодня командир дагестанцев не рвется в бой. "Мы ваш резерв", — настаивает он.

И в это время снова оживает рация. "Утес" требует немедленных действий. "Ты спецназ или кто?" — задает он риторический вопрос. "Спецназ", — подтверждает командир и отправляет на гребень одну из групп.

Мы наблюдаем, как бойцы тяжелым шагом поднимаются по склону в самую высокую часть Чабанмахи. Вот они достигли гребня, движутся перебежками, бьют куда-то из автоматов. На помощь группе устремляется разведка отряда: четыре солдата, четыре прапорщика и офицер.

По разбитой горной дороге к нам подползает странного вида гусеничная машина, вооруженная только двумя длинными ракетами. Она уходит чуть вперед, после чего над развалинами мечети и домов, в самом сердце Чабанмахи, на мгновение вырастает огромный огненный шар. Мощный взрыв, воздушная волна от которого весьма ощутима даже на расстоянии, напоминает атомный характерной формой дымного гриба.

"Это натуральный Аллах-пи...ц!, — орет в рацию замкомандира отряда. — Только следующую чуть левее положите", — просит он. И снова мы видим, как над развалинами ваххабитского оплота взмывает ракета, попадающая на сей раз точно в цель. Так работает УР-77 — установка разминирования, каждый заряд которой несет в себе полторы тонны взрывчатки. Жаль только, максимальная дальность выстрела — всего 500 метров.

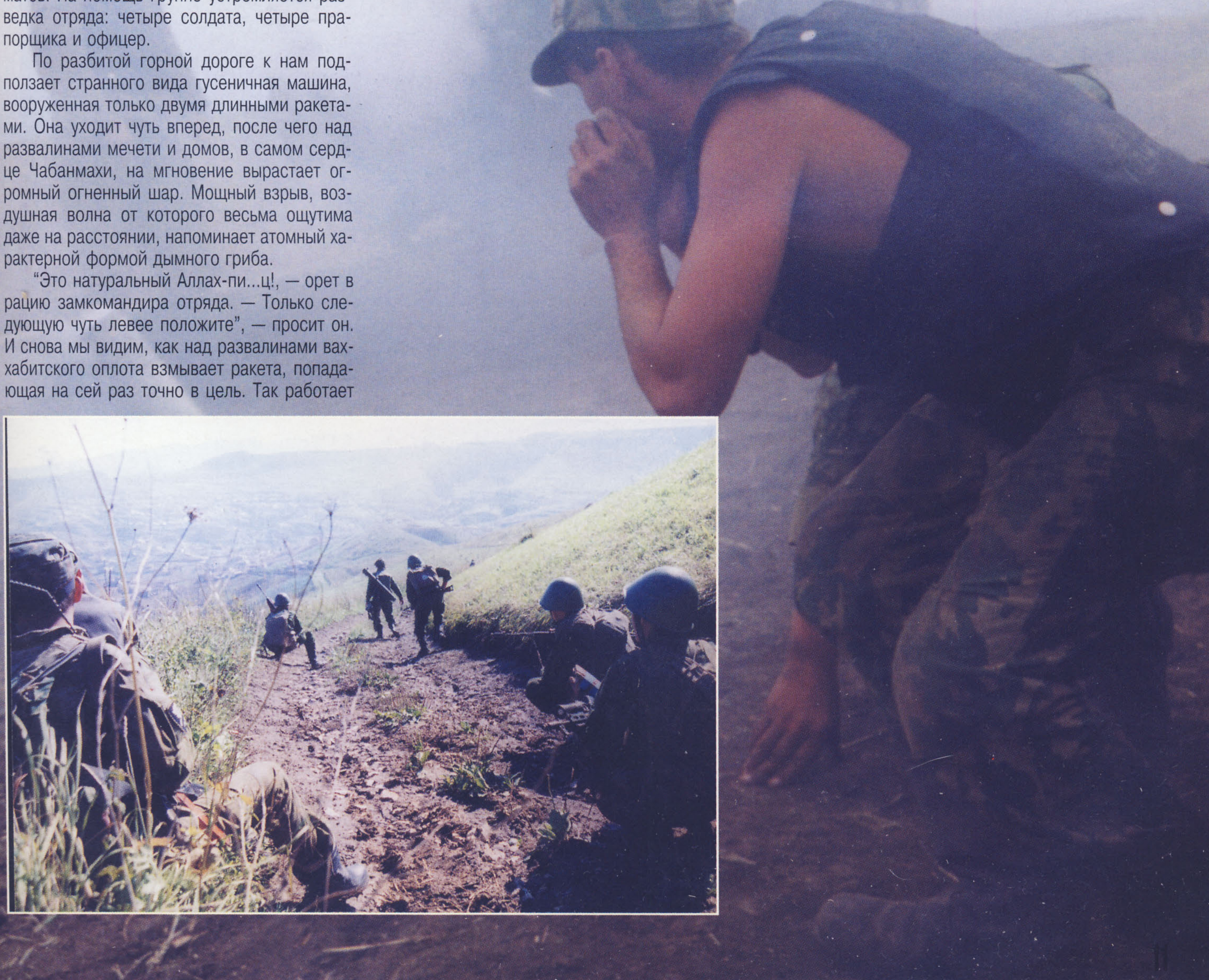
Сделав свое дело, машина ползет обратно, а вместе с ней возвращаются и разведчики. На броне — тело бойца 17-го отряда, посеченного накануне вражеским АГСом. Вчера, в суматохе боя, товарищи не смогли его вытащить. Разведчики приносят и ручной гранатомет, который как свою собственность опознают дагестанские омоновцы. Вообще Чабанмахи буквально завалены "ничейным" военным имуществом.

Теперь уже весь отряд идет наверх — туда, где еще дымятся развалины домов Хаттаба и "военного амира" ваххабитов некоего Мухтара. По всему селу хлопают разрывы гранат и короткие автоматные очереди. Сопротивление боевиков сломлено, и вовсю пошла зачистка. Счастливый особист отряда сгибается под тяжестью огромной торбы — он набрал много ценных документов. По рукам ходит фотография самого Хаттаба — улыбающийся бандит в белоснежных широких одеждах позирует на фоне окрестных гор. Находится и паспорт его жены, которую по фотографии повеселевшие омоновцы пытаются оценить как женщину.

Тем временем бойцы отряда обнаружили хорошо заминированный дом, окруженный сетью подземных ходов. Огнеметчик бьет точно в окно, и мощное кирпичное здание складывается, как карточный домик.

Боевики явно бежали из центра Чабанмахи в панике, бросая не только непохороненные тела убитых (чего обычно стараются не делать), но и оружие — тяжелый пулемет "Утес", управление которым ловко выведено на велосипедный руль, несколько АГСов и даже снайперские винтовки.

Приближается ночь, и зачищающие Чабанмахи отряды спецназа и ОМОНы потихоньку стягиваются к центру села. Все знают, что сейчас прилетит генерал-полковник Лабунец. Вскоре он появляется — небритый, в пилотке, надвинутой на бровь, в сопровождении небольшой свиты и энтэвэшного оператора — "для истории". Генерал торжественно поднимает трехцветное знамя над развали-

нами какого-то сарая в самой высокой точке Чабанмахи. Он поздравляет всех бойцов с победой. Победа! На радостях омоновцы палят в воздух из всех стволов.

Однако генерал призывает быть бдительными. Только что в находящемся чуть ниже селении Карамахи, которое тоже вроде бы очищено от противника, от пуль снайпера-одиночки погибли четверо бойцов ОМОНа.

Но все и так понимают, что ночь может принести немало неприятных неожиданностей. Ведь те боевики, что вырвались из аулов прошлой ночью, сегодня могут вернуться обратно. Командиры подразделений опасаются типичного чеченского варианта, когда бандиты, обстреливая близко расположенные позиции федеральных войск, провоцируют их на взаимные перестрелки. Все торопятся занять более или менее целые дома, организовать круговую оборону и договориться с соседями о взаимодействии.

Генерал прощается с войсками и широким шагом удаляется к вертолетной площадке...

РАЗВЕДКА устроилась, конечно, лучше всех. Она, шедшая впереди отряда, как обычно, успела облюбовать и занять почти не подвергшийся разрушениям ваххабитский молельный дом. Внутри никакой мебели, зато ковры в четыре слоя. В них нам пришлось заворачиваться под утро — ночи в горах холодные.

А пока мы вместе с потерявшим своих бывалым краснодарским уиновцем и армейскими минометчиками довариваем суп из трофейных кур, оставленных нам ушедшими на другие позиции дагестанскими омоновцами, пьем малую дозу принесенной из бэтээров водки и, как водится, сетуем на служебное рвение генералов, всегда стремящихся поскорей доложить высокому политическому начальству о "полной победе".

Ночь прошла относительно спокойно — стреляли немного, хотя рядом с нашим окном, предусмотрительно заваленным досками и коврами, разок рванула шальная ручная граната. Утро 13 сентября выдалось пасмурным. В окрестностях еще постреливали, а по рации сообщали о ликвидации мелких групп боевиков, извлеченных из схронов в Карамахи и Чабанмахи. Оказалось, что рядом с тем местом, где вчера Лабунец водрузил российский флаг, сегодня был найден бункер с пятью ваххабитами. Сначала они отказывались выйти, обещая "в случае чего" взорвать находящихся с ними женщин, но когда сообразили, что их угрозы никого не волнуют, выскочили с автоматами в руках и полегли под огнем бойцов из 17-го отряда. Один из убитых моджахедов оказался гражданином независимого Узбекистана.

К середине дня штурмовавшие село части внутренних войск стали спускаться вниз к своим полевым лагерям, где их ждали старенькие бэтээры, спальные мешки и сухпайки. Отряды проходили мимо горящих добротных домов и полей, заваленных гниющими коровьими тушами. Спецназовцы мечтали, чтобы проклятый ваххабитский анклав был стерт с лица земли вакуумными бомбами или хотя бы сожжен дотла, чтобы сюда уже никто не пожелал вернуться. Мы не сомневались: остающиеся в селах омоновцы постараются исполнить это желание.

ШТУРМ ЧЕРНОЙ КРЕПОСТИ

Юрий КОТЕНОК
Фото Юрия ТУТОВА
и Михаила ЗВЕРЕВА

КОМБРИГА полковника Владимира Керского здесь считают крутым командиром. Он знает свое дело досконально. С подчиненными строг. Не терпит разгильдяйства и трусости. Сам постоянно на передке. Валидол принимает пачками. В населенных пунктах Карамахи и Чабанмахи его подчиненные попали в самое пекло. Только за одну неделю они пять раз штурмовали укрепления боевиков, стараясь закрепиться на окраине села. За время боев в Кадарской зоне 22-я бригада оперативного назначения внутренних войск МВД России потеряла людей больше, чем за всю чеченскую войну. В одном батальоне из строя выбыли все офицеры. При этом потери не восполняются, и задачи приходится выполнять меньшим числом людей.

Мы находимся на наблюдательном пункте. До боевиков метров 250. Рядом прямой наводкой по укреплениям противника бьет танк с интересным номером "13", разговаривать трудно. Наводчик орудия Вася Романов — личность уникальная. Именно он выстрелом сбил флаг боевиков со здания шариатской полиции. Романов может с большого расстояния попасть в любую амбразуру. Снайпер от Бога. Вдалеке в дыму виднеется расколотый пополам дом Хаттаба. Ювелирная работа наводчика.

— Каждый солдат моей бригады — герой, — говорит полковник Керский. — По нам бьют из каждого дома. Степень защищенности боевиков, их позиции неизвестны. Проводим доразведку, действуя вслепую.

...8 сентября. 17.00. С горы хорошо видно, как штурмовые группы выходят к северо-западной окраине села Карамахи (в переводе с даргинского — Черное село). Здесь сосредоточены большие силы боевиков. Солдаты перебегают от дома к дому, ведут огонь. 22-я бригада прикрывает действия 20-го отряда спецназа и дагестанского ОМОНа. Молочный туман закрывает все село. Бой разгорается. Везде слышны выстрелы и разрывы гранат. Наши танки и пушки молчат, а то, не дай Бог, по своим попадешь. Рация комбрига не умолкает ни на секунду. По переговорам ясно — "духи" лезут из щелей и охватывают наши фланги. Есть потери. Этот бой солдаты и офицеры 22-й бригады будут помнить всю жизнь.

Группу старшего лейтенанта Сергея Полякова снайперы обстреляли на сопке. Офицер погиб. В тумане у полуразрушенного дома бойцы лицом к лицу столкнулись с боевиками. Стреляли в упор, сошлись в рукопашной. "Духи" потеряли шесть человек убитыми и бросили миномет.

Под шквальным огнем штурмовые группы получили приказ отходить. Младший сержант Александр Голошов и рядовой Вячеслав Красноусов были последними, несли тяжело раненного Александра Струницкого. Последний раз их видели за сопкой, когда до укрытия оставались считанные метры. До 12 сентября они числились пропавшими без вести. Еще сутки оставалась надежда, что ребята добрались до своих, выжили, вышли на дагестанский ОМОН и, раненые, попали в госпиталь... Тела всех троих нашли после взятия села. Бандиты стреляли им в спины, видя, что солдаты несли раненого. Голошову и Красноусову не хватило нескольких секунд. В тот вечер на проклятых сопках полегло десять парней...

ПРОШЛО несколько часов. Сейчас поредевшая рота на лужайке чистит оружие. Копоть и грязь въелись не только в автоматы и пулеметы. Почернели лица солдат. Сегодня их поведут в баню. Уже соорудили душ, правда, воды мало. Ее доставляет водовозка. Потом обед и сон — тревожное забытье.

Большинство ребят подавленно молчат. Кто-то сосредоточенно курит. Переговариваются нехотя, по необходимости. Каждый переживает в душе все сам.

Сергей Хлестов делится мыслями о вчерашнем бое:

— Ротный приказал мне помочь забрать раненых. Полз в тумане на звук голосов. Вдруг слышу — стоны совсем рядом. Перевязал двоих, раздал бинты. Тогда же по цепочке передали, что Поляков убит. Отходили уже в темноте. Наших полегло много, но "духов" еще больше. Спасибо ротному, капитану Гиревину, без него пропали бы. Я прикрывал отход остальных. Стрелял, а потом оружие заклинило: пуля попала в пулемет.

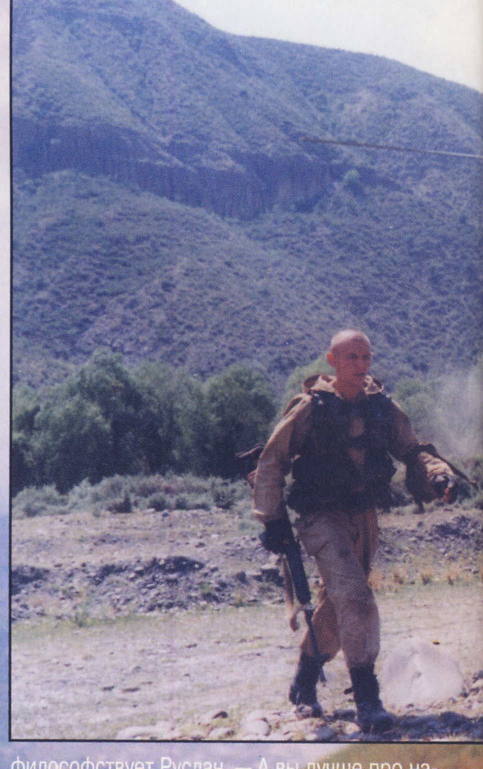
Сергей отправился в Дагестан по желанию, напросился, чтобы включили в списки. Сам из семьи военнослужащего. Хочет стать офицером.

— Я воюю не за деньги и льготы. Считаю себя патриотом. Бандитов нужно остановить, иначе они придут в наши дома уже в России. Здесь мы защищаем свои семьи, родных и близких. И еще, пусть "духи" знают: за погибших мы будем мстить.

БОЕВЫЕ действия в Кадарской зоне имеют свои особенности. Прежде всего бросается в глаза отношение местных жителей к военным. На дороге у Волчьих ворот постоянно стоят машины с местными номерами. Дагестанцы привозят солдатам теплые вещи, сигареты, свежий лаваш, овощи и фрукты. Сами жители окрестных сел рвутся в бой, готовы защищать свои семьи с оружием в руках и разобраться с бандитами. Но крепость Карамахи штурмуют войска.

— Местные нас поддерживают. Дагестан — часть России. И отделяться от нас никто не

собирается, — говорит Руслан Деев, командир отделения из Белгорода.

Поначалу я принял этого крепкого парня за контрактника. Ввела в заблуждение трофейная камуфлированная панама. Руслан воюет на Кавказе уже 53 дня. Вчера в бою был убит его друг. Пуля прошила насквозь тело и бронежилет. Боевик использовал винтовку, которую называют "антиснайпер". Калибр 12,7 миллиметра. Дальность боя до трех километров. Пуля пробивает даже кирпичную кладку и броню БТРа. Такую винтовку я видел только у спецназа МВД Дагестана. В 22-й бригаде такого оружия нет. Зато его хватает у боевиков. Все офицеры утверждают, что боевики вооружены гораздо лучше. У каждого второго — пулемет ПК. В почете СВД и винтовки "Магнум". Ими боевики дорожат и редко оставляют на поле боя. Среди трофеев в Карамахи я видел автоматы, минометы и другое оружие, и только один раз — снайперскую винтовку с разбитой оптикой.

Руслану Дееву сильно повезло во вчерашнем бою. В его бронежилете застряли две пули. Он задирает тельняшку и показывает мне места, куда целились боевики. Прямо под сердце и в живот.

— Без брони я был бы уже не жилец. Так что вчера я вытащил счастливый билет, — философствует Руслан. — А вы лучше про нашего огнеметчика напишите, Ивана Валуна. Отчаянный парень. Вчера сжег снайпера.

Иван чистил автомат, тряпкой долго оттирал затворную раму. Было видно, что стесняется. Он плохо слышит — контузия. В ушах запеклась кровь. Вчера этот скромный сибиряк сделал три выстрела из огнемета "Шмель". Шлем не надевал, чтобы не пропустить приказы командира, и оглох от грохота.

Снайпер "духов" выбрал удачную позицию: устроился на чердаке двухэтажного дома на пригорке и держал под обстрелом всю роту.

— До дома было метров триста, — вспоминает Иван, — я подполз к забору, прицелился и попал прямо в окно. Чердак взорвался. Если честно, во время боя даже испугаться не успел. Один раз стало не по себе, когда совсем рядом из ямы боевик закричал: "Аллах акбар!" — и начал стрелять. Мы закидали его гранатами. Страшно стало уже потом, когда отошли назад.

Бой на северо-западной окраине Карамахи 8 сентября был самым жестоким. До этого дня боевики еще рассчитывали на помощь из Чечни, ждали Хаттаба и Басаева. Они выжидали и готовились к прорыву. Потом поняли, что остались одни, сопротивлялись отчаянно. Авиация достала "духов" так сильно, что по вертолетам огневой поддержки они начали стрелять из ПТУРов. Да, видно, целились плохо. Орудия САУ подавили эту огневую точку.

11 сентября погода испортилась. В горах сыро, оседает туман и моросит мелкий дождь. Приданные 22-й бригаде танки прямой наводкой крушат дома на окраине села, в которых замечены снайперы и наблюдатели боевиков. По словам майора Игоря Павленко, в селе уже давно нет мирных жителей. Поэтому все огневые точки и укрепления безого-

ворочно уничтожаются. Лучше тратить снаряды, чем терять людей...

ВОСКРЕСНОЕ утро радует нас солнцем и хорошими приметами. Во-первых, по дороге на кухню встречаем солдатика с двумя полными ведрами воды — будет удача. И самое главное — у офицерской палатки боец делает древко для знамени. Всем становится ясно — сегодня решающий день. Полковник Керский ставит задачу.

Мы заходим в село. Бойцы батальона капитана Андрея Штыкова пробиваются к центру — зданиям больницы и шариатской полиции. Мы идем по одной из улиц. Под ногами проволока от снарядов ПТУР, неразорвавшиеся снаряды и гранаты. Перешагиваем через них осторожно. Рядом со мной обвешанный лентами пулеметчик Олег. Метров через сорок мы приседаем. Вокруг идет бой, свистят пули и слышны разрывы гранат. В ста метрах рванула мина, по крыше дома застучали осколки. Чей миномет, наш или боевиков? Неясно. Из ущелья доносятся одиночные выстрелы. Там засел "дух" и обстреливает наших. Его засекли — на солнце сверкнула оптика. Через минуту по склону, заросшему кустарником, начинают бить минометы. Снайпер больше не стреляет.

Правее нас в село вошел 20-й отряд спецназа внутренних войск. Спецы прорываются с боем, обозначая свой фланг зелеными ракетами. У них за утро есть потери — два "двухсотых". Сейчас главное — соединиться и не открыть огонь друг по другу.

Боевики отходят. Раздается сильный грохот. В небо взметнулся столб пламени размером с пятиэтажный дом. "Бээмпэшка" попала в склад с боеприпасами.

Мы заходим в один из домов. Крыша как решето. В стенах зияют огромные дыры. Видно, что жители ушли отсюда в спешке. В холодильнике мед и икра. Мягкая мебель и японская техника разбиты. На полу видны капли крови. Везде бинты и шприцы. Бойцы находят ампулы с жидкостью бурого цвета. Среди боевиков много наркоманов... У окна лежанка. На перине остался контур человеческого тела. Еще утром здесь отдыхал боевик.

Прямо перед нами через дорогу стоит дом Хаттаба, его зачищает штурмовая группа. По всему периметру дома расположены амбразуры, мешки с песком. От прямых попаданий дом раскололся надвое. Вряд ли кто уцелел в нем после такого удара. В грудах кирпича солдаты находят фотографии Хаттаба и боевиков. Они одеты в новую, с иголочки форму, все с оружием. Много ваххабитской литературы, аудио- и видеокассет.

Документы раскиданы прямо под ногами. Бойцы нашли паспорт гражданина Иордании, еще один. Пленные утверждают, что в боях погибло много наемников-арабов. Часть из них находится под завалами.

Штурмовые группы подходят к центру села. Здесь были основные укрепления боевиков. Во дворах окопы и подземные ходы. Много растяжек. Группа прапорщика Андрея Алексеева обнаружила минное поле, обозначила его и вызвала саперов.

На соседней улице стреляют особенно сильно. В подвале дома засели двое бандитов. Сдаваться они отказались и были уничтожены. По словам офицера Дмитрия Белобородова, еще раньше в этом доме был замечен наблюдатель противника. Мы спускаемся в подвал — все то же. Бойницы, лежанки, бинокли, автоматы. Находим документы одного из убитых бандитов. Он русский. Вместе с паспортом — тетрадный листок с планом отхода через село Даранги. Второй боевик весь в синяках от уколов.

Оружия в селе — на целую армию. В одном из домов находим склад боеприпасов. Одних выстрелов для ручного гранатомета насчитываем около сотни. Появились и пленные.

Старика лет под семьдесят нашли в разбитом доме. Говорит, что пил чай, а боевиков ни разу не видел. Глаза настороженные, взгляд цепкий и совсем не старческий. Когда передавали его сотрудникам МВД Дагестана, выяснилось, что безобидный, на первый взгляд, старичок — один из идеологов ваххабизма в Карамахи. Его сын командовал здесь отрядом боевиков и отвечал за участок обороны села.

В 11.15 под прикрытием танка мы выходим на площадь перед зданием шариатской полиции. Поднимаемся на

крышу. В 11.37 бойцами 22-й отдельной бригады внутренних войск водружен российский флаг на здании шариатской полиции. Полковник Керский докладывает командующему объединенной группировкой федеральных войск: взяты здания больницы, шариатской полиции, бойцы зачищают оставшиеся дома, над селом водружен российский флаг.

На лицах солдат и офицеров радость. Шестнадцатидневная осада села Карамахи завершилась победой. Звучит салют из автоматов.

К площади выходят передовые группы 20-го отряда спецназа внутренних войск.

В этот же день подразделения федеральных сил заняли селение Чабанмахи. Еще сутки уничтожались отдельные очаги сопротивления боевиков.

Дорогой ценой досталась эта победа. Только в одной 22-й бригаде вышло из строя около двухсот солдат и офицеров. Бригада совершила подвиг, и ни у кого не возникнет желания оспорить эти слова.

В Дагестане обстановка остается сложной, и вполне вероятно, что перед бригадой будут поставлены новые задачи...

МЫ ПОКИДАЛИ Кадарскую зону вечером 13 сентября. Жители горных аулов выходили к нашей машине, подносили фрукты и поздравляли с победой. В трех селах мужчины, женщины и дети просили оружие, были готовы купить автомат, патроны и гранаты за любую цену. Люди в этих местах живут войной. Свою землю они будут защищать. В каждом селе созданы отряды самообороны. И все же хочется, чтобы война не входила в их дома. Господи, ниспошли мир на эту землю! Пусть наши парни скорее возвращаются домой.

Имена и фамилии некоторых героев публикации изменены.

Иван МУЧАК
Фото из архива липецкого ОМОНа

НОВОЛАКСКИЙ ПРОРЫВ ЛИПЕЦКОГО ОМОНА

Со словами молитвы провожали милиционеров липецкого ОМОНа в пятнадцатую тревожную командировку их родные и близкие. Сами омоновцы надеялись не только на чудодейственную силу слова, обращенного к Всевышнему, сколько на отличную выучку, умелое владение оружием, сплоченность отряда, выручку и взаимопомощь, которые им уже не раз помогали выживать в экстремальных ситуациях. В предыдущих командировках отряд действовал единой группой и успешно выполнял поставленные задачи. На этот раз в Дагестане его разделили на две равные части и одних направили в Казбековский район, других — в Новолакский. Отдельные бойцы отряда усмотрели в этом недобрый знак.

Все надеялись на мирное разрешение напряженности, хотя то, что произошло ранним утром 5 сентября в Новолакском, не явилось неожиданностью ни для кого.

Ранним утром для проверки несения службы милиционерами на постах и оценки обстановки вместе с командиром взвода лейтенантом милиции Алексеем Токаревым вызвался пойти врач отряда старший лейтенант милиции Эдуард Белан.

Только офицеры поравнялись с забором, отделяющим территорию местной мечети от кривой, поросшей по краям кустарником улочки, как из густой "зеленки" прямо в грудь Токареву уперся ствол снайперской винтовки. И тут же из-за куста показалось бородатое лицо. Несколько секунд хватило бы, чтобы заученным движением перевести автомат в боевое положение. Но в такой обстановке любое лишнее движение может стоить жизни. Бандиты надеялись, что внезапностью им удастся ошеломить милиционеров и захватить их без сопротивления. Но Алексей не растерялся, схватился за ствол винтовки, поднял ее над головой и нанес бородачу удар ногой в пах. Двое других в это время насели на Эдуарда и повалили его на землю. Токарев оттолкнул навалившихся на него боевиков и рванул в сторону Дома культуры, в спортзале которого расположились липецкие омоновцы. Нужно было предупредить о нападении. Поняв, что захватить милиционеров не удастся, боевики открыли огонь из стрелкового оружия. Бородач вскинул снайперскую винтовку и, почти не целясь, послал две пули вдогонку. Спасали Алексея кривые, ломаные улочки. Уже свернув за поворот, он, раненый, упал в пыль. Другие автоматные очереди пронеслись над головой, не причинив вреда. С простреленной почкой и печенью Токарев нашел в себе силы подняться и добежать до спортзала уже под перекрестным огнем.

За несколько минут до этого в РОВД уже получили от дозорных групп сигнал, что боевики продвигаются в глубь района. И дагестанские, и липецкие милиционеры сразу же вооружились, и когда прозвучали первые выстрелы боевиков, были на боевых позициях.

То, что бандиты основной огонь сосредоточили на спортзале, вполне объяснимо. Им необходимо было в первую очередь уничтожить омоновцев. К дагестанским милиционерам они решили пока проявлять лояльность, сохраняя лицо "освободителей Кавказа". Но как только здание РОВД и Дом культуры оказались блокированными — перед соблазном похозяйничать не устояли. Милиционеры видели, как со стороны Чечни подъезжали машины, бандиты ходили по домам, забирали приглянувшееся им имущество сельчан и загружали в грузовики.

А сами милиционеры — и дагестанские, и липецкие — оказались в такой ситуации, когда остается только одно: защищать себя и с боями прорываться из окружения. В поселке находились местные жители, и поэтому поливать свинцом налево и направо было небезопасно.

А между тем огонь боевиков не ослабевал. Несколько гранат пронеслись над крышей Дома культуры и продырявили стену спортзала почти под потолком, осыпав омоновцев каменными осколками. Хорошо, что массивные стены спортзала укрывали от пуль стрелкового оружия. Тем не менее среди омоновцев появились раненые.

Как только огонь немного утих (боевики рассредоточились по поселку), командир роты майор Сергей Сковородин скрытно проник в здание РОВД, оценил обстановку и принял решение всех своих подчиненных передислоцировать туда. Здесь были сосредоточены боеприпасы, здесь находились и дагестанские милиционеры. Совместными усилиями легче организовать круговую оборону.

Обнаружив передвижение омоновцев, боевики с еще большим остервенением стали поливать их свинцом. Старший сержант милиции Андрей Теперик прикрывал действия товарищей. Автоматными очередями он заставлял боевиков прятаться и отвлекал их огонь на себя. Боевикам все же удалось засечь его огневую позицию, и пулеметной очередью Андрей был сражен насмерть.

Боевики предлагали дагестанским милиционерам уйти подобру-поздорову, обещали им даже оружие отдать, только бы те бросили липецких омоновцев. Но дагестанцы не пошли на сделку. Было принято решение вместе отбиваться и вместе выходить из окружения. После этого бандиты отбросили всякую дипломатию и с наступлением сумерек начали вести огонь на поражение.

Раненых милиционеров разместили на втором этаже, где вероятность поймать пулю или осколок гранаты была значительно меньше. Их успокаивали: "Не беспокойтесь, они пройдут к вам только через наши трупы!"

Сначала боевики выжидали. Тактика их

зициям федеральных сил. К 8 часам утра вышли к селу Новокули, там уже были свои. При прорыве из блокированного поселка новолакские милиционеры потеряли 14 человек убитыми, 8 человек было ранено. У липецких омоновцев один убит и шестеро получили ранения. Врач Эдуард Белан все еще числился без вести пропавшим.

Как-то довелось услышать такой афоризм: "Денег, патронов и информации никогда не бывает много". В том, что патронов никогда не бывает много, убедились липецкие омоновцы. В том, что никогда не бывает много информации, — их родные и близкие. Хотя порой информации было слишком много, иногда она опережала события и была недостаточно достоверной. По дагестанскому телевидению объявили, что липецкий ОМОН окружили бандиты и всех сотрудников вырезали. Такими, наверное, и были планы боевиков. А при внезапном нападении на другой исход омоновцам трудно было бы рассчитывать. Но самоотверженные действия Алексея Токарева и Эдуарда Белана не позволили боевикам воплотить свой замысел.

Весть о блокировании липецкого ОМОНа в здании РОВД и спортзале Дома культуры сразу же стала главной новостью телеканалов. Факты один трагичнее другого в течение нескольких дней не отпускали от экранов телевизоров родных и близких сотрудников милиции, воевавших в Дагестане. Все знали, что в Новолакском находится только часть отряда, двадцать пять человек. "В какой группе мой?" — думала каждая мать, жена, сестра. Все втайне надеялись, что не в той, которая в Новолакском ведет кровопролитный бой.

Выяснить подробности о судьбе Эдуарда Белана не удавалось до тех пор, пока в Дагестан не отправился командир липецкого ОМОНа подполковник милиции Григорий Душкин с конкретной задачей: разобраться во всем на месте, вывезти оттуда раненых бойцов и тело погибшего Андрея Теперика. Еще находясь в Махачкале, от одного из местных жителей Новолакского, очевидца трагедии, Григорий Иванович узнал, что Эдуарда Белана боевики застрелили сразу же, в упор. Позже это подтвердилось и в ходе опознания. Вывозить на родину пришлось командиру тела двоих погибших милиционеров.

...20 сентября 1999 года Липецк проводил в последний путь погибших в Дагестане омоновцев.

— Мы склоняем головы перед нашими героическими парнями, — говорил прощальные слова охрипшим от бессонных ночей голосом начальник УВД Липецкой области генерал-майор Александр Аксенов. — Они, ушедшие от нас, сохранили жизнь своим товарищам. Руководство УВД будет ходатайствовать о присвоении им посмертно высоких государственных наград.

Высокие государственные награды за бой в Новолакском еще не присвоены, но уже сегодня имена Эдуарда Белана и Андрея Теперика высечены на мемориальной доске в здании УВД рядом с именем Михаила Богословского и других сотрудников, погибших при исполнении служебных обязанностей. Вечная им память!..

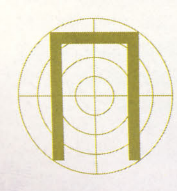
действий отработана еще с чеченской войны: заблокировать какое-то подразделение, дождаться прибытия к нему подкрепления и уничтожить его из засады. На подмогу омоновцам пытались пробиться танк и две бээмпэшки с солдатами внутренних войск. Боевики их уничтожили. Взвод милиционеров, пытавшийся прорваться в заблокированный райотдел со стороны Хасавюрта, был отброшен массированным огнем из всех видов оружия. Тогда осажденные поняли, что их переговоры по радио прослушиваются боевиками. Вызывать подмогу — значит подвергать опасности жизнь других сотрудников милиции или солдат. Сергей Сковородин и Муслим Даххаев принимают решение выбираться самостоятельно. Новолакские милиционеры хорошо знали местность. Муслим Даххаев с высокой долей вероятности определил, что боевики ждут их прорыва к своим через речку. Там скорее всего они и устроили засаду. Решили прорываться в сторону Чечни и далее, вдоль административной границы, к по-

ТЕМНЫЕ НОЧИ, да только не в Сочи

Константин РАЩЕПКИН
Фото Валентина БУЙСКОГО

УТЬ В ЗОНУ ответственности десантного батальона, контролирующего около десяти километров чечено-дагестанской границы неподалеку от Хасавюрта, лежит по крутым горным дорогам. Всюду — страшные знаки только что прошедшей войны. Еще не убранные вздувшиеся туши подорванных на минах коров, разрушенные дома и фермы, остатки сгоревшей техники.

Еще сильнее дыхание приближающейся войны ощущается в штабной палатке комбата. Офицерский ужин, по традиции не обходящийся без фронтовых ста граммов за победу, прерывает радист: "В зоне ответственности одной из рот со стороны Чечни движутся шесть бэтээров". Может, наш спецназ назад едет, а может, и не наш. Это предстоит выяснить, быстро связавшись с командиром полка. Только быстро не получается, и комбат — майор Михаил — не жалеет крепких слов "во славу" устаревших раций и полковых связистов...

Наконец мы едем в Чечню. Слегка качнувшись, бээмдэшка срывается с места. Ясное небо и полнолуние делают ночь не такой темной. БМД-2 на большой скорости, подпрыгивая на каждой кочке, мчится по бездорожью — только держись. Переезжаем холм.

— Все, мы в Чечне, — спокойно констатирует капитан.

— Ну что, кайф? — подначивает сидящий на броне подполковник. — Вообще-то мы здесь меньше чем на трех бээмдэшках не ездим. Да и то только днем.

Все внимательно смотрят по сторонам. Патрон в патроннике, автомат на предохранителе. Все же Чечня. Радист еще раз — для подстраховки — сообщает в окопавшуюся на территории Чечни роту, что едут свои. Въезжаем на очередной холм. В центре — палатка, вокруг — окопы и занявшие с интервалом в сотню-другую метров круговую оборону закопанные БМД. Приехали.

— Вот, можно взять кусочек чеченской земли на память, — шутят, запрыгивая на броню, капитан с подполковником, и уезжают.

Окопавшейся на чеченской "горке" ротой командует 25-летний старший лейтенант Олег. Все его войско, насчитывая примерно полсотни бойцов, усиленных одним танком, держит несколько километров гор и лощин. Это и есть так называемая санитарная зона на границе с Чечней. Никаких вторых и третьих кордонов за спиной десантников нет. Разве что на въездах в города и села дежурят местные ополченцы.

С занятой десантниками Олега высоты все открытые пространства вокруг хорошо просматриваются даже ночью. А "зеленка" хорошо заминирована. Обычные и сигнальные мины срабатывают почти каждую ночь. Боевики часто пускают на них коз и коров. Ночью солдаты и большинство офицеров не спят. По очереди потом отдыхают днем.

Установившаяся было тишина прерывается танковой стрельбой. Снаряды летят в сторону расположенного в низине чеченского села Мескеты. Там было замечено передвижение грузовой машины. Все местные жители из "лежащих под ротой" двух сел — Мескеты и Галайты — давно ушли, что особенно хорошо видно днем: оба села словно вымерли, и десантникам без каких-либо согласований даже с комбатом разрешено уничтожать все движущиеся машины и вооруженных мужчин. Что они и делают. Главным образом используя приданный танк — все же расстояние до тех же Мескетов около двух километров. Только за последние дни были уничтожены несколько укрепленных блокпостов с зелеными флагами.

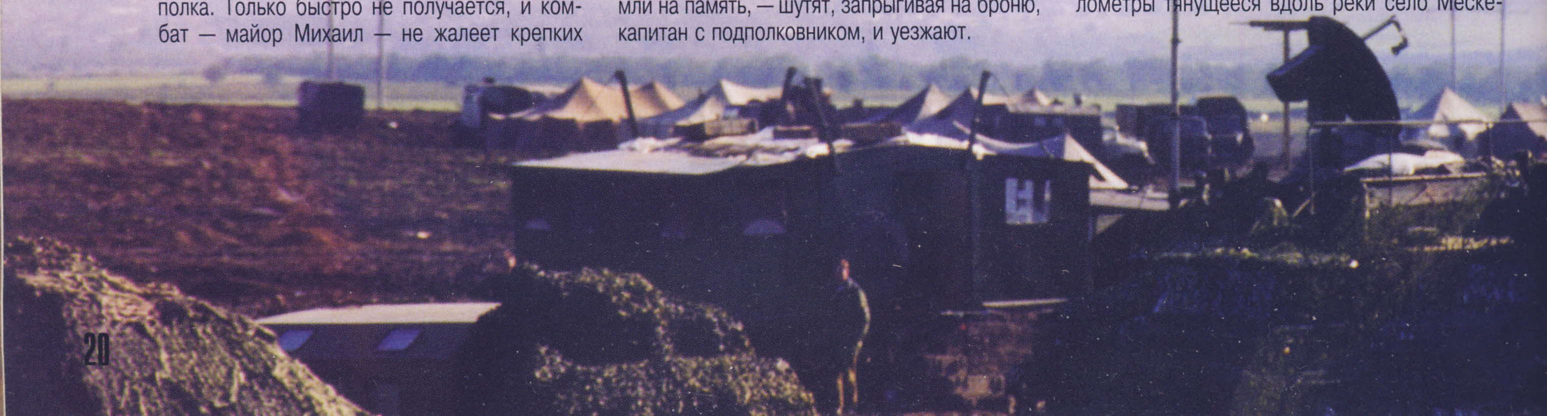
— Витек — хороший танкист, — отзываются офицеры о сержанте, командире танка.

Ранним утром по моей просьбе спускаемся поближе к селу. Впереди — замполит старший лейтенант Руслан, сзади — артиллерист старший лейтенант Павел и снайпер-контрактник сержант Улукбек. Улукбек из Набережных Челнов, мусульманин, служил срочную в этом десантном полку, и как только начались события в Дагестане, сразу решил подписать контракт. Улукбек обижается, когда бандитов называют исламистами: "Нелюди они, а не исламисты".

— Будем давить эту мразь, — единодушны десантники.

Однако дальше идти надо тихо. Входим в "зеленку". Наши позиции на горе остаются далеко позади. Идем, аккуратно обходя расставленные накануне десантниками мины. Все целы — этой ночью "духи" сюда не лазили. Наконец десантники останавливаются — дальше идти уже совсем опасно.

В трехстах метрах под нами как на ладони лежит небольшое чеченское село Галайты, чуть дальше, за речкой, уже большое, на километры тянущееся вдоль реки село Меске-

ты. Бросается в глаза обилие в обоих селах очень богатых домов. Как же разительно отличаются они от дагестанских! С трудом пытаюсь разглядеть в селах хоть малейшие признаки жизни, но кругом ни души. Десантники показывают места, где накануне танк разворотил два чеченских блокпоста, и вдруг обнаруживают свежий окоп.

— Еще вчера его не было. Это им Масхадов приказал, чтоб возле каждого дома — окоп...

Наблюдаем дальше. Вдруг в оптику снайперской винтовки ловлю спрятавшегося за воротами одного из домов бородача с оружием.

— Ни в коем случае, — предвосхищает мой вопрос Руслан, — без прикрытия отсюда мы не стреляем. До наших-то километра полтора, а где гарантия, что справа и слева в "зеленке" нет "чичей"? Накрыть нас здесь ничего не стоит...

Возвращаясь, выслушиваем упрек старшины: завтрак давно остыл. Но завтрак опять откладывается — с позиции подходит зампотех:

— Командир, есть работа. Только что во двор одного из домов въехали два грузовика.

— Будем "мочить", — быстро решает ротный и сам садится за ПТУР.

Потом по этому дому начинает "мочить" и

танк. До чего же крепкие у них дома, ловишь себя на мысли — пять снарядов ложатся аккуратно в цель, а тем хоть бы что.

Вскоре на бээмдэшке проверить роту подъехал комбат, и дальше путешествуем уже вместе с ним.

НА ПОЗИЦИЯХ второй стоящей в Чечне роты десантников ждала хорошая новость. Только что звонил командир полка и сообщил, что женам всех уехавших в Дагестан офицеров выплачены денежные компенсации за продпаек и поднаем жилья аж за три прошедших года! Едем дальше. По пути встречаем несколько мелких постов.

Наконец мы на позициях еще одной роты. Она также стоит на крутой горе и усилена танком. Внизу протянулось село Мескеты, а прямо под горой еще одно — Замай-Юрт. В первые два дня, по словам офицеров, чеченцы с оружием иногда зачем-то собирались на небольшой площади на левой окраине Мескеты. После двух выстрелов из танка боевики теперь прячутся за домами. Ротный докладывает комбату, что ночью в школьный двор зашли два грузовика и чеченцы долго выгружали из них какие-то ящики.

— Ну и почему ты не стрелял? — Комбат начинает разносить ротного. — Чего ты ждешь?! Пока тебя тут вместе со всеми прихлопнут? Ведь разрешено же — какие проблемы?

И по приказу комбата танк сразу начинает долбить по зданию школы. Один взрыв — и это отчетливо видно — явно сильнее всех предыдущих. Так и есть — рванули боеприпасы.

ОПУСКАЛИСЬ сумерки. Позади был еще один наполненный тревогой день. Все темнее становятся ночи в горах. И все сильнее ощущение надвигающейся войны. Команда "Вперед!" может поступить в любой момент. И тогда, по словам офицеров, они забудут даже о том, как их подло предали на прошлой чеченской войне.

— Офицеры пойдут брать "горки" за честь берета и честь тельняшки, — сказал комбат вместо прощальных слов.

И ОНИ ПОШЛИ...

Александр БОРОДАЙ
Игорь СТРЕЛКОВ

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ АРМАВИРСКОГО СПЕЦНАЗА

ОГОДЫ не было. Дожди и сплошной туман, видимость пятьдесят метров — военные "вертушки" остались прикованными к бетону махачкалинского аэродрома. Уставшие от бесконечных вылетов и боев вертолетчики внутренних войск отдыхают, с энтузиазмом парясь в сколоченной заботливыми техниками бане, и подсчитывают командировочные, которые им должны будут выплатить по возвращении в родной город. Об экипаже недавно сбитого над Карамахи вертолета стараются пока не вспоминать. Для этого найдется другое время — после командировки.

Поняв, что ждать погоды можно до бесконечности, мы направляемся в Хасавюрт автотранспортом, а уже оттуда летим на окраину Баташюрта — туда, где расквартированы части, дочищающие Новолакский район от боевиков. Впрочем, здесь, как и в Кадарской зоне, официальная победа уже достигнута, а над селами и высотами, еще несколько дней назад находившимися в руках боевиков, вовсю развеваются российские флаги. Но снайперские группы противника до сих

пор орудуют в поросших густыми лесами горах Новолакского района.

Об этом рассказывают в расположении приютившего нас 15-го отряда спецназа МВД. Того самого армавирского спецназа, смутные слухи о разгроме которого дошли до нас еще два дня назад. Действительно, в палатках отряда не по-военному малолюдно и тихо. Уцелевшие бойцы и офицеры — те, кто ходил на роковую высоту 715,3, и те, кто дожидался ушедших в базовом лагере, несколько ошеломлены и подавлены гибелью стольких боевых товарищей. Но от них не услышишь жалоб и стенаний — офицеры и рядовые бойцы в любой момент готовы выполнить новую боевую задачу.

О том, как "было на самом деле", нам рассказывают молодой лейтенант — единственный уцелевший офицер в группе, и широкогрудый, бритый наголо дембель — пулеметчик.

В первые дни боев отряд оказался в резерве, выполняя не свойственные ему функции — охранял различные объекты в Хасавюрте. Трое суток непрерывных караулов и следовавших за ними передвижений легли на бойцов и командиров тяжким грузом усталости. Но когда командование отдало приказ на боевую операцию, спецназ подтвердил готовность выполнить поставленную задачу.

Накануне общего наступления федеральных войск на районный центр — село Новолакское штурмовые группы отряда должны были скрытно пройти через боевые порядки противника и занять высоту 715,3, господствующую не только над селом, но и над всей окружающей местностью. Высоту, фактически являющуюся ключом к обороне врага.

К сожалению, вновь сказалось недостаточное понимание руководителями операции специфики задач и боевой подготовки войск специального назначения. Непреложный закон войны, особенно важный именно для специальных подразделений, гласит, что успех операции в огромной мере зависит от тщательно проведенной разведки и правильно организованного взаимодействия с подразделениями огневой и авиационной поддержки. Между тем, торопясь нанести решительный удар, командование не предоставило руководству отряда ни времени на проведение разведки собственными силами, ни проводников, ни авианаводчиков. У командира отряда не было даже карты местности.

Утром 9 сентября отряд в составе четырех групп и разведвзвода (немногим более 120 штыков) под руководством командира майора Юрия Яшина (в прошлом командира знаменитого владикавказского "Беркута", о котором "Братишка" рассказывал в 1997 году) приступил к выполнению задачи.

Незаметно миновав позиции боевиков, бойцы отряда выдвинулись к цели операции — высоте 715,3 и... понесли первые потери, послужившие печальным прологом к последующим тяжким утратам. По отряду отработала собственная "вертушка". За считанные секунды один боец был убит, а еще семеро — ранены. Тем не менее, продолжая движение, отряд к шести часам утра занял гребень высоты, после чего вступил в соприкосновение с противником. Для организации надежной обороны первая боевая группа была направлена в "зеленку", на самый крутой скат холма. И здесь столкнулась с боевиками, которые готовили запасные позиции на случай наступления российских войск. В коротком и жестоком бою пали командир группы старший лейтенант Сергей Богданченко и старшина-контрактник Евгений Лихачев. Отброшенные боевики поспешно оставили позиции. Поставленная командованием задача была выполнена.

Но долго оставаться на занятых позициях 15-му отряду не довелось. Уже в начале девятого утра, едва-едва приготовившиеся к отражению вероятной контратаки спецназовцы получили по рации показавшийся им нелепым приказ: "Оставить высоту. Немедленно отходить на соединение с основными силами!" Позже некоторые "военачальники", оправдываясь за понесенные отрядом потери, попытаются оспорить сам факт наличия такой команды, но сделанного не воротишь: приказ был отдан и дважды подтвержден. Уцелевшие офицеры отряда категорически отрицают саму возможность радиоигры противника — слишком знаком им голос, отдавший роковую команду. Впрочем, отряд действительно не смог бы удержать высоту до подхода основных частей федеральных войск (это случилось только через пять дней) — просто не хватило бы боеприпасов. Возникает вопрос: а зачем вообще надо было посылать спецназовцев так далеко в тыл врага?

Приказ — закон для военного человека. Разделившись на две группы, отряд пошел на прорыв. Возглавляемая командиром часть отряда (две группы и взвод разведки) не столкнулась с врагом, но подверглась массированному удару нашей штурмовой авиации, а затем и боевых вертолетов. Летчики, не имевшие понятия о самой возможности нахождения своих подразделений на чужой территории, провели атаки с прискорбным профессионализмом. Понеся большие потери (в том числе был тяжело контужен командир), первая группа сумела тем не менее к 11 сентября организованно выйти вместе с ранеными в расположение своих войск.

Второй группе пришлось много хуже. С самого начала ее бойцы столкнулись с крупными силами противника и вступили в неравный бой. Опрокинув отчаянно сопротивлявшегося врага, спецназовцы вскоре напоролись на новый отряд боевиков. Стремясь вырваться из огненного кольца, бойцы и командиры разбились на мелкие группы, каждой из которых пришлось самостоятельно прокладывать себе дорогу к далекой линии фронта. Последние бойцы вышли к своим лишь 14-15 сентября. По дороге спецназовцы отряда уничтожили несколько чеченских постов, снайперскую группу и миномет.

Пока боевые группы 15-го отряда прорывались на исходные позиции, в базовом лагере в страшном напряжении вслушивались в радиоэфир, вместе с окруженными переживая ход тяжелого боя. Наконец, не стерпев того, как их товарищи обливаются кровью, не получая никакой поддержки, 14 бойцов и командиров на двух БТРах ринулись на помощь. Обе "коробочки" были хладнокровно расстреляны "чехами" из засады. Пытаясь выполнить святой долг по спасению товарищей, погибли замполиты старшие лейтенанты Александр Ковалев и Денис Пономарев, 2 прапорщика и 8 солдат. Двое уцелевших бойцов получили серьезные ранения.

Трагическим итогом операции стали 33 павших в боях солдата и офицера 15-го отряда специального назначения, еще 78 человек получили ранения. Один солдат пропал без вести. Больше половины этих тяжких потерь — от огня российской авиации и артиллерии.

На фоне поражения ярче выглядит подвиг простых бойцов отряда, под огнем врага и ударами с воздуха вынесших на себе всех раненых, не бросивших оружия и снаряжения. Ни у кого из солдат и офицеров, даже оставшихся в полном одиночестве, не возникло и мысли о плене — спецназ не сдается! В летопись отряда, которая, мы уверены, еще будет расцвечена многочисленными успешными операциями и победоносными боями, навсегда впишут имя пулеметчика рядового Романа Криволапова, который остался на поле боя с тремя тяжелоранеными товарищами и под огнем, без чьей-либо помощи вынес всех троих в расположение войск. Боевые соратники запомнят рядовых Валерия Феоктистова и Евгения Ковалева, прикрывших тяжелый отход четвертой боевой группы. Немало бойцов и офицеров — и павших, и раненых, и невредимых — проявили в тяжелейшей ситуации мужество и героизм, выполнили свой долг до конца.

Отрадно и то, что несмотря на понесенные потери, отряд не пал духом. Бойцы и командиры верят, что в новых боях отряд сумеет отомстить врагу за своих боевых друзей.

Решающая схватка с боевиками впереди, и спецназу еще не раз придется пройти проверку на прочность. Горечь потерь и трезвая оценка допущенных ошибок не должны остаться мертвым грузом в памяти бойцов и командиров. На ошибках учатся, а приобретенный столь дорогой ценой опыт — бесценен. И он будет учтен при подготовке к будущим боям. 15-й отряд специального назначения еще не раз сумеет наглядно продемонстрировать врагу свою выучку и волю к победе.

НА СНИМКЕ: *некоторые из этих бойцов только недавно вернулись с задания.*

ДОЖИТЬ ДО "РУСБАТА"

Владислав ШУРЫГИН

Прошло несколько дней с того момента, как русские десантники молниеносным броском вошли в столицу Косово Приштину. И за этим событием как-то отодвинулась в прошлое война, громыхавшая в сербском небе семьдесят шесть суток. Еще долго будут анализироваться и уточняться ее политические и военные итоги, но уже сейчас ее можно смело назвать неизвестной войной. Почти все происходящее в небе и на земле осталось покрыто тайной. Не спешит НАТО рассказывать и комментировать то, как и почему в течение семидесяти шести дней тысяча двести самолетов не могли сокрушить аграрную республику с десятимиллионным населением. Мало что увидели и узнали мы и о героическом сербском сопротивлении. Одним из главных своих орудий сербы избрали секретность и маскировку. И это был правильный выбор. Лишенные видеокартинок и репортажей журналистов, которые давно и по праву стали едва ли не ключевой частью разведывательной информации, натовцы лишь очень приблизительно могли оценивать эффективность своих ударов и практически ничего не знали о расположении югославских армейских частей, их состоянии и планах югославского командования.

Мне повезло: я был одним из немногих иностранных журналистов, кому удалось побывать на позициях сербских ПВО. И узнать о тактике и способах борьбы с военной армадой НАТО на этой войне.

...В ПАНЧЕВО за разбитым еще в первую неделю войны химическим комбинатом дорога резко поворачивает к Дунаю.

Мой спутник показывает на огромные круглые емкости, блестящие на солнце серебром нержавейки. Некоторые из них разбиты и чем-то похожи на чудовищные полураскрытые бутоны.

— Натоавионы били по ним. Хотели газовую атаку делать. Там до войны яд хранился. Хорошо, что наши успели перекачать его в подземные резервуары, — поясняет мой сопровождающий капитан Слободан Попович.

Панчево бомбили все семьдесят пять дней. Город считается одним из индустриальных центров Югославии, и потому НАТО бомб не жалело. Мы то и дело едем вдоль руин обрушенных цехов или проваленных крыш. В разбитых окнах одного из административных зданий ветер полощет занавеси. Видны перевернутые столы, никелированный чайник...

Логика НАТО удивляет. Они по четвертому разу бомбят давно заброшенное антенное поле рэбовского батальона, почти каждую ночь бьют заводы и хранилища "Югпетрола" — сербской нефтеперерабатывающей компании — и не трогают завод по производству автомобильных масел, стоящий как на ладони в пригороде Панчево...

Слободан на этот счет имеет свое мнение:

— Эти пички (соленое сербское слово) специально бьют заводы и фабрики, являющиеся национальной собственностью, и не трогают то, в чем есть их деньги. Они готовятся после войны поставить нас на колени экономически.

В его словах есть доля истины. Разбиты все табачные фабрики, но завод по производству автобусов НАТО не трогает — в нем 50% немецкого капитала. А табачный спрут "Филипп Моррис" на пограничных "дюти-фри" — магазинах беспошлинной торговли — делает миллионы...

Это полное слияние войны и бизнеса удивляет...

Дорога сворачивает с асфальта и начинает петлять среди какихто валов. Неожиданно Слободан тормозит перед огромной ямой. При ближайшем рассмотрении она оказывается воронкой, наполовину залитой водой. На глаз от края до края — метров десять, глубина метра четыре...

— Тут "томагавк" упал. Наши сбили. Мощная детонация была! Земля под ногами прыгнула...

Детонация по-сербски — взрыв.

Трогаемся дальше и через несколько минут въезжаем в лес. Серебристые тополя утягивают кроны высоко в небо. Их ровные правильные ряды наводят на мысль об искусственном происхождении леса. Я хочу спросить об этом Слободана, но неожиданно машина тормозит перед легким алюминиевым шлагбаумом и у дверей авто появляются солдаты в касках и в полной полевой амуниции.

Пока Слободан объясняется с военной полицией, я рассматриваю солдат. Почти сразу бросаются в глаза чистота и опрятность формы. Камуфляжи, разгрузники, броники — все тщательно подогнано и как влитое сидит на рослых крепких парнях. Никакой привычной российской "отсебятины" — типа лишних нашитых карманов, перекроенных разгрузников, неформенных маек, бандан и прочих аксессуаров...

Впрочем, может быть, на то и военная полиция....

У меня проверяют документы. Паспорт, визу, военную аккредитацию.

— Имаете фото? — спрашивает офицер.

— Нет. Я не фотографирую, — объясняю я, помня о том, что на фото и видео нужно особое разрешение.

— Добро дошли! — улыбается офицер. Я и без перевода уже знаю — "добро пожаловать".

МИНУТНАЯ стрелка на часах слишком быстро подползала к десяти. И он поймал себя на мысли, что с какой-то смертной тоской ждет команды на подготовку к вылету. Он уже почти ненавидел эти ночные рейды. Изматывающее душу висение в угольной темноте над черной страшной чужой землей, готовой в любой момент метнуть ему навстречу страшный гарпун русской зенитной ракеты. Чертова работа...

Нет, он не считал себя трусом. И со стороны вряд ли кто мог представить, что такой крутой парень может чего-то бояться. Что его изъедает мучительное предчувствие надвигающегося конца. А ведь за ним прочно закрепилась репутация счастливчика, настоящего "Топ Гана" — аса. Еще вторым лейтенантом он дрался в небе Ирака. Тогда он получил кличку "квик Боб" — быстрый Боб.

Но почему-то с первого мгновения, как он узнал о приказе на переброску через океан в Италию, вдруг почувствовал страх. Недоброе предчувствие холодом обожгло сердце. Его дед, рядовой вермахта Ганс Шольц, погиб в 44-м году в партизанской засаде под Требине...

Класс инструктажа наполнился шумом рассаживающихся летчиков. Смех, шутки, сигаретный дым. Почему-то в последние дни все это стало казаться ему неискренним, наигранным. Чудилось, что каждый за нарочитой бравадой прячет страх.

Слишком долгой оказалась эта война...

Пружинистой походкой в класс зашел командир.

— Так, парни, сегодня нам предстоит испортить сербам просмотр "Санта-Барбары". Будем вновь работать по объектам энергоснабжения...

ПО ДАННЫМ разведки НАТО, перед войной Сербия имела три общевойсковые армии, восемь армейских корпусов, корпус ПВО. В составе армии насчитывалось тысяча сто танков, тысяча двести орудий и минометов, сто систем залпового огня. ПВО Югославии имело двести восемьдесят самолетов, триста пусковых установок 75-х, 125-х комплексов, а также войсковых систем "Куб", "Круг". Имелась информация о нескольких 200-х комплексах. Кроме того, в войсковом ПВО имелось около пятисот ПЗРК типа "стрела", "стингер" и несколько десятков батарей зенитной артиллерии — возимых пушек шведского производства "Бофорс" и отечественных передвижных трехствольных 23-миллиметровых установок "Прага". Несколько батальонов и рот РЛС и РЭБ...

По оценкам НАТО, ПВО Югославии готовилась для отражения ограниченного (до 200–300 максимум) количества не самых современных типов самолетов таких стран, как Турция, Хорватия, Румыния. Поэтому при подготовке агрессии против Югославии НАТО сделало ставку прежде всего на воздушную наступательную операцию, сосредоточив вокруг Югославии группировку из почти семисот новейших боевых самолетов. По оценкам американского командования, на подавление сербской ПВО и завоевание полного господства в воздухе отводилось пять-семь суток. Всего же всю военную операцию планировалось закончить за четырнадцать-восемнадцать суток. Основной упор делался на массированное применение новейшего высокоточного оружия — крылатых ракет различных классов, управляемых бомб и бомб нового типа.

НАТО планировало за четырнадцать дней активной фазы войны нанести Сербии потери: до 80% в авиации, 60-70% средств ПВО, 30 -40% танков и БМП, 80% пунктов управления и узлов связи, до15% личного состава...

На семьдесят девятые сутки войны в строю у сербов оставалось 50% боевой авиации, 75% средств ПВО, 90% танков и БМП, 80% пунктов управления и узлов связи. Потери армии и полиции составили пятьсот семьдесят шесть человек...

СОЛНЦЕ клонится к закату. Скоро исчезнет за лесистой горой, и наступят быстрые сумерки. Обычно в это время натовцы рассаживаются по самолетам. Налеты, как по расписанию, начинаются после девяти и потом под утро часов с четырех. Мы находимся на положае — позиции зенитной батареи капитана Радомира Павловича. В отрытых капонирах легкие, бронированные машины, на которых установлены трехствольные двадцатитрехмиллиметровые зенитные установки. Все тщательно замаскировано маскcетями и ветками так, что даже с десяти шагов установка похожа на густой куст. Все передвижения только под маскcетями. Метрах в двухстах прохладой манит Дунай. Полуденная изнуряющая жара сменяется вечерней духотой, но купание — запретная роскошь... И я опять обращаю внимание, что все солдаты и офицеры одеты по форме. Дежурные рассчеты к тому же облачены в бронежилеты и каски. Батарея развернулась тут под утро. Ее задача сбивать крылатые ракеты, чьи маршруты обычно пролегают над руслом Дуная, а также "все, что летает..." Сербская авиация сейчас в небо не подымается. Слишком неравны силы.

На боевом счету батареи Павловича один самолет и пять крылатых ракет, из них три "томагавка" — самого грозного натовского оружия. По словам Радомира, сбивать их несложно. Главное — получить

вовремя информацию об их подлете и направлении. Сам же "томагавк" — пятиметровая чушка, которая с дозвуковой скоростью летит по заданному маршруту... На вопрос, кто обнаруживает и предупреждает батарею о воздушных целях, Павлович уклончиво отвечает, что это не проблема... В Белграде много говорят о том, что большую помощь оказывают радиолюбители, коих в Сербии огромное количество. С началом налета все включают связь и наблюдают за небом, сообщая в эфир о каждом замеченном самолете или ракете и направлении их движения. История вполне правдоподобна, учитывая сербскую изобретательность и организованность. Но все же явно недостаточная для объяснения подобной эффективности.

Впрочем, тактика действий ПВО также поражает изобретательностью. В первые дни натовцы охотились за радиолокационными станциями сербов, стремясь ослепить сербскую ПВО. На самолетах НАТО противорадиолокационные ракеты "харм" вообще запускаются сами, без команды пилота. Но сербы стали включать станции через "зеркала" — установленные в нескольких сотнях от самой станции щиты, обтянутые металлической фольгой, от которой луч РЛС отражается в небо. С тех пор натовцы лишь бессмысленно дырявили "зеркала", записывая на свой счет "уничтоженные сербские РЛС". Учитывая высокую насыщенность натовских самолетов средствами борьбы с РЛС объектами, ПВО почти полностью перешло на работу в пассивном режиме. Пассивный режим — это работа по источникам самого самолета: теплу, излучению, металлу. В этом случае самолет до самого попадания ракеты обычно не знает об атаке. Но для обнаружения маловысотного — до ста метров — "томагавка" этого явно недостаточно...

В паре километров отсюда расположена батарея капитана Вангела Милковского. Она известна тем, что недавно сбила натовский вертолет. Меня обещают познакомить с "дедом" — наводчиком "Праги" — Радо Стекичем, который его обнаружил и сбил... Но только утром. Так как скоро может начаться налет на Белград.

А пока командир рассчета одной из "Стрел", приданных батарее, Саша Гочманац рассказывает, как ими был сбит "натоавион":

"Био сам надежурству. Са мном у смени возач (водитель) Зоран Екич. Су перви уочили (первые увидели) жуту тачку на небу. У два сата после поночи (в два часа ночи) — визулио сам е уочио, цеьао и лонсирао ракету (подготавливаю и пускаю ракету) Детонация. Ускоро подтвержено да е авион погочен (пришло потверждение, что самолет сбит)".

Тревога!

Расчеты тотчас разбегаются по установкам. Кустарники оживают, шевелятся, задирая оплетенные ветками стволы в небо. Пришла информация о взлете натовских самолетов с авиабаз.

ТЕЛО привычно облачалось в высотный компенсирующий костюм. На голову опустился и щелкнул в зажимах гермошлем. Ступни и лодыжки плотно обхватили тубусы ботинок. Он встал и тяжело, как средневековый рыцарь, зашагал к выходу. На улице после прохладного кондиционированного воздуха зала высотного снаряжения горячим упругим жаром ударил в лицо средиземноморский ветер. На стоянке, недалеко от входа, замер его "сражающийся сокол" F-16. Там его уже ждал техник. Прямо в лицо щерился широкий зев воздухозаборника, и ему на миг показалось, что самолет похож на какое-то чудовище, готовое проглотить его. Под плоскостями на пилонах подвески висели в замках тяжелые чушки самонаводящихся бомб, напоминающие огромные шприцы. С куцых "игл" — блоков наведения механики — торопливо и быстро снимали флажки предохранительных чек. По высокой стремянке он поднялся в кабину и опустился в кресло, сразу заполнив собой все пространство. Теперь он напоминал личинку, погребенную внутри огромного кокона из стали, пластика, дюрали и графитной ткани. Личинку, ставшую мозгом самой совершенной машины смерти, — боевого сверхзвукового бомбардировщика...

...Эта война слишком долго тянется...

С первых ее часов он мечтал только об одном — скорее бы все закончилось. Скорее бы Милошевич сдался, скорее бы был подписан мир, скорее бы они покинули эту землю. Ему было глубоко наплевать на каких-то там хороших албанцев, которых он должен защищать от плохих сербов. Он вообще с трудом представлял, чем они отличаются друг от друга и почему воюют между собой. Он лишь знал, что его страна должна еще раз показать всему миру свою силу и демонстративно жестко покарать осмелившихся усомниться в этом сербов. Все очень просто...

Он еще надеялся, что вся война уложится в семьдесят два часа, как это обещал генерал Кларк. Что за это время сопротивление сербов будет подавлено. И что максимум за две недели все будет закончено. Что сербская ПВО не представляет никакой угрозы и безнадежно устарела, что работа пилотов будет напоминать игру на тренажерах...

Прошло трое суток, потом пятеро, потом неделя. Уже давно действовал жесточайший приказ не опускаться ниже шести тысяч метров, уже весь мир увидел обломки гордости американских ВВС — "невидимки" F-117. Уже вывезли трупы спецназа со сбитого вертолета, летевшего за очередным сбитым летчиком. А война все не заканчивалась. И с каждым вылетом вокруг него затягивалась какая-то невидимая петля.

Откуда-то снизу, из зеленой лесной бездны, из черного безвестия душа деда кричала ему об опасности...

Было что-то мистическое в том, что спустя пятьдесят пять лет его внук на высоте одиннадцати километров пронизывает в ледяной пустоте небо, в которое безотрывно и слепо смотрит его дед...

Левая ладонь привычно отжала от себя "руд" — рычаг управления двигателем — и обвальный грохот очнувшегося от сна чудовища затопил окрестности. Мягко опустился прозрачный панцирь фонаря, отсекая, заточая его в чреве дракона. Выруливая на полосу, он еще успел подумать о том, что сегодня заканчиваются семьдесят пятые сутки этой войны...

ЗА СЕМЬДЕСЯТ шесть дней войны натовская авиация выполнила более тридцати тысяч боевых вылетов. Группировка самолетов достигла численности в 1200 боевых машин. На Сербию было сброшено более ста пятидесяти тысяч тонн бомб и около полутора тысяч крылатых ракет различных классов. Общие расходы НАТО на эту войну составили более пятидесяти миллиардов долларов США.

В одном только Белграде 273 раза звучала сирена воздушной тревоги. Атаке подверглись больше тысячи объектов на территории Сербии, не имеющих никакого военного значения.

Вокруг Сербии была стянута шестидесятитысячная группировка НАТО, которая включала в себя больше тысячи танков и БМП, двести вертолетов различного назначения, пятьдесят кораблей, включая три авианосца...

Несмотря на полное численное и техническое превосходство, НАТО так и не решилось на проведение сухопутной операции, и лишь через переговоры и дипломатическое давление добилось от Сербии вывода войск из Косово.

Никакой военной победы в последней войне тысячелетия НАТО не одержало...

Слободан увлекает меня с положая в лес: "Не обижайся. Сейчас сюда пролаз забороне́н. Это наша война. А ты рус новинар (журналист). Не можем тобой рисковать".

В лесу вырыты укрытия. Над землянками бетонные дорожные пли-

ты. Единственное, что я смог выпросить у моего "телохранителя", это разрешение стоять у входа. Почти стемнело. И берег сквозь деревья почти неразличим.

Неожиданно дальний берег Дуная взрывается оглушительной стрельбой, и низко над водой веером распускается пушечная очередь. Малиновые и рыжие трассеры, причудливо изгибаясь, уходят в ночное небо. Тотчас еще громче начинают бить наши "Праги". Даже сквозь деревья видно, как узкие ослепительно белые факелы выстрелов освещают установки. Пламя очередей, ночная тьма, тени, трассеры — все это мгновенно создает какую-то сюрреалистическую картину. Грохот закладывает уши. Выстрелы накладываются один на другой, сливаются в какую-то дикую какофонию. Постепенно в происходящем улавливаешь систему. Батареи с двух сторон Дуная образуют стену огня над его руслом, перекрывающую полет ракетам. Угольно-черные в ослепительно белом пламени нагромождения веток, маскирующие установки, то и дело перемещаются, поливая снарядами то один, то другой участок неба.

Почему-то мне вдруг они кажутся страшно уязвимыми. Что могут эти двадцатитрехмиллиметровые пушки против компьютеров, электронных прицелов, совершенных ракет? Как бессмысленна и отчаянна эта стрельба...

Но неожиданно невысоко над рекой в сети снарядов ярко вспыхивает и разлетается огненными перьями алый шар. Слышен разрыв и плеск воды. Сербы радостно кричат. И я понимаю, что в стену огня влетела и была сбита ракета. И эта удача зенитчиков вдруг наполняет меня пьянящим восторгом. И я тоже ору вместе со всеми что-то несуразное. Так их мать! Ура! Живели Сербия! И вдруг ловлю себя на мысли, что впервые за все дни пребывания здесь спокойно и даже азартно гляжу в небо. До этого его синева вызывала лишь болезненное ощущение чуждости и пустоты...

Но тут, на другом берегу Дуная, где-то недалеко от кромки воды в лесу вспучивается огромный огненный шар. Земля под ногами вздрагивает, и сквозь подошвы я чувствую глухой удар. За первым шаром вспыхивает второй, потом третий. Пламя взлетает так высоко, что еще несколько мгновений — и все вокруг на пару километров видно как на ладони. Окружающее тонет в громовом грохоте. Бомбы! Инстинктивно вжимаюсь в стенку блиндажа, хотя понимаю всю бессмысленность этого движения. А с положая в небо уже потянулись частые нити трассеров. И я вновь кричу от невыразимого восторга перед мужеством этих парней, которые навстречу тоннам смерти разворачивают короткие рапиры своих скорострельных пушек. Воистину, безумию храбрых надо петь песни!

Неожиданно откуда-то из леса за рекой в небо круто взвивается огненное копье и исчезает в вышине. Ракета! Томительно тянутся мгновения, и вот далеко в ночи распускается вспышка разрыва, а еще через мгновение рядом с ней в небе проявляется узкий конус пламени, который стремительно уходит к горизонту. Подбит! Подбит гад! Грохот пушек, кажется, резонируется с сердцем. Батарея на другом берегу вновь ставит завесу над рекой. И я с радостью вижу, что количество установок, ведущих огонь, все то же...

Где-то через час приходит команда прекратить огонь. И на уши ватой вдруг наваливается тишина. Она настолько неестественна, что в первое мгновение пугаешься — может быть, ты просто оглох? Но неожиданно слух улавливает какой-то плеск с Дуная...

Батарея перебазируется на запасной положай. Урчат моторы выкарабкивающихся из капониров "Праг", гудят движки грузовиков обеспечения. На смену позиции отводится всего несколько минут. А к утру вновь уже ничто не будет напоминать о том, что здесь находятся пушки...

ЗА СЕМЬДЕСЯТ шесть дней войны югославские зенитчики сбили более сорока самолетов и вертолетов НАТО. А также больше трехсот крылатых ракет и беспилотных разведчиков. ПВО Сербии вынудило НАТО отказаться от использования самых эффективных для бомбометания средних и малых высот. Семьдесят процентов атак натовцы сделали без захода в зону действия ПВО с максимальных дальностей, что снижало эффективность атак на 20–25%. По критерию "эффективность плюс стоимость" натовская авиация была отброшена на уровень вьетнамской кампании. На поражение одной цели натовцы были вынуждены выполнять от десяти до восьмидесяти самолетовылетов.

В боях с авиацией НАТО погибло больше ста сорока бойцов и офицеров ПВО. И среди них заместитель начальника генерального штаба военный летчик 1-го класса генерал-полковник Любиша Величкович...

Вечная слава героям, павшим в боях за Сербию!

УТРОМ мы выезжали в Белград. Проводить меня вышли все свободные от дежурства батарейцы. Не каждый день к ним приезжает рус — русский. И меня опять удивили выправка и аккуратность сербских

солдат. Словно бы и не было ночного боя, не было взрывов натовских бомб за рекой, перебазирования. Выбритые лица, чистая свежая форма...

И вдруг я поймал себя на мысли, что счастлив. Просто счастлив быть этим людям названым братом. ...Русов здесь все называют братьями...

Сербы — народ, достойный победы. И они победят. Да что там, уже победили. Их дух не сломит ничто!

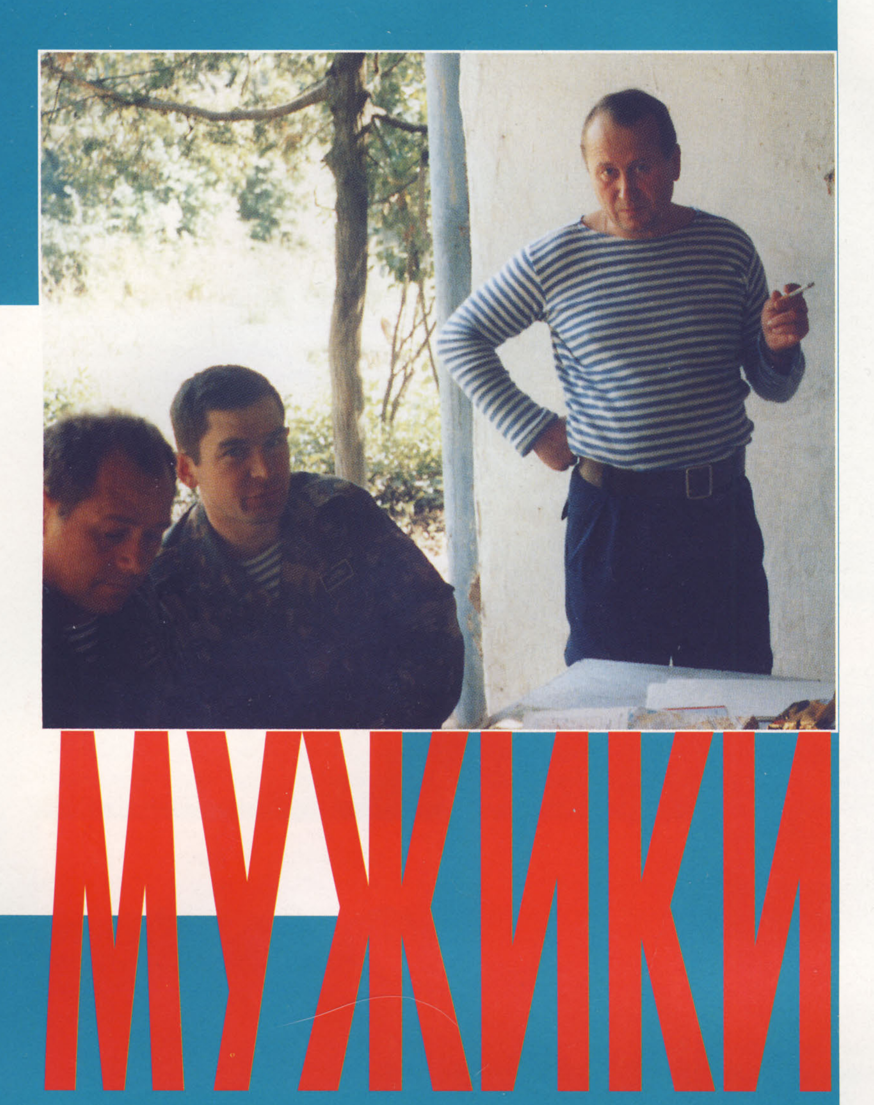
И уже когда прощались, на вопрос, что передать Москве, командир батареи Радомир Павлович уже в шутку добавил:

— Если не может пары дивизий, то хотя бы пусть один С-300 даст. С ним нашим "Прагам" немного легче будет...

...Через четыре дня русские десантники боснийского "русбата" вошли в Приштину.

Живели, Сербия!

Москва — Белград —
Панчево — Белград — Москва

МУЖИКИ

Валерий ГОРБАНЬ
Фото из архива автора

Командировки в горячие точки — не прогулки в лесопарковой зоне. Практически все, что происходит с тобой в напряженные дни боевой работы, остается в памяти навсегда. И сами события, и цвета, и запахи, и ощущения. А главное — люди, с которыми сводит Ее Величество Судьба. Встречи эти происходят по-разному.

В НАЧАЛЕ первой командировки в Чечню у нас было бедственное положение с боеприпасами. ГУОШ мог выдать только крохи. В частях же Российской армии боеприпасов, в том числе и остродефицитных для нас патронов к АКМ, хватало с избытком.

Наша разведка в лице старшины отряда "законтачила" с морскими пехотинцами — дальневосточниками с острова Русский. Требовалось провести встречу на высшем уровне и получить добро командира части морпехов.

Перед тем как встретиться с ним, я спросил прапорщика — начальника склада артвооружения:

— Как с вашим командиром разговаривать, что он за человек?

И получил исчерпывающий ответ:

— Прямо разговаривай. Он — настоящий мужик.

И действительно, все принципиальные вопросы были решены мгновенно. А для доработки технических деталей мы послали одного из офицеров отряда, разрешив ему ради укрепления дружеских связей с братишками нарушить установленный в отряде сухой закон. Вечером наш посол вернулся в состоянии, свидетельствовавшем о невероятной сложности дипломатической работы с прапорщиками из морской пехоты. Но зато на другой день наш "Урал" был битком набит ящиками с патронами, гранатами, "Мухами" и другими сокровищами.

Буквально через несколько дней начались активные обстрелы нашей комендатуры, перекрывавшей боевикам выход из зеленой зоны прямо к сердцу города. Что бы мы делали полтора месяца с привезенными из дома тремя БК? Какими добрыми словами вспоминали мы в эти жаркие дни и ночи наших братьев-дальневосточников! Так что характеристика их командира оказалась вполне точной и исчерпывающей.

И после этого случая мне не раз приходилось слышать, как о генералах, офицерах и рядовых бойцах, независимо от занимаемых ими должностей, их боевые товарищи говорили коротко, но емко: "Мужик!" Далеко не каждый мог в тех условиях заслужить подобную репутацию!

А потому с особенным удовольствием я хотел бы рассказать о некоторых из тех, кто такой отзыв вполне заслужил.

АЛЕКСАНДР Романович Шулубин пришел в УВД из аппарата обкома КПСС на должность начальника политотдела. Немногие выходцы из партийных органов сумели найти свое место среди профессионалов, тем более что вскоре политические структуры в органах внутренних дел были ликвидированы. Но к этому времени руководство УВД по достоинству оценило кипучую энергию и незаурядные организаторские способности Александра Романовича. А потому он был назначен заместителем начальника УВД — начальником службы тыла.

Я немного знал Шулубина еще до службы в милиции. А в должности инспектора пресс-группы пришлось поработать и под его непосредственным руководством. Наши отношения всегда ограничивались исключительно служебными вопросами. Из того периода мне запомнилась в основном сизая мгла в кабинете шефа: курил он невероятно много. По-моему, спичками он пользовался всего один раз в день, прикуривая затем одну сигарету от другой.

И вот несколько лет спустя, 1 апреля 1995 года, мы едем вместе, в одном купе железнодорожного состава до Моздока. Я — командир ОМОНа, Алек-

сандр Романович — сопровождающий от руководства УВД. В общем-то, горячий, скорый на шумную расправу Шулубин держится подчеркнуто корректно, не вмешивается в мои распоряжения, лишь изредка, с глазу на глаз, подсказывая что-нибудь.

В Грозном судьба свела в одной комендатуре наш и владивостокский ОМОНы. Сопровождающий приморцев заместитель начальника УВД края "афганец" Валерий Иванович Яшин и наш Александр Романович Шулубин были непохожи друг на друга. Первый — подчеркнуто спокойный, крепкого сложения и с уверенными повадками опытного солдата. Второй — подвижный, моторный, всюду успевающий и без всяких комплексов заявивший: "Я в военных делах ничего не смыслю. Ты командир, вот и командуй. А я своим делом займусь..." Но двух полковников роднило одно: пока последний боец не лег на персональную кровать, пока не было организовано приготовление нормальной пищи и не налажен четкий порядок несения службы, они оставались в Чечне, мотались по штабам, учреждениям местной администрации, блок-постам. Оставались, прекрасно понимая, что не только любой день, но и любая минута, любая поездка по стреляющему городу могут оказаться последними. Их помощь на первых порах была просто неоценимой, она позволила командирам заняться главным делом: продумать и организовать боевую работу с минимальным риском для личного состава.

Не обошлось и без веселых эпизодов.

В ГУОШе подписываю заявку на радиостанции. Недовольный чем-то тыловик начинает фыркать через губу и неосторожно заявляет:

— Нет от вас покоя, ходите тут и ходите!..

Шулубин, зашедший в этот момент в кабинет, немедленно взрывается и, побагровев, обрушивается на чинушу:

— Вы как разговариваете с боевыми офицерами! Люди жизнью рискуют, под пулями службу несут! Вы за что тут деньги получаете? Смотри ты, переутомился!

Завершается тирада грозным:

— Где тут начальник тыла, что у него за бардак? Хотя зачем он мне нужен! Пойду поговорю с Бабаком.

Романыч удаляется "разбираться" с начальником ГУОШа. А перетрусивший тыловик робко спрашивает у нас:

— Кто это?

Положение у наглеца было действительно затруднительное. Все в камуфляже, без знаков различия. Можно нарваться и на руководителей группировки, и (бывало и такое) на заместителей министра. Наш старшина мгновенно просчитывает ситуацию и не отказывает себе в удовольствии слегка порезвиться:

— О-о-о! Вы попали! Что сейчас будет! Я видел, как этот начальник только что во дворе генералов "строил"...

"Строить" начальника ГУОШа Шулубин, конечно, не стал. И дело было не только в том, что Александр Григорьевич Бабак занимал высокий пост и носил генеральские погоны. Руководитель он очень интересный, простой, без позерства, но и без игр в демократию. Подчеркнуто уважительно относился к подчиненным, особенно тем, кто нес службу "на земле". Без дела к нему не стоило соваться, но если нужно, все вопросы решались с ним быстро и четко.

Не удивительно, что после доброжелательного разговора с Александром Романовичем начальник ГУОШа кратко, но доходчиво объяснил своим подчиненным: "Тыл существует не для того, чтобы условия ставить, а для того, чтобы необходимые условия создавать..."

Вскоре "переутомившийся" лично руководил выдачей нам радиостанций, а грозный Романыч стоял у него над душой, непрерывно ворча и пробирая того. Жаль, что не было возможности сделать фотографию и поместить ее в учебники для сотрудников тыловых подразделений МВД: два человека, два тыловика — два подхода к делу и людям.

Уехал Шулубин домой только через неделю. А за четыре дня до окончания командировки в коридоре возле "кубриков" нашего отряда я услышал радостные возгласы омоновцев, обычно не склонных проявлять нежные чувства:

— О, наш Романыч приехал!

Шулубин стоял, нагруженный сумками с подарками, сжимая в руках пачку писем от родных для бойцов. Ребята обнимали его, тормошили, и глаза термоядерного Романыча поблескивали подозрительной влагой.

В четыре часа утра 12 мая закончилась наша последняя перестрелка с боевиками. А в десять часов "корова" с отрядом, разместившимся в ее круглом пузе, опустилась на аэродром Моздока. Нас встретила невероятная тишина. Шулубин вышел из вертолета, деловито огляделся и сказал:

— Командир, твоя работа закончилась. До дома отдыхай, с дорожными делами я сам разберусь...

В РОСТОВЕ нас встретили предупрежденные телеграммой братья-омоновцы. Они, испросив разрешения начальника УВД области, отвезли нас на базу отдыха, расположенную на берегу Дона. Причем нас с Шулубиным лично отвез на своей "Волге" начальник главного управления генерал-лейтенант милиции Михаил Григорьевич Фетисов.

Гостеприимство ростовчан нас просто поразило. Заскочив по пути на базу на причал, где стояли милицейские катера, Фетисов отдал какие-то распоряжения. И через два часа накупавшиеся в Дону голодные магаданцы были приглашены к столу, на котором дымилась настоящая донская уха,стоял котел с великолепной отварной рыбой и (из песни слова не выкинешь) — соблазнительно отпотевала извлеченная из холодильника "Ростовская". Бойцы, невинно поглядывая в мою сторону и преувеличенно вздыхая, доложили:

— К сожалению, товарищ генерал, нам нельзя. У нас в отряде сухой закон.

Михаил Григорьевич, посмотрев на меня, рассмеялся:

— Что я за генерал, если приказ майора отменить не смогу, да, командир? — и произнес первый тост в честь гостей.

Погостив три дня до ближайшего самолета домой, мы многое узнали о той громадной работе, которую сами, руководствуясь одними лишь понятиями чести и товарищества, взвалили на себя ростовчане. Разделившись "по родам войск", они встречали и провожали десятки следовавших транзитом через Ростов отрядов. Любой омоновец, собровец, сотрудник ППС, ГАИ или другого подразделения из любого региона страны, оказавшийся после Чечни в ростовском госпитале, немедленно попадал под патронаж своих местных коллег. Они устраивали приехавших к раненым родных и близких, решали вопросы с восстановлением документов, выручали деньгами... Всего не перечислишь, как только сил и времени у них хватало! Ведь в это же время сводные отряды ростовской милиции несли службу в Чечне наравне со всеми. Важнейшую роль, конечно, сыграло и личное отношение к этим вопросам начальника ГУВД области, начинавшего службу рядовым сыщиком и прошедшего все милицейские трудовые ступеньки. Того самого человека, кто начинал переговоры с террористами, захватившими школьников, и на которого преступники отказались обменять ребятишек:

— Мы тебя, Фетисов, знаем. Ты детей пожалеешь, а себя — нет!

Правда, негодяям это не помогло.

Потом еще дважды наш отряд пользовался гостеприимством ростовчан. Не всегда, конечно, у них получалось устраивать гостям такие праздники, как в первый раз. Это было просто невозможно. Да и не это важно. Важно то душевное тепло, которое мы чувствовали при каждой встрече, и тот высочайший пример братства, о котором ветераны магаданского ОМОНа сегодня рассказывают новичкам.

ПЕРЕД второй командировкой в Чечню нам зачитали приказ о том, что снова сопровождающим от руководства поедет наш Александр Романович. Все мы — и офицеры, и рядовые бойцы — были очень рады. Дело было не в каком-то панибратстве: полковник Шулубин всегда помнил о том, как должен вести себя руководитель, да и сотрудники строевых подразделений имеют четкое представление о субординации. Просто в сложной обстановке очень важно, кто находится рядом с тобой: начальник, вся власть которого основывается на его должностном положении, или человек, которому ты доверяешь и простое слово которого для тебя имеет большую силу, чем самый грозный приказ.

Сказанное выше я вполне отношу и к каждому из генералов и офицеров, имена которых названы в этом материале. К сожалению, невозможно рассказать о всех, с кем свела судьба в те годы. Не стоит и пытаться давать оценки профессиональным качествам моих героев, поскольку многие из них руководители высокого ранга со служебным и жизненным опытом, значительно превышающим мой. Но что касается их человеческих качеств, я с удовольствием скажу о каждом из них словами братишки-морпеха:

— Он настоящий мужик!

На снимке: *Александр Романович ШУЛУБИН.*

Благодаря средствам массовой информации, о налоговой полиции у нас в стране теперь знают даже дети. А вот откуда берутся крутые налоговые полицейские, от которых всякий нечистоплотный бизнесмен шарахается как черт от ладана, где они приобретают столь специфичные практические навыки и умения, известно наверняка немногим. И, пожалуй, лучше других об этом осведомлен директор Центра специальной подготовки налоговой полиции Валерий СКВОРЦОВ. Именно поэтому с ним встретился наш корреспондент Григорий МЕРЛИН.

ПРЕСТУПНИК — НЕ МЕДВЕДЬ, РОГАТИНОЙ НЕ ОБОЙДЕШЬСЯ

— Валерий Николаевич, Федеральная служба налоговой полиции — самая молодая правоохранительная структура России. А Центр, возглавляемый вами, и того моложе. Где ж вы сами-то успели набраться служебного опыта, необходимого для организации практической подготовки сотрудников налоговой полиции?

— Кажется, генерал Драгомиров больше века тому назад сказал: чего офицер не сделает, того и никто не сделает. Много воды с тех пор утекло, многие идеалы в системе жизненных ценностей и ориентиров девальвировались (сами либо по указке свыше), но российский офицер своей универсальной сметки не утратил и хватки не растерял. Как служил, так и служит. Там, где труднее и нужнее. И где наиболее привычный запах — запах пороха. Между прочим, помните бородатый армейский анекдот: "Товарищ пол-

ковник, ругаетесь ли вы матом?" — "Никак нет, но если Родина прикажет, слова учить не придется".

— Вы хотите сказать, что вам поручили совершенно незнакомое дело?

— Ни в коем случае. Я говорю о том, что для офицера с хорошей теоретической и практической базой "совершенно незнакомых дел", по моему твердому убеждению, не бывает. А школа у меня была что надо. Правда, спецназом тогда нас никто не называл, но та воздушно-десантная дивизия, в которой мне посчастливилось изрядно послужить, и здесь, в России, и в спецкомандировках выполняла аналогичные задачи. Ну а затем был направлен в Главное разведывательное управление Министерства обороны. И уже оттуда впоследствии прикомандирован к подразделению (ныне — Управлению) физической защиты федеральных органов налоговой полиции.

Но не обо мне речь — о Центре...

— Как сказать. Личность лидера — это во многом и идеология, и стратегия, и тактика. Впрочем, вы правы — вернемся к Центру специальной подготовки.

— И сразу же расставим акценты, дабы не вводить в заблуждение читателей "Братишки" (возможно, некоторые из них — будущие мои коллеги). В структуре нашего правоохранительного органа существует определенная система подготовки кадров, где одни получают первые для себя специальности (как, к примеру, в Академии налоговой полиции), другие несколько видоизменяют профессиональную ориентацию, третьи повышают свою квалификацию. Направленность очевидна — создание серьезного интеллектуального потенциала ФСНП России.

А мы, в Центре, в свою очередь, куда больше озабочены силовой мощью, скажем так, мускулами налоговой полиции: сами понимаете, подлинная гармония — органичное сочетание силы и разума. И потому основной упор делаем на обучение специалистов физической защиты и на повышение уровня оперативно-боевой подготовки, что называется, преимущественно некабинетных сотрудников налоговой полиции.

— Так это с вашей подачи рослые и плечистые парни в черных масках поигрывают мышцами в офисах нарушителей налогового законодательства?

— К сожалению, пока нет. Мы сейчас, говоря военным языком, только разворачиваемся с марша из походного порядка в предбоевой. Но в самом ближайшем будущем это будут выпускники нашего учебного заведения, люди, без которых, увы, редко обходится серьезная операция, ибо многие налоговые преступники окружили себя вооруженной до зубов охраной, готовой по знаку хозяина пустить в ход весь свой арсенал.

Кроме того, мы рассчитываем видеть в стенах Центра и молодых сотрудников налоговой полиции, недавно зачисленных на службу, и слушателей высших учебных заведений, готовящих офицерские кадры для наших федеральных органов. Одна из задач, далеко не последняя по значимости, — боевое слаживание подразделений. Всерьез занимаемся и этой проблемой. Готовимся, одним словом.

— Каким образом?

— Как в армии. Любая боеспособная часть начинается с укомплектования ее профессиональным офицерским составом и создания учебной материально-технической базы. Активно работаем в обоих направлениях, ориентируясь на потребности налоговой полиции и понимая: налоговый преступник — не медведь, рогатиной не обойдешься.

— В период всеобщего и хронического безденежья государственных структур?

— А почем нынче энтузиазм? Согласитесь, дорогого стоит. И еще, права народная мудрость: не имей 100 рублей, а имей 100 друзей. Спасибо администрации города Красноармейска, на территории которого мы находимся, спасибо научно-исследовательскому институту, поделившемуся с нами объектами учебно-материальной базы. А это и стрельбище, и полевые учебные классы, и полоса препятствий, и площадка для рукопашного боя, и участок для промышленного альпинизма, и огневой городок... Не сразу Москва строилась. Но главное — мир не без добрых людей. И строимся мы с таким расчетом, чтобы на различных точках полигона одновременно занимались 150 человек.

— Много это или мало?

— Для начала неплохо. Однако с учетом поистине неограниченных возможностей теневой армии, обслуживающей криминальный бизнес, — капля в море. Но недаром говорится: капля камень точит.

— Ну что ж, успехов вам!

— Сегодняшние успехи налоговой полиции — это ваша завтрашняя зарплата: мы четко и слаженно сработаем — вам заплатят вовремя, в бюджете все взаимосвязано. Так что удачи всем нам. И спасибо.

ТИХИЙ, НО ВЕСКИЙ АРГУМЕНТ

Юрий КОТЕЛЬНИКОВ

Для бесшумной стрельбы из пистолета ПСС используется специальный патрон. И хотя начальная скорость полета пули дозвуковая, этого достаточно, чтобы успешно поражать цели на расстоянии до 50 метров.

Главными особенностями действий спецназовцев при решении разведывательных и диверсионных задач являются быстрота и скрытность. Остаться незамеченным при ведении огня из обычного стрелкового оружия вряд ли удастся. Это обстоятельство и побуждало конструкторов и разработчиков систем оружия работать над тем, чтобы снизить до минимума сопровождающие выстрел шум и вспышку пламени.

Пистолет ПСС

Сильным звуком при стрельбе является мощная (до 130 дб) звуковая волна, возникающая за дульным срезом оружия. От высокой температуры пороховые газы моментально увеличиваются в объеме и, благодаря высокому давлению, с большой скоростью вырываются из канала ствола, сталкиваясь с неподвижной атмосферной средой. От встречи пули с воздушной массой (а скорость ее значительно превосходит скорость звука) образуется баллистическая волна.

Первой попыткой сделать стрельбу бесшумной было стремление заглушить выстрел на уровне среза ствола. Работы по созданию первых глушителей начались на пороге XX века. Наиболее удачными оказались разработки француза полковника Гумберта и П. Максима из США. Их глушители по конструкции были почти одинаковы и представляли собой полые цилиндры, навинчивающиеся на дульную часть ствола. Клапан, или обтюратор, располагавшийся внутри цилиндра, запирал пороховые газы и не позволял им вырываться наружу. Хотя принцип этих конструкций сохранился на долгие годы, однако сами глушители широкого распространения не получили. В той или иной степени они оказались недостаточно надежными, да и оружие в комплекте с ними было слишком громоздким и неудобным в применении. Не нашли широкого применения глушители и во время первой мировой войны. В период второй мировой войны у большинства спецподразделений были на вооружении штатные образцы стрелкового оружия, адаптированные для проведения разведывательных и диверсионных операций. Наиболее известен в то время у нас в стране был глушитель "Брамит", разработанный братьями Митиными. Он мог использоваться и с револьвером "Наган".

Однако большего внимания заслуживает стрелковое оружие, в котором использовались специальные патроны, конструкция которых позволяла запирать газы непосредственно в гильзе. Первое слово в этом направлении было сказано

нашими отечественными конструкторами. В 1943 году в НИПСВО Красной Армии проводились испытания 5,6 мм и 6,5 мм патронов с гильзами от охотничьих ружей 20 и 32 калибров. В их конструкции было предусмотрено, что пороховые газы выталкивали поршень, который давил на помещенную в гильзу жидкость (воду). Вода, в свою очередь, проходя через трубку значительно меньшего сечения, с еще большей силой выталкивала пулю. Боеприпас был несовершенным, образующееся паровое облако демаскировало стрелка. Но этим изобретением был заложен новый принцип и определено направление поиска для разрешения проблемы бесшумной стрельбы. Наибольшего эффекта удалось добиться позже, применяя боеприпасы с уменьшенным пороховым зарядом и дозвуковой начальной скоростью пули.

Появившиеся в конце 50-х годов боеприпасы дали толчок для разработки нескольких интересных систем стрелкового оружия спецназначения. К ним относятся стреляющие ножи НРС (7,62 мм патрон СП-2) и НРС-2 (патрон СП-4), двуствольные малогабаритные пистолеты МСП (патрон СП-3), С-4 и С-4М (7,62 мм патроны ПЗ, ПЗА, ПЗАМ). Однако сегодня наибольший интерес представляет 7,62 мм самозарядный пистолет ПСС, разработанный под 7,62 мм патрон СП-4 конструкторами ЦНИИ "Точмаш" г. Климовска.

Особенностью конструкции данного патрона является то, что внутри гильзы между пороховым зарядом и пулей расположено промежуточное звено — своеобразный поршень-толкатель. После воспламенения заряда образовавшиеся газы толкают поршень, а он, в свою очередь, пулю. После того как пуля покидает полость гильзы, поршень своим обтюрирующим кольцом запирает пороховые газы внутри гильзы, препятствуя тем самым их прорыву наружу.

Пуля представляет собой выполненный из стали цилиндр, в передней части которого имеется ведущий поясок из мягкой меди. Начальная скорость пули дозвуковая, что предотвращает образование баллистической волны. Сила звука при производстве выстрела подобным патроном напоминает щелчок деревянной линейкой по столу.

Принцип работы автоматики основан на использовании энергии отдачи затвора. Ударно-спусковой механизм по своему устройству такой же, как и у ПМ.

Ударный механизм куркового типа. Спусковой механизм двойного действия позволяет вести огонь как с предварительной установкой курка на боевой взвод, так и самовзводом. Безопасность обращения с пистолетом обеспечивается надежно действующим предохранителем флажкового типа.

Прицел механический, открытый, регулируемый в боковых направлениях. Для облегчения прицеливания в ночных условиях на мушку и целик нанесены марки со светящимся составом. Питание пистолета осуществляется из отъемного, коробчатого, прямого магазина с однорядным расположением шести патронов.

Незначительная длина нарезной части ствола, всего 20 мм, вполне позволяет придать пуле вращательное движение и необходимое направление полета на коротких расстояниях. Сравнительная таблица тактико-технических характеристик, приведенная ниже, позволяет определить, насколько ПСС превосходит своего собрата, 9 мм пистолет ПБ, принятый на вооружение в конце 60-х годов.

ХАРАКТЕРИСТИКА	ПИСТОЛЕТ ПБ	ПИСТОЛЕТ ПСС
Калибр, мм	9,0	7,62
Тип боеприпаса	9х8 (ПМ)	СП-4
Начальная скорость пули, м/сек.	290	200
Наиболее действительный огонь, м	50	50
Масса со снаряженным магазином, кг	1,02	0,88
Длина, мм	306	165
Емкость магазина, шт. патр.	8	6

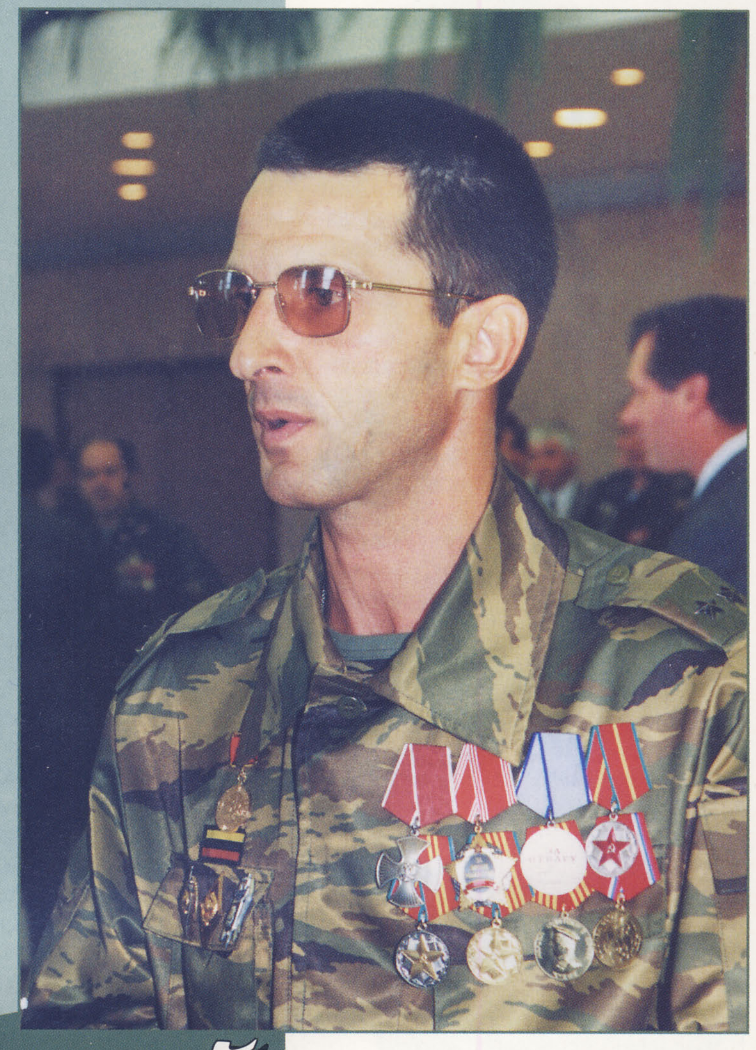

Патрон СП-4

За пять лет своего существования, а точнее – круглосуточной боевой работы спецназ московского РУБОП заслужил репутацию одного из самых опытных и умелых спецподразделений России. По количеству боевых выездов московский СОБР стал настоящим рекордсменом, сравниться с которым может только ближайший собрат – московский ОМСН. Правда, о каких-то рекордах в спецназе никто не думает. Здесь просто работают. Пашут. Делают дело. Далеко не редкость случаи, когда группа СОБРа, завершив одну операцию, немедленно мчится на другую, потом на третью, четвертую... Часто не хватает дежурных суток, чтобы выполнить все задания – отработать все "служебки", которые непрерывным потоком поступают в дежурную часть отряда. Что ж, тогда спецназ остается на "сверхурочную".

При такой нагрузке новички СОБРа либо очень быстро превращаются в матерых бойцов, либо не выдерживают и уходят из отряда. В спецназе свой отсчет времени. Год службы – это уже внушительный срок. Двадцать лет – длинная-предлинная жизнь, даже несколько жизней, если оценивать по насыщенности экстремальными ситуациями.

Подполковнику милиции Юрию Женченко сорок лет. Двадцать из них он отдал спецназу.

ЭТОТ ВЕЗУЧИЙ ЖЕНЧЕНКО

Игорь ЮДИН

Юра Женченко пришел на работу в милицию в 1979 году. В единственное на тот момент в Москве спецподразделение органов внутренних дел – отряд милиции специального назначения попал, в общем-то, случайно. Проходил учебные сборы с бойцами тогда еще мало кому известного ОМСН. Познакомились в спортзале. Вместе качали мышцы, отрабатывали приемы рукопашного боя. На гражданке Юрий успел немного позаниматься боксом и даже запрещенным в то время каратэ. Так что в поединках с новообращенными спецназовцами чувствовал себя довольно уверенно. Инструкторам ОМСН понравилась его манера вести бой: молодой курсант не суетился и хорошо держал удар. Победы добивался благодаря не столько отточенной технике, сколько трезвой оценке возможностей противника и разумно выбранной тактике. Познакомившись со спокойным и доброжелательным пареньком поближе, кадровики ОМСН пригласили Женченко к себе. Разумеется, при условии, что он успешно пройдет все положенные испытания и проверки.

Предложение показалось Женченко интересным. Худощавый, среднего роста курсант аккуратно выполнил все требуемые нормативы по физподготовке, точно отстрелял из ПМ и "калашникова", справился и с другими тестами. С первого раза выдержал самую тяжелую и ответственную проверку, которой по давней традиции подвергаются все новобранцы спецназа, так называемый "круг" – длительный спарринг новичка со всеми бойцами отделения, которое его принимает. Новичок находится на ковре постоянно и работает по очереди с каждым из десяти своих будущих сослуживцев. Ограничения при ведении боя минимальные. Нельзя наносить удары по наиболее уязвимым органам, проводить опасные для жизни приемы. Все остальное разрешено. Схватка должна быть максимально приближена к реальным боевым условиям. Да, это довольно жестокая штука, но в ней заложен глубокий смысл. По тому, как парень ведет себя при прохождении "круга", становится ясно, что он собой представляет как рукопашник, определяются его волевые, личностные качества.

И совершенно необязательно, чтобы новобранец имел косую сажень в плечах, был бы "качком". В ОМСН таких культуристов "пельменями" называют. Еще говорят: пока такой "пельмень" повернется, его можно два раза обежать. Так что физическая подготовка здесь далеко не главное.

Самого Юрия Женченко "качком" назвать ну никак нельзя. Его обычный боевой вес никогда не превышал семидесяти пяти – семи-

десяти шести килограммов. Далеко не Шварценеггер. Имея в виду свои физические кондиции, Женченко говорил, посмеиваясь: "Бойся не больших и толстых, а худых и жилистых". "Круг" жилистый новобранец прошел на удивление спокойно и уверенно. Вскоре началась его служба в отряде.

Вспоминая те годы, подполковник милиции Юрий Женченко рассказал:

— В начале восьмидесятых на серьезные задания мы не так уж часто выезжали. В те времена преступники не очень-то оказывали вооруженное сопротивление милиции. Все такие случаи были наперечет и расценивались как ЧП. Хотя на первый захват заложника мы ездили уже в 1982 году. Это было на проспекте Мира: мужик захватил девочку, угрожал ее убить. Помню, тогда мы удачно применили пиротехнику — взорвали дверь и ворвались в квартиру. Мужик этот практически не пострадал при задержании. Обалдел только от взрыва. А вот девочку мы спасти не успели. Как выяснилось, он ее убил уже несколько часов назад. Возможно, если бы большие начальники тогда не тратили время на переговоры с бандитом, а сразу же дали команду на штурм, удалось бы сохранить ребенку жизнь. Тогда я хорошо запомнил, насколько важно в нашем деле вовремя принимать решения и действовать без промедления.

Выездов и задержаний потом было очень много, сложно выделить что-то особенное. Участвовал в обезвреживали преступников, которые совершили вооруженный налет на банк "Маркон", но это я уже в СОБРе работал. Вора в законе Лакобу наша группа задерживала на Волгоградском проспекте, около мясокомбината. Его тогда тихо свернули, он даже не понял что к чему. Изъяли из его квартиры массу оружия, боеприпасов. Ручной пулемет там был, ящик с гранатами.

Юра Женченко быстро втянулся в специфическую жизнь отряда. Стало ясно, что романтики в повседневной спецназовской службе нет никакой. Да, собственно, он ее и не искал. Просто работал, старался получше овладеть своей не очень обычной профессией. Как пишут в служебных аттестациях, добросовестно выполнял свои обязанности.

Дежурства, выезды, задержания. Регулярные учебные занятия. Постоянные тренировки в спортзале, на стадионе, стрельбы. Спокойный и доброжелательный Женченко постепенно стал пользоваться авторитетом у коллег. Юрий практически никогда не повышал голоса, не раздражался, к нему можно было обратиться за самой разнообразной помощью, и он всегда старался выручить: подменить на дежурстве, одолжить денег до получки, помочь с ремонтом машины. С начальством держался сдержанно и спокойно. Это обстоятельство тоже вызывало симпатии сослуживцев. Таким же спокойным и надежным парнем Женченко оставался и на задержаниях. Бойцы любили с ним работать, знали: уж этот не подведет, надежный парень.

Между тем оперативная обстановка усложнялась. Все больше становилось выездов на задержания вооруженных преступников. Бандиты все чаще оказывали ожесточенное сопротивление. Но к тому времени Женченко уже прочно сжился со спецназом и не представлял для себя иной жизни. В отряде ему было интересно. Почувствовав необходимость в получении юридических знаний, Юрий поступил на заочное отделение высшей школы милиции. А еще в начале восьмидесятых годов Женченко стал семейным человеком. Своей жене Тане, за которой до свадьбы он ухаживал несколько лет, Юрий говорил, что работает в милиции, но чем именно он занимается, не уточнял. Решил лишний раз не волновать.

Юрий Женченко был уже опытным и высококвалифицированным специалистом, одним из наиболее уважаемых сотрудников ОМСН, когда в 1993 году получил предложение перейти на работу в создающийся специальный отряд быстрого реагирования Управления по борьбе с организованной преступностью. Фактически СОБРа еще не было, его предстояло создать. Женченко дал свое согласие, хотя расставаться с подразделением, где проработал столько лет, было тяжело. Вместе с Женченко в СОБР перешли еще несколько опытных сотрудников отряда милиции специального назначения.

В новом подразделении Юрий начал свою службу с подбора кадров. Многие сотрудники силового отдела московского РУОП считают себя крестниками Женченко. Работы на новом месте было невпроворот. Приходилось оформлять вновь принятых сотрудников, вести служебную документацию и, конечно же, выполнять главную задачу — выезжать на операции, учить молодых коллег профессии. В СОБР пришло много офицеров из ВДВ, внутренних войск, которые еще слабо представляли себе специфику деятельности спецподразделений правоохранительных органов. Женченко, имеющий юридическое образование и более чем десятилетний опыт практической работы был просто незаменим в роли дядьки. Спокойный и выдержанный характер Юрия и здесь сыграл свою роль. Женченко умел, не повышая голоса, учить своих зачастую не в меру горячих подчиненных уму-разуму. В его отделении разговор с бойцами на повышенных тонах расценивался как событие чрезвычайное.

— Спецназ — это труд, — говорит Женченко. — Это очень тяжелая, изматывающая работа. Давайте я назову некоторые дисциплины, по которым постоянно проводятся занятия и тренировки у нас в СОБРе: огневая подготовка, физическая, юридическая, альпинистская, парашютная, тактико-специальная, минно-подрывное дело, оперативно-розыскная деятельность, топография и картографирование, медицинская подготовка, наконец. Разумеется, это я еще не все назвал. Кроме того, регулярные выезды на полигоны, постоянные практические занятия: методика и тактика задержания вооруженного преступника в квартире, машине, в общественном месте, на поезде, в самолете и т.д. и т.п. По каждой дисциплине есть программа и нормативы, и если их не выполняешь — ты уже не годишься для работы. Я считаю, что на подготовку настоящего спецназовца уходит не менее трех-пяти лет. И еще, на мой взгляд, чрезвычайно важное качество, без которого не может быть настоящего профессионала, — оперативное мышление, умение очень быстро ориентироваться в сложной обстановке. А такое мышление вырабатывается только с опытом реальной боевой работы, только при проведении настоящих, а не учебных операций. В этом плане у милицейского спецназа Москвы, будь то СОБР или ОМСН, возможностей для профессионального совершенствования более чем достаточно. Объем работы они выполняют колоссальный. Могу в качестве иллюстрации привести такие цифры: в прошлом году оперативно-боевые группы СОБРа выезжали на операции более двух тысяч раз. А в году, как известно, 365 дней.

Что такое настоящий профессионализм и самоотверженность, Юрий еще раз показал во время проведения нашумевшей операции по освобождению заложников, захваченных вооруженными преступниками в пункте обмена валюты на Фрунзенской набережной. Тогда бандитам терять было нечего, они уже убили милиционера и на все призывы сдаться отвечали отказом.

Женченко в тот день был вызван на Фрунзенскую набережную с другого мероприятия. Его поставили в группу, отвлекающую внимание бандитов от штурмующих. Операция проводилась совместно СОБРом и ОМСН. Сотрудники обоих спецподразделений прекрасно знали друг друга, и проблемы взаимодействия не существовало. После сигнала к началу операции БТР двинулся вперед, зазвенело выдавленное стекло. Одновременно хлопнули пиротехнические заряды на петлях двери. Петли вылетели, но произошло непредвиденное: от взрыва на дверь упал тяжелый сейф и перегородил проход. Основная штурмовая группа уже не могла использовать фактор внезапности. Тогда Женченко выскочил из-за бронетранспортера прямо к окну. В этот момент он оставался совершенно открытым для поражения. Накинув на оконную решетку трос, закрепленный на БТРе, Юрий махнул водителю рукой и отпрыгнул в сторону. Бронетранспортер сдал назад и выворотил решетку из оконной коробки. В образовавшийся проход ринулась штурмовая группа и группа, в которой был Женченко. В результате операции двое преступников были уничтожены, третий задержан. Обе заложницы освобождены. Одну вынес на руках боец ОМСН Титенков, другую — Женченко. На кадрах оперативной видеосъемки, запечатлевших начало штурма и позже прошедших по всем каналам телевидения, хорошо виден худощавый спецназовец в легком бронежилете поверх обычного гражданского костюма. Он выделялся на фоне облаченных в камуфляж коллег. Операция прошла успешно. Никто из спецназовцев не пострадал. Женченко рисковал, но остался цел и невредим. Тогда ему повезло.

Повезло ему и потом, когда в составе московского СОБРа он принимал участие в буденновских событиях. Вместе с "Альфой" и СОБРом Московской области москвичи штурмовали больницу, занятую бандой Басаева. Собровцы сработали квалифицированно, выполнили поставленные задачи — заняли ин-

фекционный и травматологический корпуса. Всячески старались облегчить работу "Альфе", штурмующей главный корпус. И сегодня подполковник Женченко уверен: если бы не приказ на отход, спецназ бы задавил басаевцев. Еще двадцать минут боя, и заложников можно было освободить. Может быть, и до Первомайского тогда не дошло.

Потом был Кизляр, захват заложников боевиками Радуева. Снова московский СОБР подняли по тревоге и перебросили на Кавказ. Чечня, начавшись для Женченко с Буденновска, продолжилась Первомайским. Об этой операции Юрий вспоминает с горечью и болью.

Сначала недельное ожидание в открытом поле. Без воды, без горячей пищи. Спали кто в холодном автобусе, кто прямо в поле, на снегу. Многие бойцы обморозились, заболели, элементарно обессилели. Но когда наконец дали команду на штурм, почерневший от усталости Женченко в первых рядах спецназовцев выбивал чеченских бандитов с окраины поселка. Вечером по команде "Отход" СОБР вернулся на исходные позиции. В тот день у москвичей потерь не было. Следующий день — 17 января 1996 года оказался для московского СОБРа черным.

С утра штурм. Опять долгий проход под огнем по открытому промерзшему полю к укрепленному боевиками поселку, снова ожесточенный бой на окраине Первомайского. К вечеру боевики уже оттеснены к центру поселка. И снова передан по рации приказ отходить. При отходе трое бойцов СОБРа — Сергей Туржанский, Андрей Бухтияров и Александр Заставный — пали от пуль чеченских снайперов. Рискуя жизнью, собровцы вынесли тела своих павших товарищей с поля боя.

Женченко сполна отвоевал и второй день. Смертельно уставший, вымотанный двухдневными боями, опустошенный смертью ребят, двое из которых были из его отделения, он все же остался цел. Ему опять повезло.

18 января отряд отвели в расположенный неподалеку от осажденного Первомайского поселок Советский. Поздно вечером четверо сотрудников СОБРа, среди которых был Женченко, сели в "уазик" и отправилась на блокпост дагестанской милиции уточнить обстановку. О том, что произошло потом, сам Женченко помнит плохо.

Оглушительный хлопок, белесый огонь прямо перед глазами, удушливый запах взрывчатки и — невыносимая боль. Вывалившись на снег, Женченко увидел скользящие по полю тени, от которых тянулись в его сторону светящиеся трассы автоматных очередей. Кузов машины разворотило выстрелом из гранатомета. Изуродованный "уазик" поливали автоматным огнем чеченские боевики в белых маскхалатах. Они шли со стороны Чечни на помощь блокированному в Первомайском Радуеву.

В ночной перестрелке погиб еще один сотрудник московского СОБРа Анатолий Приходько. Оставшиеся в живых раненые спецназовцы, отстреливаясь, попытались отойти к своим, к поселку Советскому. Там тоже началась стрельба. Банда Радуева бросилась на прорыв.

Женченко бойцы московского СОБРа нашли в степи уже под утро. Как он сумел добраться до поста, Юрий помнит плохо. Тем не менее дошел. Он потерял много крови, был в бессознательном состоянии. Ранения, которые он получил минувшей ночью, как говорят медики, были несовместимы с жизнью. Осколки превратили висок спецназовца в кровавое месиво, сильно повредили глаз. Правое плечо и лопатка оказались тоже изуродованы взрывом. Вдобавок к осколкам Женченко получил еще несколько пулевых ранений.

С 18 января 1996 года для Юрия Женченко началась совсем другая жизнь. К удивлению врачей, он выжил. Сначала его поместили во владикавказский госпиталь, а вскоре на самолете отправили в Москву. Далее последовали десять операций и два года пребывания на госпитальных койках. Два года невыносимой боли, два года борьбы с отчаянием и безысходностью.

Женченко терпел молча. Хирург, который делал Юрию перевязки после очередной операции, однажды пошутил: "С тобой даже както скучно дело иметь. Молчишь и молчишь. Другие-то вон как орут, сколько новых матерных выражений я от них услышал. А ты? У тебя и оснований на меня заорать куда больше, а ты все помалкиваешь". Женченко молча улыбнулся.

Перевязки и процедуры действительно были мучительными, от боли по всему телу проступала холодная испарина. Врачи лишь сочувственно покачивали головами, а Женченко терпел. Он умел держать удар.

Когда дочь Юрия двенадцатилетняя Кира узнала, что папа тяжело ранен, что он практически лишился глаза и ему сделали трепанацию черепа, у нее начался сильнейший желудочный спазм. Приступ тошноты согнул девочку пополам. Постоянная мысль о том, что ее любимый, такой добрый и сильный папа может умереть, была пыткой.

Жена Юрия Таня держалась стойко. Она день и ночь ухаживала за мужем в госпитале, с надеждой ожидала исхода каждой операции, старалась всячески ободрить и успокоить дочь, вывести ее из тяжелого психологического состояния. Что пришлось пережить самой Татьяне, можно только гадать. Она, как и сам Женченко, предпочитает молчать о своих бедах.

Большую помощь и дружескую поддержку семье Юры Женченко оказали товарищи по СОБРу, сотрудники РУБОП, сразу же откликнулись ребята из ОМСН, где Женченко продолжали считать своим.

В конечном счете Женченко выстоял. Обо всем, что ему пришлось испытать и пережить за эти два тяжелейших года после командировки в Чечню, он предпочитает не распространяться. На вопрос, как дела, отвечает: "Все нормально..."

После выписки Женченко продолжал работать в СОБРе. На операции, правда, уже не ездил, занимался документацией, проводил служебные занятия, в прошлом году вышел на пенсию.

Говорит офицер спецназа Юрий Женченко:

— Я нисколько не жалею, что пришел на работу в спецназ, что четырнадцать лет отработал в ОМСН, а потом в СОБРе с момента его создания. Я всегда гордился и горжусь своей работой. Работа, конечно, тяжелая, но мне всегда было интересно. За эти годы многое было сделано, много было разных событий. Мне кажется, я все-таки кое-что успел за последние двадцать лет.

Мне иногда говорят: как же тебе не повезло — тяжело ранен, искалечен... Нет, вот уж кому действительно не повезло, так это нашим ребятам, которые погибли в Чечне. Это настоящая трагедия. Дети у них остались...

А я, несмотря ни на что, жив, хожу на своих ногах, голова вроде на месте, жену и дочь увидел, мы вместе... Так что мне здорово повезло.

P.S. *В июле нынешнего года министр внутренних дел вручил подполковнику милиции Ю. Женченко именное оружие — пистолет ПМ. Как известно, в России офицеры получают такую награду с очень короткой формулировкой — "За храбрость".*

Владимир ШТАНЕНКО: "Нас ждет охота на "волков"

Об отряде специального назначения "Факел" УИН ГУВД Московской области мы впервые рассказали в 1997 году. Сегодня отряд входит в систему ГУИН Министерства юстиции России. Что изменилось в "Факеле" в связи с этим, какие события произошли за последние годы? Об этом корреспондент "Братишки" Валерий ГОРБАНЬ беседует с командиром отряда подполковником внутренней службы Владимиром ШТАНЕНКО.

— Владимир, на первой встрече с нашим корреспондентом вы очень много рассказывали об отряде, о своих боевых товарищах. По-моему, пора познакомить читателей и с самим командиром. Итак, Владимир Игоревич Штаненко родился...

— В Кургане. Мама в это время работала в уголовном розыске. Отец был сотрудником КГБ. Что бы сейчас ни говорили, ни писали, но поколение наших родителей было поколением порядочных людей, искренне любивших свою страну и честно служивших ей. Конечно, такая "наследственность" во многом предопределила и мои взгляды на жизнь, и мою профессиональную деятельность. Рос я в Серпухове. Здесь же окончил среднюю школу. Кстати, еще со школы, с первого класса, знал Елену, мою будущую супругу. Мы в параллельных классах учились. Отслужил срочную в Будапеште, в войсках правительственной связи. А затем — служба в нашей системе, в следственном изоляторе. Начинал с рядового. Прошел практически все ступеньки низового звена. А 28 мая 1991 года с должности старшего инструктора боевой подготовки я был назначен первым командиром будущего "Факела". Учился заочно. После поступления в Московскую высшую школу МВД впервые надел офицерские погоны, а диплом получал, уже будучи капитаном.

— Но в девяносто первом, приняв под командование отряд, вы были еще только лейтенантом?

— Да. На выборе руководства сказалось, наверное, то, что я прослужил в нашей системе много лет, хорошо знал ее. Кроме этого, активно занимался рукопашным боем, различными видами специальной подготовки.

— Участник боевых действий в Чечне, награжден...

— Орденом Мужества, медалью ордена "За заслуги перед Отечеством", именным оружием.

— Не думаю, что командир "Факела" может сомневаться в целесообразности существования спецподразделений в уголовно-исполнительной системе. Но все же, положа руку на сердце: подтверждает практика их эффективность? Не проще ли в случаях массовых беспорядков и захватов заложников в местах лишения свободы обходиться услугами СОБРов, ОМОНов? Тем более что сейчас такие случаи практически прекратились.

— Постучим по дереву! А потому они резко и сократились, что подследственные и осужденные на горьком опыте убедились в высокой эффективности действий нашего спецназа. Не было ни одного случая, чтобы мы позволили им добиться чего-то силовым путем. В рамках закона — пожалуйста! А захват заложников, беспорядки — это очень вредно для здоровья их организаторов и участников. Почему не СОБР, ОМОН? Исправительные колонии, следственные изоляторы — это ведь не только специфика служебной деятельности и подопечного контингента. Это еще и специфика обстановки, замкнутого пространства. Я как-то после командировок в Чечню, когда несколько месяцев не

заходил в СИЗО, пришел в родное учреждение. И неожиданно почувствовал, что стены, решетки, освещение, даже запах — все это давит физически, дезориентирует в пространстве. А ведь я столько лет прослужил в этой системе. Да и ряд ЧП в местах лишения свободы, когда использовались привлеченные силы, подтвердил нерациональность таких решений. Сегодня тем более: организовать взаимодействие с подразделениями, подчиненными другому министерству, гораздо сложней, чем решать проблемы своими силами. А в нашем деле малейшая нестыковка или ошибка чреваты гибелью людей, огромными материальными потерями. Взаимодействие в решении общих задач — другое дело. Над этим надо работать.

— А что принесло отряду переподчинение ГУИН Министерству юстиции? Есть какие-то положительные или отрицательные сдвиги?

— Однозначно положительные. Правда, я не готов сказать, что здесь важней: организационный фактор или человеческий. Дело в том, что курирующий нас заместитель министра Юрий Иванович Калинин — это создатель и живая легенда спецназа ГУИН. Это тот человек, который заменил погибшего генерала Воробьева и который честно делил с нами все опасности и труды войны. Начальник главка Ялунин Владимир Увенальевич и его заместители — тоже профессионалы и тоже прошли Чечню. Им не нужно объяснять ни задачи, ни специфику нашей работы. Главное — наши руководители делают для нас все, что возможно и невозможно. Немалую роль сыграла ликвидация двойной подчиненности (своему главку и ГУВД). Московская область и так регион непростой, иногда не знаешь, откуда какой привет прилетит и в какие политические игры тебя попытаются втянуть. А если еще и два начальника, да не согласных друг с другом? Так что сегодня управление стало более простым, понятным и конкретным. Меньше сил приходится тратить на различного рода дипломатию.

— При таком отношении со стороны руководства, наверное, вы забыли обо всех проблемах?

— Да нет, не все так просто. Но подвижки произошли очень значительные. Во-первых, изменилось штатное расписание. Теперь все должности в отряде — среднего и старшего начсостава. Подросли потолки командиров. Соответственно повысилось денежное содержание, люди перестали уходить в СОБР и другие подразделения “за звездочками”.

— А были такие случаи?

— Да, человек шесть ушло.

— Кто-то из них вернулся?

— Нет. Мы, конечно, не держим обиды. Это были хорошие и действительно перспективные бойцы, сделавшие для отряда немало, честно прошедшие январскую мясорубку в Чечне. Но обратной дороги в наш отряд нет... Зато мы теперь можем предъявлять еще более высокие требования к новым сотрудникам. Не так давно приняли пятерых молодых офицеров, выпускников Московского военного института федеральной пограничной службы. Уровень подготовки у ребят — отличный во всех отношениях. Разбираются в тактике, владеют любым стрелковым оружием, хорошие рукопашники, имеют навыки оперативной работы. Ветераны отряда сначала отнеслись к ним даже с не-

которой ревностью, дескать, посмотрим, чего вы в деле стоите.

— Посмотрели?

— Конечно. Но с окончательными выводами мы не спешим. Наша жизнь часто устраивает серьезные экзамены. Хотя я лично в этих ребят верю.

— А вообще, какие качества при подборе сотрудников вы ставите на первое место?

— Порядочность и силу духа. Вот есть у нас в отряде инспектор Игорь Кириллов. Был водителем в отряде, долго просился в Чечню. Смотрю: роста небольшого, по физо явно не сдюжит. Но взяли мы его в первую командировку в качестве старшины отряда. Он хозяин такой, что снега у него зимой не выпросишь. За экономию отрядного имущества готов сражаться хоть с любым чемпионом-рукопашником, хоть с командиром. И сумел так себя поставить в отряде, что бойцы его называют только Дедом либо по имени-отчеству. А когда нас на марше в Грозный накрыл миномет, он одним из первых поднялся с автоматом, чтобы атаковать высотку, из-за которой вели огонь боевики. При этом, пинками поднимая двухметровых “крутых спецов” из сводного отряда, Игорь произнес такую яркую, образную и убедительную речь, что сразу привел в чувство растерявшихся бойцов.

— А воспроизвести ее можно?

— Ну... приблизительно так:”... .... Патрон в патронник и вперед!”

(Посмеявшись, мы с Владимиром решаем, что речь действительно замечательная, но опубликовать можно только ее заключительную фразу.)

Сергей Иванович Лысюк, Герой России, лично вручил Кириллову краповый берет, потому что духа у него на десятерых краповиков хватит.

— Давайте вернемся к тем переменам, что произошли в вашей жизни. Положение сотрудников немного улучшилось. А обеспеченность отряда в целом?

— Тоже есть подвижки. Изменены практически все нормы положенности. Несмотря на трудности с финансами, руководство старается обеспечить нас по максимуму. И новейшим оружием, и снаряжением. Практически закон-

чили строительство нового здания штаба. Оказывают помощь спонсоры, многие наши бывшие сотрудники, причем не только из числа ушедших в бизнес. Стоит только нашим ветеранам узнать об очередной командировке отряда в район боевых действий, как тут же, без особых просьб, помогают кто чем может. Всегда хочется большего, но думаю, что сегодня нам могут позавидовать многие спецподразделения России.

— Командировки продолжаются?

— Да. Совсем недавно вернулись наши ребята, воевавшие в составе сводного отряда ГУИН под Карамахи и Чабанмахи. Хорошо поработали на зачистках, и особенно на противоснайперских мероприятиях. К сожалению, не обошлось без потерь. Погиб наш коллега из Курска. Трое ранены, в том числе командир отряда из Кабардино-Балкарии и снайпер из нашего отряда Сергей Семенов. Он получил осколок в живот при зачистке Чабанмахи.

— А кроме боевых командировок, работа, так сказать, по основной специальности продолжается?

— Она и не прекращалась. Мы четко контролируем обстановку в местах лишения свободы. Проводим плановые и внеплановые мероприятия совместно с оперативными аппаратами и администрацией ИК, СИЗО. Конвоируем наиболее опасных подследственных и осужденных, особенно при наличии информации о подготовке побегов или каких-то преступных акций. И тренируемся, тренируемся, тренируемся. Так что не хвастаюсь, а констатирую факт: сегодня по многим видам боевой и специальной подготовки мы готовы соревноваться с лучшими подразделениями спецназа внутренних войск и милиции.

— В ходе повседневной работы и в боевых командировках вам приходится взаимодействовать с различными спецподразделениями. Кому вы отдаете предпочтение, с кем легче всего находите общий язык?

— Не хотелось бы кого-то обижать. Все зависит не от рода подразделений, а от конкретных людей, особенно командиров. Но наиболее надежно было работать с братишками из таких отрядов внутренних войск, как "Витязь". Особенно до начавшегося процесса укрупнения этих подразделений, в результате которого настоящего спецназа не становится больше, а он только размывается. "Спецов" много быть не может. Это — товар штучный.

— Вы говорили о том, что ликвидация двойной подчиненности сняла ряд проблем в управленческой деятельности. А какие остались? Что сегодня можно сделать для повышения эффективности деятельности спецназа вообще и вашего отряда, в частности?

— Прежде всего анализ, обобщение и немедленное распространение служебного и боевого опыта. Нужны не указания в стиле: "повысить, укрепить, совершенствовать...", а конкретный и профессиональный анализ каждого чрезвычайного происшествия, каждой операции, успешной или неудачной. В 1994 году бригада ГУИН работала в Кунгуре Пермской области, где при неудачной попытке освобождения заложника силами СОБРа погиб сотрудник колонии. Мы тогда сразу подготовили подробные материалы, в которых разложили по полочкам детали происшедшего, предложили конкретную схему действий в подобных ситуациях. И я знаю, что эта схема потом не раз успешно и творчески применялась на практике. Такие сведения обязательно нужно доводить до командиров и бойцов в ходе занятий. Проводить тренировки. Шлифовать все навыки, а организационные — особенно.

— Так наш рассказ о командире плавно и незаметно вернулся в русло отрядной жизни и служебной деятельности.

— Так ведь это — главное дело моей жизни.

— А как жена относится к вашей службе? Не устала она вечно ждать и волноваться?

— Конечно, ей тяжело. Особенно трудно пришлось в девяносто первом — девяносто четвертом, когда чуть не каждый день по всей стране что-нибудь да происходило: то ЧП в наших учреждениях, то ГКЧП в Москве. Тогда она меня практически дома не видела. Иногда из газет узнавала, где ее муж находится. Чеченская война ей тоже далась — не позавидуешь. Мы-то, мужики, там делом заняты. Переживать и бояться просто некогда. А женам остается — ждать и ждать... Не все выдерживают. Но мне повезло, у меня супруга командирская. 1 ноября исполняется девятнадцать лет нашей совместной жизни. Все выдержала. Двух дочек мне родила и воспитала. Старшая работает в налоговой полиции и одновременно учится на втором курсе юридического вуза. Младшая — школьница, староста класса, отличница.

— Но все-таки, свободное время бывает у командира? Есть какие-то увлечения, кроме любимой работы?

— Конечно. Я заядлый рыбак и охотник. В Московской области, правда, охота не очень. Выезжал здесь раза три. Один раз пригласили меня на уток, так даже не видел их. А вот на лося и кабана ездили в другие регионы, так ни разу без трофея не возвращались. Я люблю охоту настоящую, чтобы походить за зверем. И черновую работу на друзей никогда не перекладываю. На охоте как в бане: все равны.

— А теперь, судя по атмосфере сборов, которая сразу чувствуется в отряде, вам предстоит охота на волков? Или я ошибаюсь?

— Да. Отряд снова готовится в командировку на Северный Кавказ. И если придется столкнуться с двуногими волками, на которых много беззащитных невинных людей, мы сделаем все, чтобы эти звери не ушли за флажки.

— Ну что же. Удачи, удачи и еще раз удачи! Пусть ваши близкие всегда дожидаются вас живыми и невредимыми.

— Спасибо.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР. **6 октября 1999 года министром юстиции России подписан приказ о назначении Владимира Штаненко начальником отдела по руководству отделами специального назначения ГУИН. "Братишка" поздравляет Владимира Игоревича с назначением и желает новых побед в нелегкой службе.**

Международный Форум INTERPOLITEX® - МОСКВА

Россия, Москва, ВВЦ
Центр "Москва"
9-12 ноября 1999 г.

В программе Форума:

- III Международная Выставка специальной техники INTERPOLITEX®-99
- Салон услуг в сфере безопасности INTERPOLITEX®-SERVICE-99

Международные научно-практические конференции МВД РФ

- "Проблемы использования полиграфов в работе правоохранительных органов"
- "Безопасность дорожного движения - 2000"
- Чемпионат Евразии по БОЕВОМУ САМБО среди правоохранительных органов и негосударственных структур безопасности
- Открытый Турнир по стрельбе (на стрелковых тренажерах)
- Ярмарка вакансий для бывших сотрудников правоохранительных органов
- Конкурс "Лауреат Международного Форума INTERPOLITEX® - МОСКВА"
- Презентации компаний и показательные выступления
- Семинары и "круглые столы"

Организаторы -
МВД РФ,
Правительство г. Москвы,
Компания "Бизон-95СТ"

При участии -
Центра внедрения достижений науки и техники "Москва"(НТУ),
ОО "Клуб Боевого САМБО",
Всемирной ассоциации Клубов Боевого САМБО

Россия, 129223, Москва,
проспект Мира, ВВЦ, Центр "Москва"
Тел.: (7-095) 785-2434, 974-7558, 974-7118, 974-7423
Тел./факс: (7-095) 181-9448, 234-5022, 234-5023, 234-5024
E-mail: b95@online.ru, b-95@cityline.ru
Более подробная информация в Internet: www. secur.ru

Internet-спонсор

Информационные спонсоры:

Альберт КУДРЯШОВ
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА
И Жан Люк МОРО

Во сне я качу по бетонке в "зеленку", в войны заколдованный круг...

РЯДОВОГО Алексея Смолова призвали в армию в самый разгар чеченской войны. 18 мая 1995 года он прибыл в военный комиссариат Бабушкинского района Москвы, а двумя днями позже уже парился в душном эшелоне, направляющемся на юг. Войной те боевые действия в средствах массовой информации еще в открытую не называли, но ребята знали, что на Кавказе заварена крутая каша. Тот факт, что поезд шел в южном направлении и что сержант в камуфляже непонятной расцветки за всю дорогу о предстоящей службе не сказал, по сути, ни слова, навевал не самые лучшие думы.

Служить Алексей попал в 46-й полк оперативного назначения 100-й дивизии внутренних войск. "ДОН-100", "сотка" или "дикая дивизия" — так называли это соединение. Еще на гражданке Смолов получил права на управление транспортным средством. Это и предопределило его воинскую профессию — он стал водителем БТРа.

Машина попалась ему неплохая. Конечно, кое к чему надо было приложить руки, но Алексей работы не боялся. Знал, что рано или поздно на этой "коробочке" предстоит выехать в серьезную командировку. И когда в конце февраля 1996 года два БТРа из их роты временно прикомандировали к отряду специального назначения "Росич", среди них был и бронетранспортер Смолова.

До расположения отряда добирались на своих "коробочках". Едва БТР остановился, как в люке показалась голова спецназовца:

— Руль, машина хорошая?

— Не то слово, — улыбнулся Смолов.

— Пойдешь в нашу третью ГСН. Скажешь, что хочешь служить в подразделении старшего лейтенанта Жигалина.

Сначала механики-водители были временно прикомандированы к подразделениям спецназа, а немногим позже их зачислили в боевой список групп. До первого боя сослуживцы несколько снисходительно относились к вновь прибывшим. Но только до первого боя. А сколько их было потом!.. Алексей и сегодня без особого труда скрытно

проведет свой БТР по Орехово, Шали, Алхан-Юрту, Гехи...

8 июня 1996 года двум полкам сотой дивизии поступил приказ проверить паспортный режим в населенном пункте Гехи. Для усиления мотострелкам были приданы спецподразделения “Росича” и одного из СОБРов. Первой группе спецназа, к которой на время проведения этой операции прикомандировали “коробочку” Смолова, была поставлена задача найти один из домов на окраине селения и тщательно проверить его. По имеющейся информации в подвале этого здания находился склад оружия боевиков.

Выдвинулись на двух бронетранспортерах. Чтобы не петлять впустую по Гехи, решили остановить кого-нибудь из местных и спросить наиболее короткую дорогу. Проводжатый-чеченец вскоре вывел на улицу, где стояло нужное здание, и поспешно скрылся. Красавец дом был двухэтажным, с новой оцинкованной крышей, трубой, украшенной причудливыми узорами. Перед зданием хозяин построил добротный глухой забор. Что творилось за этим забором, никто из спецназовцев увидеть, естественно, не мог. Метров за сто до дома десант “росичей” и пятеро собровцев спешились и пошли вдоль улицы.

БТР Смолова медленно двигался к цели. Повисла гнетущая тишина. Только гравий хрустел под ногами солдат, занимавших позицию. Один из собровцев подошел к воротам и постучал. Никакого ответа. Тогда он вынул нож и стал пытаться открыть дверь. Тоже без особого успеха. Алексей подвел свой БТР поближе к воротам и уже изготовился раскрыть их бронированным бортом, как в одном из окон дома увидел вспышку... Стрелявший, видимо, поспешил: граната “Мухи” угодила под днище машины. БТР покачнулся. Снаружи машина огрызнулась очередью из КПВТ. Бронетранспортер, сдав немного назад, мощным бронированным лбом разнес ворота и встал, собираясь откатиться назад. В тот же миг — вспышка на втором этаже и тупой удар по левому борту. Алексея ослепило. Через мгновение, придя в себя, он увидел, как наводчик рядовой Владимир Илюхин, беззвучно матерясь, давит на электроспуск.

Через несколько секунд вернулся слух. По машине горохом стучали пули. Запахло горелым. Пробравшись к десантному люку с той стороны, которая не простреливалась боевиками, Алексей открыл его и выбросил из БТР гранатометы. Неожиданно машина вновь содрогнулась всей своей массой. Вернувшись на место водителя, Смолов увидел в обеих бортах машины расплавленные дырки от попадания кумулятивной гранаты. Одна из них находилась в нескольких сантиметрах от его головы. “Повезло”, — мелькнула мысль.

Алексей попытался включить заднюю скорость, и в этот момент в машине раздался оглушительный взрыв. В глазах потемнело. Алексей стал протирать их рукой, и ладонь почувствовала что-то липкое. На ощупь водитель пробрался к десантному люку и выпал из него.

Ослепительно светило солнце. Над собой Алексей увидел лицо собровца: “Лежи спокойно, не дергайся...” Тело била крупная дрожь. Ему вкололи промедол. Не помогло. Еще два укола — стало легче. Оглядевшись по сторонам, Смолов понял, что лежит за колесом своей “коробочки” в мертвой зоне. Вокруг шел бой.

Смолов полез обратно в БТР, чтобы закрыть люк над головой водителя. По опыту прежних боев он знал, что чечены уже насобачились попадать в этот люк гранатами из подствольника. Если и сейчас им это удастся, то... В БТР уже затащили нескольких раненых. Что от них останется, попади внутрь граната...

Едва Алексей забрался в отсек, как БТР в очередной раз содрогнулся всей своей массой. Смолов потерял сознание...

Очнулся он только на операционном столе во владикавказском военном госпитале. Почувствовав резкую боль где-то внизу живота, Алексей открыл глаза и онемевшими губами прошептал: “Где я?” Удивление бывалого хирурга длилось секунды. Через мгновение медсестра уже поднесла к лицу Алексея кислородную маску...

На следующий день к Смолову пришли сослуживцы, принимавшие участие в той операции. Оказалось, что в злополучном доме действительно был склад оружия и боеприпасов. В бою спецназовцы уничтожили двадцать шесть боевиков. С нашей стороны потерь не было, только несколько раненых, а Алексей — самый тяжелый. Он потерял много крови. Но ему повезло, что в момент последнего попадания в машину кумулятивного снаряда группа спецназовцев, посланная на подмогу, была уже недалеко.

Краповый берет за мужество, проявленное при выполнении боевой задачи, Алексей Смолов получил перед строем отряда “Росич” в свой день рождения — 10 апреля. А вот его представление к ордену затерялось где-то в недрах бюрократической машины. Более года провел Алексей в разных госпиталях. До сих пор Смолова мучают раны — организм отторгает осколки, которыми напичкано его тело. “Когда наружу лезут — хорошо, — спокойно рассуждает спецназовец. — Вот если внутрь пойдут... будет хуже”.

По возвращении домой он сразу же начал искать работу. Благо в Москве бывшему спецназовцу с хорошей физической подготовкой найти ее, как думал Алексей, не составит особого труда. Вооружившись кипой газет, он обзвонил офисы множества фирм и охранных предприятий, но всюду, узнав о ранениях, ему вежливо отказывали. В таких бесполезных поисках провел Алексей целый год. Молодому парню было не по себе из-за того, что он сидит на шее у родителей. Однажды Смолов вспомнил, что в реутовском госпитале он лежал вместе с Владиславом Шабановым из отряда “Витязь”. Влад рассказывал, что бывшие спецназовцы его отряда организовали “Братство “краповых беретов”, куда может обратиться любой спец. Позвонив Шабанову и узнав адрес “Братства”, Алексей сразу стал собираться в подмосковную Балашиху.

В учебном центре “Витязь” он, не узнав Сергея Ивановича Лысюка, прошел мимо. Лишь когда его окликнули, Алексей, немного смущаясь, рассказал о цели своего визита.

— Братишка, то, что мы тебя берем, — это уже решено. Вот только подожди несколько дней. Мы найдем тебе место, где ты сможешь нести службу, не вредя своему здоровью, — сказали ему уже через несколько минут после начала беседы.

— Да я готов где угодно и кем угодно, — обрадовался Алексей.

— Не горячись, братишка, здоровье беречь надо...

Вот уже больше года работает Алексей Смолов в “Братстве “краповых беретов” “Витязь”. И нисколько об этом не жалеет. Ведь он среди своих.

Имя генерала армии Николая Дмитриевича КОВАЛЕВА хорошо известно читателям "Братишки". Долгое время он работал в чекистском ведомстве, прошел многие ступени служебной лестницы, два года — с 1996-го по 1998-й — возглавлял Федеральную службу безопасности Российской Федерации

Николай КОВАЛЕВ:

"ДОЛЖНА БЫТЬ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ"

— Николай Дмитриевич, что за фильм вы снимаете о борьбе с терроризмом? Когда мы сможем его увидеть?

— Фильм этот скорее не о терроризме, а о тех, кто по долгу службы обязан ему противостоять. Шестисерийная документальная лента о подразделениях специального назначения России и других стран предназначена для показа по Центральному телевидению. Уже отснят материал о бойцах израильских спецслужб, некоторых наших спецподразделениях. Мы хотим изучить внутренний мир спецназовцев, показать, что заставляет этих людей идти подчас на верную гибель, защищая жизни других. Ну и, конечно, исследовать отношение различных государств к своей армейской, полицейской элите. В фильме будет много кадров о подготовке спецназовцев, проведенных ими операциях. Когда фильм увидит зритель сказать точно затрудняюсь, поскольку есть определенные проблемы с финансированием. Но и мы, и режиссер картины Борис Сергеевич Галкин, хорошо известный по киноленте "В зоне особого внимания", полны оптимизма.

— И как же наши спецназовцы выглядят на фоне израильских, немецких и прочих спецслужб?

— В техническом оснащении и вооружении они нас, безусловно, превосходят. Это факт очевидный. С точки зрения профессионализма мы выше на голову. Об этом можно говорить с гордостью. Впрочем, это не только моя оценка, но и зарубежных коллег, проходивших подготовку на наших базах.

Единственное, что меня тревожит, так это то, что сегодня само понятие "спецназ" становится каким-то расплывчатым, размытым. Мы уже сами запутались и в количестве спецподразделений, и в их ведомственной принадлежности.

И вот еще что хотел бы подчеркнуть. Раньше мы воспитывались в духе патриотизма, уважения к военному человеку, разведчику, сотруднику спецслужб, спецназовцу. Общество знало, чем занимаются люди в погонах, как они рискуют, с пониманием относилось к тому, как много средств и времени нужно на их подготовку. Вспомните, сколько замечательных книг и фильмов было, один только сериал "Семнадцать мгновений весны" чего стоит? Сегодня, увы, нас захлестнула чернуха. Некоторые СМИ, да что там СМИ — высшие государственные чиновники договорились до того, что спецназ ушел на службу к криминалу, приклеивают ребятам ярлык профессиональных убийц. Ложь все это, она — от недомыслия, непонимания сути работы спецназовца.

— Складывается парадоксальная ситуация: люди, которые призваны защищать общество, страну, сегодня сами нуждаются в защите. Причем на государственном уровне.

— Безусловно. Надо понять, что боец спецназа, равно как и оперативный работник, разведчик — это своеобразный штучный товар. Тот же оперативный работник начинает давать реальную отдачу после десяти лет службы. А мы бездумно эти кадры разбазариваем, выгоняем, выталкиваем. Уходят люди, которые и могут, и хотят служить. Нужна ведь малость: регулярно выплачивать хотя бы тот минимум, который государство положило им в качестве зарплаты. Но самое главное — должно быть уважительное отношение общества, государства к людям, которые их защищают. Ведь вся служба этих людей, вся их подготовка может быть и подчинены тому единственному мгновению, когда, образно говоря, нужно встать из окопа. И слава Богу, что не из одних спецопераций состоят будни спецназа. Но ради этого мгновения ребята и трудятся до седьмого пота, до крови. А мы им в благодарность — ярлыки и сплетни...

— Может быть, и того хуже: применил сотрудник спецслужб оружие, вот тебе и готовое уголовное дело.

— Абсолютно верно. Ключевой момент: каждое действие бойцов спецназа, каждая операция той же "Альфы" превращаются в расследование уголовного дела против них же. Не против террористов, а против спецназовцев. Почему? Следователя подпирают сроки, ему нужно проводить какие-то действия: допросы, обыски и т.д. Террористов попробуй достань, они где-нибудь в Чечне отсиживаются. А бойцы спецназа всегда под рукой, явятся на допрос по первому вызову. Очень удобно. Я как-то подсчитал: каждый боец спецподразделения проходит свидетелем в среднем по двадцати уголовным делам. Это порождает неуверенность, в решающий момент спецназовец может дрогнуть. Отсюда и все эти маски на лицах, и желание остаться абсолютно неузнанными. Это ведь не от боязни преступников, а оттого, что завтра могут сказать твоим родственникам, твоим детям: "А твой отец застрелил безвинного..."

А как определить, к примеру, боевая граната в руке у человека или учебная, боевой пистолет или газовый?.. И такие ситуации у спецназовца на каждом шагу. Это очень болезненная проблема. В большинстве стран она решена. Если ты поднял руку на полицейского, — он имеет право на адекватные действия, вплоть до применения оружия.

— Николай Дмитриевич, в последние годы ФСБ реформировали едва ли не чаще других правоохранительных органов и спецслужб. Что дали эти реформы, в первую очередь в плане борьбы с терроризмом, организованной преступностью?

— За десять лет ФСБ пережила девять реорганизаций, причем крупных. Только руководителей сменилось девять или десять, я уж и сам со счета сбился... Еще недавно вся страна с упоением читала в газетах и журналах, как Бакатин разваливал КГБ. Как не вспомнить его классическую фразу: "Использование агентуры — это аморально". А на вопрос: что взамен? — изрек: "Ну подождите, я здесь только три месяца работаю, может, что-нибудь и придумаю". Да сотни лет человечество билось над проблемой борьбы с преступностью, терроризмом и однозначно пришло к выводу: наиболее эффективный путь — вербовочная работа в преступных, террористических группировках. А у нас каждая реорганизация — 30% потерь личного состава и 50% потерь оперативных возможностей. Это сильнейший удар по основам деятельности спецслужб.

Хотя не все так печально. Приведу несколько цифр. В 1996 году был предотвращен 421 террористический акт, в 1997 году — 628, в 1998-м — свыше 900. Случай в Махачкале, когда в машину было заложено 150 кг тротила. Уникальная по своей сложности операция по разминированию. Ясно, что теракт удалось предотвратить только благодаря проведенной сотрудниками оперативной работе. Или изъятие склада взрывчатых веществ на Спартаковской улице в Москве. А ведь там было огромное количество мин, и не накрой мы вовремя этот склад, взрывы по всей Москве зазвучали бы гораздо раньше.

В бытность директором ФСБ я попытался создать принципиально новое структурное подразделение — управление по разработке преступных организаций. Оно занималось в том числе и внедрением сотрудников спецслужб в преступные сообщества. В первую очередь в банды чеченских террористов. Была создана система получения упреждающей информации о готовящихся терактах. Она была достаточно эффективной. В частности, были предотвращены нападения боевиков на семь колонн, двигавшихся из Моздока в Чечню.

В Чечне, по большому счету, мы оказались слепы и глухи. Старое рэбовское оборудование для перехвата переговоров по радиостанциям Р-401 и Р-405 еще годилось. Но когда перешли на цифровые радиопередатчики, и спецслужбы, и спецназовцы, и армейцы "зависли". Не стану вдаваться в подробности, но мы все же нашли возможность идентифицировать обмен информацией и командами между бандформированиями, их главарями. А это — сотни спасенных жизней наших парней, десятки предотвращенных терактов.

К сожалению, после моей отставки с поста директора ФСБ прекратило свое существование и управление по разработке

преступных организаций. На мой взгляд — совершенно необоснованно. И сегодня в ФСБ нет структурного подразделения, специализирующегося на борьбе с организованной преступностью. То есть отдельные разрозненные подразделения в рамках существующих управлений есть, но по единому замыслу никто не работает.

— Это тем более странно, так как во многих странах, которые уже давно серьезно столкнулись с проблемой терроризма, считают: теракт проще предотвратить, чем расследовать. На это настроено общество, работа силовых ведомств, спецслужб.

— Так ведь и у нас было нечто подобное. К примеру, в СССР существовала единая система накопления информации о людях, которые потенциально способны изготовить взрывное устройство, о способах изготовления самодельных бомб, об индивидуальных особенностях каждого подрывника и т.д. Есть, скажем, у кого-то привычка паять канифолью со спиртом. По-другому этот человек просто не умеет. Однажды по типу лакокрасочного покрытия, которым был обработан контакт, мы, после взрыва в Москве, нашли его "автора"... в Киеве. Причем вычислили моментально.

К сожалению, с развалом СССР была разрушена и эта информационная система. Я пытался воссоздать подобный банк данных, ставил эту проблему на заседаниях Совета руководителей спецслужб стран СНГ. Но дело двигалось со скрипом. Политики не упускали случая лишний раз поэксплуатировать тему имперских амбиций России, якобы нашего стремления взять под контроль спецслужбы их стран. Я всегда стоял на том, что равноправное деловое сотрудничество нам всем очень необходимо. Американцев почему-то подобное партнерство в борьбе с оргпреступностью, контрабандой оружия, наркотиков нисколько не смущает. Да и со спецслужбами стран СНГ у нас есть примеры удачного взаимодействия. Изъяли же мы из оборота 52 тонны наркотиков именно благодаря совместно проведенным мероприятиям. А такого количества зелья хватило бы для генетического уничтожения целого народа.

— Понятно: с соседями — ближними и дальними — договориться о сотрудничестве, взаимодействии удается не всегда. А у нас в России кто планирует, организует, координирует работу спецслужб, силовых ведомств по борьбе с терроризмом?

— Такой единой структуры не существует. Мы со своей стороны предлагали различные формы объединения усилий всех заинтересованных ведомств, противостоящих терроризму, но ни одна из этих форм так и не прижилась. В частности, одним из наших предложений было создание антитеррористической межведомственной комиссии во главе с одним из заместителей председателя правительства. Потому что сегодня борьба с терроризмом, а особенно последствиями терактов требует усилий всех — и Минздрава, и пожарных, и спасателей, и т.д. Таких широких полномочий у ФСБ нет. Поэтому я и вышел с предложением взять на себя функции координатора именно правительству. Но вот появился Указ президента, согласно которому я как директор ФСБ эту комиссию и возглавил. Логика такого решения проста: борьба с терроризмом целиком в компетенции ФСБ, руководителю спецслужбы эту работу и возглавлять. Но что такое сегодня теракт? В Уголовном кодексе его определение звучит так: "Совершение преступления способом, опасным для окружающих". То есть любой взрыв, любой пожар с покушением на имущество подпадает под это определение. Но ведь большинство сегодняшних взрывов имеют под собой криминальную почву — это бандитские, имущественные разборки. И ФСБ оказалась завалена подобного рода делами.

Сравните две цифры: в России восемьдесят тысяч оперативных работников и два с половиной миллиона милиционеров. Силы и возможности тех и других несопоставимы. Поэтому считаю абсолютно неправильной ситуацию, когда за терроризм "отвечает" только ФСБ. Борьба с терроризмом — это общегосударственная задача, соответственно должен быть общегосударственный подход к ее решению, общегосударственная программа борьбы с этим злом.

— Терроризм зачастую замешан на политике. Собственно, многие террористы не скрывают, что преследуют политические цели. Как определить грань между терроризмом с политической окраской и чистым криминалом, уголовщиной?

— Первая особенность нашего доморощенного терроризма — у нас никто не берет на себя ответственность за совершенный теракт и никто не выдвигает никаких требований. Никто не заявляет, что ему нужно то-то и то-то, и тогда взрывы прекратятся.

Поэтому ту грань, о которой вы говорите, провести очень трудно. Но все более или менее проясняется в ходе расследования теракта. Если взрыв прогремел в жилом доме, где живут семьи офицеров, — ясно, чья эта акция. Если взрывают автомобиль коммерсанта, — тоже понятно, что этот теракт так же далек от политики, как Кремль от Гималаев.

Еще одна особенность нашего терроризма — огромное количество используемой взрывчатки. Может, это звучит кощунственно, но при тех же московских взрывах можно было обойтись гораздо меньшим количеством взрывчатого вещества. Для меня это свидетельство того, что работали непрофессионалы.

Меня беспокоит и тот факт, что сегодня появилось огромное количество книг, которые служат едва ли не учебно-методическим пособием для террористов. Раньше к подобной литературе доступ был ограничен. Более того, мы отслеживали, кто проявляет интерес к таким изданиям. Ведь они хранились только в библиотеке, и вычислить потенциального подрывника оперативникам не составляло особого труда.

— Николай Дмитриевич, как вы оцениваете сегодняшние действия федеральных войск в Чечне? Есть ли у вас свой прогноз дальнейшего развития событий?

— Я об этом давно и не раз говорил: задача у федеральных сил должна быть одна — сделать для боевиков бессмысленным захват тех или иных населенных пунктов. Мировой опыт подсказывает, что достичь этого возможно следующим образом: занять господствующие высоты, создать крупные укрепрайоны и наносить удары по скоплениям боевиков хорошо подготовленными и вооруженными мобильными группами.

Сейчас развитие событий идет как раз по такому сценарию. Но существует большая опасность превращения войны в партизанскую. Днем бандиты под видом мирных жителей могут заходить в тыл нашим войскам. Мы дважды брали Грозный — и что толку. Через некоторое время в городе опять было море боевиков, и нам снова стреляли в спину.

Но на данном этапе, на мой взгляд, все делается правильно. Санитарный пояс необходим, чтобы оградить районы, соседствующие с Чечней, от проникновения бандитов и террористов.

— "Альфа" и "Вымпел" — легендарные подразделения ФСБ, на счету которых немало блестяще проведенных операций. Как вы оцениваете их сегодняшнее состояние, уровень профессионализма их бойцов?

— Несмотря на все трудности, все реформы и реорганизации нам удалось сохранить и кадровый потенциал, и высокий уровень подготовки этих подразделений. Руководство ФСБ всегда уделяло им особое внимание. Я не раз бывал в обоих подразделениях, многих ребят знаю лично. Желаю мужикам прежде всего удачи, потому что в последнее время она их не слишком баловала. Есть какой-то элемент невезения что ли. Но я уверен, что мы не раз еще услышим об успешных действиях и "Альфы", и "Вымпела".

Беседовал Сергей КОЛЕСНИК
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

АОЗТ "СКЕТЬ"
РАЗРАБАТЫВАЕТ И ПРОИЗВОДИТ
СНАРЯЖЕНИЕ, НЕЗАМЕНИМОЕ
В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ
* около 100 артикулов спальных мешков
для различных условий эксплуатации
* более 40 артикулов рюкзаков
* палатки, в том числе и бивачные
* различную одежду, в том числе и пуховую, а также
разгрузочные и специальные куртки, жилеты
* посуду из нержавеющей стали (котелки, фляги)
* другое кемпинговое и личное снаряжение
Вся продукция сертифицирована
и отвечает международным стандартам.
Заказы на продукцию
принимаются по адресу:
Россия, 111397, Москва, ул. 3-я Владимирская, 29.
Тел./факс: (095) 304 - 79 - 00, (095) 176 - 66 - 74.
торговая марка
фирмы
Авантюр

И НЫНЕ ГИБНУТ ОТ ОСКОЛКОВ БОЛИ...

Саша Докаев

ЧЕРЕЗ год после окончания чеченской войны корреспондентская судьба забросила меня в город Майкоп. После обустройства я вынул свои потрепанные блокноты и принялся искать местные адреса своих "чеченских" знакомых.

Улица Ветеранов почти сплошь состоит из частных строений. Эдакий тихий оазис практически в самом центре города. В аккуратном ряду выровненных как по ниточке домиков этот, мне нужный, ничем особенным не выделялся. Утонувший в зелени, ею обласканный и укрытый, он был так спокоен, что, не скрою, я приготовился обрадоваться.

Я постучал в ворота...

Александр ДИОРДИЕВ

АПРЕЛЬ 1996-ГО

С ЕЛИЗАВЕТОЙ Сергеевной Маракулиной мы познакомились в Чечне, в Ханкале. В одном из уцелевших зданий, рядом со штабом группировки российских войск, жили родственники пропавших без вести наших солдат. Хотя "жили" — это слишком сильно сказано. Наматывая на истрепанные души километры горных чеченских дорог, они существовали в надежде найти, увидеть и почувствовать рядом с собой близкого человека.

...В послеобеденное время седые, встревоженные, истерзанные неизвестностью солдатские матери собирались у КПП штаба. К ним выходили офицеры из отдела по розыску. Делились новостями, проверенными фактами, расплывчатыми слухами.

Там-то я и познакомился с Елизаветой Сергеевной. Маленькая, трогательно милая, с выбившимися из-под платка седыми волосами, она стояла чуть поодаль, нервно сжимая в руках влажный скомканный платочек.

Уж и не знаю, как мы тогда разговорились. Да и что, собственно, я мог сказать ей? Я, живой и здоровый, невредимый. И она, с января девяносто пятого практически живущая в Чечне, мыкающая горе в поисках единственного любимого внука.

Спросите у любого участника той войны: что было на ней самым трудным? Спросите, и вам ответят, что марши и бои — это, в сущности, цветочки. Ягодки — видеть лица и глаза тех, кто потерял, кто ищет своих солдат, чьи души истерзаны неизвестностью.

Я до сих пор храню клетчатый тетрадный листок. На нем — восемнадцать фамилий пропавших без вести наших ребят. Его написала мне мать солдата. "Ирочка, Ира, — поочередно обращалась она к женщинам, — твоего как отчество? А твоего, Галя? Когда пропал?.." Листочек тот до сих пор хранит отчаяние и святую горечь материнских слез.

Мы долго разговаривали с Елизаветой Сергеевной. Она рассказывала мне о себе, о внуке. О том, что Сашина мать, Надежда Павловна, сейчас тяжело болеет и не может пока искать своего сына...

Милая баба Лиза, знаете, ведь тогда я был благодарен вам ваши слезы. Когда когда другие жены прекращали плакать и начинали просто повествовать, мне приходилось трудно. Кто-то придумал, а я поверил в

1 Ковалёв Олег Анатольевич 131
2. Докаев Александр Шамилевич 131
3. Вольсков Дмитрий Владимирович 131
4 Епифанов Алексей Анатольевич С/Ф
5 Задорожный Алексей Анатольевич 131
6. Ильючик Владимир Михайлович 81
7. Ильюшко Валентин Анатольевич
8. Калюков Сергей Венедиктович
9 Коротков Алексей Юрьевич ВДВ
10 Ловлякин Евгений Михайлович
11. Лукаев Андрей Александрович 131
12 Мелехов Вячеслав Владимирович
13 Ханнихов Альберт Анатольевич
14. Шкмерук Сергей Геннадьевич МВД
15. Тюрин Алексей Сергеевич
16. Лимонов Константин Михайлович
17. Поляков Александр Владимирович
18. Морозов Дмитрий Александрович 81

Этот листочек с фамилиями пропавших без вести российских солдат до сих пор хранит святую горечь материнских слез. На сегодняшний день из этого списка не найдены 7 человек

то, что мужчина не должен собирать слезы в кулак...

После той была еще одна чеченская встреча с Елизаветой Сергеевной. И вот — Майкоп. Домик на улице Ветеранов... Кто-то отпирает ворота... Бабушка Лиза.

— Здравствуйте...

Через секунду тишина радостного предчувствия становится для меня гнетущей...

САША

ЕМУ БЫЛО всего семь месяцев, когда родители разошлись. Санька остался на руках у мамы Нади, а папаня дернул дальше по стране в поисках счастья и лучшей доли.

Народившийся пацан был ему абсолютно побоку.

Надежда Павловна поначалу очень опасалась за сына. А ну как переймет парень плохие гены от папаши-кочевника? Зря.

Саша рос спокойным, тихим мальчиком. Безумно любил мать и бабушку с дедом. Был справедлив, надежен и трогательно чувствителен.

Однажды, когда ему исполнилось шестнадцать лет, он стал свидетелем одной жестокой сцены. Машина, несшаяся по улице, задавила маленького, беспомощного щеночка. Саша оцепенел, а потом стремительно забежал за угол дома и заплакал. Подошедшая мать сквозь всхлипывания услышала: "Ненавижу, ненавижу таких людей, которые обижают беззащитных..."

С самого детства Саша мечтал стать следователем. После окончания девятого класса он поступил учиться в лицей при редукторном заводе города Майкопа. Был вариант сразу после его окончания без экзаменов перевестись в политехнический институт, но... Саня целился на юрфак Адыгейского госуниверситета. Усиленно готовился, штудировал книги, которые привозила ему из Москвы мама.

Еще в школе ребята безоговорочно отводили Саше Докаеву роль лидера. Друзей у него всегда было много. И в классе, и в спортивной школе, где занимался сначала самбо, а потом, после травмы позвоночника, в секции кунг-фу.

— Он всегда был настойчивым, — говорит мама. — И добивался своего. Только не грубостью, а обходительностью. Говорил мягко: "Мамулечка, мне нужно, пожалуйста..." И я разрешала. Обнимет еще так, улыбнется. Как устоишь?..

Летом 1994 года Сашу призвали в армию. Далеко не отправили. Определили служить в родном городе, в майкопской мотострелковой бригаде. Мать и бабушка с дедом радовались. Все-таки не к черту на кулички попал — рядышком. А Саня... Он как-то иначе все воспринял. Сдержанно, без особой радости. Для него армия тогда означала только одно — расставание с любимой. Оттого и тосковал.

ПИСЬМО

20 ОКТЯБРЯ 1994 года Надежда Павловна последний раз виделась с сыном. Он прибежал в увольнение аккурат перед самым ее отъездом на север, на полуостров Ямал. Там в ту пору велось крупное строительство автотрассы и железной дороги. Вот сосед, там работавший, и посоветовал: можно, дескать, деньжат подзаработать. Специалисты нужны, да и график щадящий: месяц там — месяц дома.

После этого Надежда Павловна только однажды пообщалась с Сашей. От него пришло письмо.

Два листочка, вырванных из ученической тетради и датированных 1 декабря 1994 года, с почерком сына — это самое ценное, что у нее есть сейчас.

Саша писал: "Сейчас весь батальон уезжает в Чечню. А меня не берут (хоть я хотел туда поехать). Бабушке я ничего не рассказывал, потому что она меня тогда вообще в армию не будет пускать..." И через день приписка: "Мама, только не волнуйся. Мы все уезжаем в Чечню. И я тоже. Там мы будем стоять на границе и воевать не будем. Так что я теперь не сильно расстраиваюсь, что ты не приедешь на Новый год и на мой день рождения. Приедем мы где-то в марте. Еще раз не волнуйся. Я сам не волнуюсь. Пока. Целую. Твой сын Александр".

Честно говоря, об одном факте из Сашиной биографии я не хотел вспоминать. Теперь, еще раз перечитав строки солдатского письма, я понимаю: необходимо пояснение. Рядового Александра Шамильевича Докаева не хотели брать в Чечню потому, что его отец — чеченец.

Вечером 31 декабря 1994 года там, на севере, с Надеждой Павловной случился припадок. Она билась головой о стену и исступленно кричала: "Саша, Сашенька, сыночек, что с тобой?!"

214-Я "КОРОБОЧКА"

ПЕРЕД отправкой на войну Саша Докаев прослужил пять месяцев. Из-за травмы позвоночника ему сделали большую поблажку — был писарем в ротной канцелярии. Он, однако, не чурался и прямых солдатских обязанностей.

31 декабря 1994 года майкопская бригада пошла на штурм Грозного. Рядовой Докаев входил в город на 214-й "маленькой коробочке" (так в армейских специфических кругах называют бээмпэшку).

В районе пересечения Старопромысловской и Алтайской улиц, на пустыре, неподалеку от пожарной вышки, машина была безжалостно расстреляна боевиками. Кто-то погиб тут же, на месте, а несколько человек пропали без вести. Их имена: старший лейтенант Клементий Манкиров, сержант Александр Поляков, рядовые Геннадий Афанасьев, Владимир Короткий. Саша Докаев был пятым...

ПЛЕН?..

С ЯНВАРЯ 1995 года Сашины родственники были уверены, что он в плену. Тому есть целый ряд неопровержимых свидетельств-доказательств.

В январе 1995 года отцы солдат, Николай Голиков и Виктор Хоменко, в стреляющем и горящем Грозном разыскивали своих сыновей. Со стороны Шали они вышли к окраине города. Увидели группу боевиков, разгружавших медицинский "уазик". Подошли. Достали фотографии своих и еще троих пропавших российских солдат. Увидев Сашину фотографию, бородачи сказали: "Этот у нас. Точно". Чуть позже с отцами разговаривала девушка из дудаевского отряда. Она пообещала, что через два часа в кафе "Минутка" или подойдет сам Саша, или принесут от него записку.

Отцы пришли по указанному адресу, однако ни Сашу не увидели, ни весточку от него так и не получили. Николаю Егоровичу Голикову чеченский парламентарий сообщил, что его сына недавно расстреляли. Отцу стало плохо. Он потерял сознание... И дальнейшие события ни он, ни Виктор Хоменко, естественно, не помнят. К тому же начался обстрел, и нужно было уходить...

Много позже, где-то в сентябре 1996 года, майор Владимир Забельников, занимавшийся поисками своего брата, повстречался с другим отрядом боевиков. Те сразу сказали: у нас, мол, один пленный есть.

— Кто? Покажите, — майор разложил вером множество фотографий пропавших российских бойцов.

— Этот. — Они указали на Сашу. — Он у нас...

В декабре 94-го они уходили в неизвестность...

Эти ребята освобождены из чеченского плена. Судьба сотен других неизвестна.

Кто хоть раз по-настоящему ждал, тот знает, что такое неизвестность. И как она безжалостно терзает, рвет душу. Как топчет волю и замутняет разум. Каким жарким кажется даже слабенький, пусть далекий и эфемерный, огонек надежды. Сашина мама, бабушка, дед Павел Семенович, в свое время дошедший до Берлина, вдоль и поперек исколесили Чечню.

За время этих поездок, за бесконечно долгое время этих поисков они собрали массу свидетельств тому, что их единственный мальчик жив. Странно, но факт: родной отец, когда Надежда Павловна, смирив гордыню, приехала за помощью к нему, искать сына не стал. Открестился, ссылаясь на какие-то важные дела. Невпроворот, дескать, забот, занят. Вы можете представить себе что-нибудь горше подобного отказа?..

3 февраля 1995 года бабушке Лизе удалось добраться до одного чеченского полевого командира. Ей дали возможность встретиться с пленными.

От капитана Маликова Елизавета Сергеевна тогда и узнала, где была подбита 214-я Сашина бээмпэшка. Сам капитан видел, как ее подбили, видел, как ребята разбежались в разные стороны от горящей машины. Но дальнейшей судьбы экипажа и десанта БМП он тогда не знал...

Позже, в апреле 1995 года, баба Лиза снова встретилась с Сергеем Маликовым. Его освобождали из плена. Капитан сам окликнул бабушку, сказал:

— Знаете, я вспомнил, я видел Сашу. Он был здесь!..

— Что же ты тогда, в первый раз, молчал?

— Его позже привезли. Через три дня после вашего отъезда. Саша сам подошел ко мне. "Как быть, — спрашивал, — у меня отец чеченец, а мать русская?.." А вскорости нас развели по разным местам.

5 мая 1995 года полевой командир Иса Мадаев говорил маме и бабушке Саши: солдат Докаев жив, у нас он, не волнуйтесь, две недели назад я лично видел его живым. Удивлялся, почему не приехал за сыном отец-чеченец. Что ему могли ответить две седые, измученные женщины?..

Наше военное руководство говорило примерно то же самое: "Ваш мальчик живой, не переживайте, отыщется".

Однажды еще сам генерал Романов специально давал Елизавете Сергеевне машину, чтобы она съездила в высокогорное селение Химой, где предположительно должен был находиться Саша.

— Там очень высоко, — рассказывала Елизавета Сергеевна. — Там ласточки гнезда вьют рядом со звездами. Даже машина не смогла подняться, буксовала. Мы тогда ее оставили и пошли пешком. Тоже еле добрались — сердце выскакивало... Я разговаривала с одним боевиком, его звали Салман. Показала ему Сашину фотокарточку. Он узнал Сашеньку, сказал, что его с другими пленными дня три назад увезли... Что тут поделаешь? — Она снова поднесла платочек к глазам, заплакала.

Вообще нормальному, благополучному человеку, озабоченному очередным российским кризисом, рухнувшими финансовыми пирамидами и непонятным дефолтом, невозможно понять, что на самом деле вытерпели солдатские матери. Что они вынесли во время многомесячных поисков родных кровиночек. И как не тронулись умом...

Да простит меня благонравный читатель, но, ей-Богу, я видел, как разум изменял им. Как одна женщина была удовлетворена результатом своих чеченских скитаний.

...Она НАШЛА своего сына. В братской могиле. Где-то в горах...

В октябре 1996 года бабушка Лиза тоже была близка к помешательству. В Ханкалу из селения Гойское привезли четыре трупа. Их нашли в одном из наспех организованных захоронений. Елизавете Сергеевне сказали, мол, есть основания полагать, что один из эксгумированных и есть рядовой Докаев.

Среди них Саши не было...

Последний раз Сашина мама, Надежда Павловна, была в Чечне в ноябре 1997 года. Вдоль и поперек исколесила окрестности города Гудермеса. Где-то там жили ее и Сашины родственники по мужниной линии. Нашла их.

— Много здесь пленных перебывало, — сообщила родня, — но Сашу Докаева мы не видели. А то бы забрали...

Другие люди, к которым Надежда Павловна подходила с фотографией сына, признавались, мол, был такой, помним, только волос светлый. Или седой?..

Казалось, еще немного, вот-вот, и в длинной, мучительной цепи поисков появится недостающее звено. И вдруг...

№ 34...

В НАЧАЛЕ лета я снова приехал в Майкоп. Когда брел по тихой улице к бабушке Лизе, все думал, вот приду сейчас, а солдат дома. Почему-то мне казалось, что по-другому и быть не должно. Ведь Сашу так исступленно ждали, так ждали! А ожидание, говорят, спасает людей...

Размечтавшись о хорошем и радостном, я свернул не в тот переулок, заплутал. Выбраться помогла мне одна девушка.

— Так вы кого ищете? — спросила она, когда мы пошли рядом. — Я местная.

— Сашу Докаева, — говорю, — или родственников его. Елизавету Сергеевну, бабу Лизу...

— Сашу в мае похоронили. Недавно сорок дней было...

В знакомом мне уютном дворике стояли сдвинутые в угол несколько столов и множество табуреток. Безмолвные свидетели недавнего печального застолья, они показались мне живыми и опустошенно-грустными. И еще я заметил, как сдал дед Паша. Какими пустыми были его глаза, как дрожали его руки, когда он запирал за мной ворота. Мы поздоровались. Он сказал:

— Бабушка в больнице... Плохо ей. С нами Сашина мама. Надя! — позвал.

Тогда-то я впервые и познакомился с Надеждой Павловной, тогда-то я и узнал то, о чем теперь будет очень трудно писать.

27 апреля 1998 года Надежда Павловна приехала в Ростов. Несколькими днями раньше она получила очередной, третий по счету вызов в 124-ю судебно-медицинскую лабораторию СКВО. Вызов означал то, что матери предстоит вновь опознать парня, похожего на ее сына.

Едва переступив порог лаборатории Надежда Павловна кинулась в стенду с фамилиями идентифицированных солдат. Рядовой Докаев значился под номером 34.

— Тело было обгоревшим, — рассказывала мне Сашина мама. — Глаза выклеваны, руки-ноги объедены собаками. Счастье еще, что техника сверху гусеницами не прошлась, тогда бы вовсе ничего не нашли.

...Так Надежда Павловна встретилась со своим Сашенькой. Она опознала его. Не безоговорочно, естественно, только шестым материнским чувством...

По выводам работников лаборатории, Александр Докаев погиб от проникающего осколочного ранения в голову, вызвавшего разрушение головного мозга. Предполагаемая дата гибели — 31 декабря 1994 года. Смерть наступила мгновенно.

В этом месте можно было бы, конечно, поставить точку. И закончить рассказ о маленьком фрагменте страшной войны. Но, ей-Богу, не хватает духу. Недостает уверенности. Ведь все то, о чем рассказывалось выше, тоже имело место... Сашины фотографии, узнаваемые самыми разными людьми — свидетелями его жизни после того давнего новогоднего боя. Ведь все это было. Было!

— Я признала Сашеньку, — вспоминает мама, — по родинке возле носа, на правой щеке, по форме ногтей, зубов. Для полной уверенности, — Надежда Павловна делает

паузу, набираясь сил, — мне сказали, что еще нужно сравнить точки черепа с фотографией... Я отказалась... Я не могла больше его мучить... Я благодарю и передаю низкий поклон от всех солдатских матерей города Майкопа начальнику судебно-медицинской лаборатории полковнику Владимиру Владимировичу Щербакову. Он столько сделал для нас, женщин, потерявших детей! Мы ему только и верим... И никогда не забудем...

Лабораторные данные показали идентичность группы крови матери и останков солдата, покоящихся под номером 34. На 85 процентов совпал рисунок отпечатков пальцев. А для идентификации (Надежда Павловна мне говорила) достаточно шестидесяти.

Грудная клетка, рост, размер ноги, головы, даже правосторонний кариес — все Сашино.

...Но кто же тогда встречался в плену с капитаном Маликовым? Кого узнавали на фотографиях?.. О ком говорили: "Ваш живой, не переживайте"?.. Ведь все одновременно не могут ошибаться. Все вместе не могут лгать.

Я ни в коей мере не хочу бросить тень на профессиональную честь судебно-медицинских экспертов. Их благородное дело достойно всяческого уважения. Я не ставлю под сомнение вывод полковника Щербакова относительно того, что человеческие останки под номером 34 действительно принадлежат рядовому Александру Шамильевичу Докаеву. А все-таки, все-таки...

Не только в давней, но и в новейшей истории хватает примеров, когда оплаканные родственниками солдаты возвращались домой с того света. Когда обезумевшая от неведения, от мучительных безрезультатных поисков мать признает за родную кровиночку чужого мальчика... Ведь часто предел ее мечтаний — найти хотя бы косточки. Чтобы похоронить...

Попробуйте упрекнуть ее за это! Попробуйте понять ее душу, ищущую хоть относительного, слабого, временного, хоть только на людях, покоя.

...Баба Лиза рассказывала мне, как одна женщина в погибшем пацане признала своего сына: "Много чего сходилось. Рост, размеры, форма лица... Мать всхлипывала, причитала: "Нашелся, — говорит, — нашла". А мальчишку потом на бок перевернули — на плече татуировка: скорпион. Десантники себе такие делали. А ее сын в пехоте служил... Как две капли воды ребята похожи, но — не он..."

6 мая этого года улица Ветеранов города Майкопа плакала навзрыд. Хоронили Сашу Докаева. Было море народа, море букетов с четным количеством цветов.

Славный, добрый мальчуган, красивый парень, солдат прощался с этим миром. Над его домом, над всей улицей бесформенной, темной тучей висело горе. Оно было общим. Одним на всех. Но от этого никому не становилось легче. Ни тем, кто знал Сашу и любил, ни тем, кто, случайно проходя мимо, застыл в почтительном и скорбном молчании, пропуская процессию.

...Саню несли на руках. Рядом шли его родственники, шла его девушка, которая за свою коротенькую жизнь всего-то второй раз отпускала от себя любимого...

***

ВОТ, НАВЕРНОЕ, и все, что хотелось мне рассказать. Один эпизод, только фрагмент непонятной и страшной этой войны...

Можно бы, конечно, вспомнить еще подлеца-проходимца, который, выдавая себя за участника боевых действий и Сашиного сослуживца, пытался сколотить себе капиталец на горе бабушки Лизы и дедушки Паши, "дешево торгуя" сведениями об их пропавшем внуке. Но к чему?

Лучше я вспомню о тех, кого просила помянуть добрым словом сбежавшая на время из больницы Елизавета Сергеевна.

Низкий поклон от нее, от всех Сашиных родственников начальнику 124-й судебно-медицинской лаборатории СКВО полковнику В.Щербакову, офицерам, занимавшимся в Чечне поиском пропавших солдат, полковникам В.Бенчарскому и В.Пилипенко, мэру Майкопа М.Черниченко и ректору городского технологического института А.Тхакушинову, которые помогли организовать Сашины похороны.

Мне же, как автору этих строк, остается только попросить прощения у читателей за столь тяжелую публикацию, за обилие вопросов, которые остаются после материала. Я не знаю ответов на них. Я и Сашины родственники будем благодарны всем, кто сможет пролить свет на судьбу рядового Александра Докаева, кто хоть что-нибудь знает о его чеченской войне. Войне, о которой, прощаясь, бабушка Лиза тихо сказала: "Это все, чего мы добились там".

И попробуйте ей возразить...

Анна Ивановна ПЯСЕЦКАЯ

А В ЭТО ВРЕМЯ

В ГРОЗНОМ ПОХИТИЛИ СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ

В Чечне бандиты взяли в заложники четырех российских женщин, которые искали здесь своих пропавших сыновей. Это случилось в середине сентября, в самый разгар операции по уничтожению боевиков на дагестанской земле. Вот имена похищенных: Полина Фроловна Захарова из Барнаула, Антонина Никифоровна Борщова из Ростова-на-Дону, Валентина Александровна Ерохина из Перми и Роза Зуберовна Халишхова из Нальчика. Их сыновья, как и герой нашей публикации Саша Докаев, пропали в Грозном в ту страшную новогоднюю ночь 95-го. С тех пор солдатские матери не знают покоя, они исколесили Чечню вдоль и поперек в поисках своих сыновей.

Вот что рассказала нам председатель межрегиональной общественной организации "Эхо войны" Анна Ивановна Пясецкая, которая тоже потеряла сына-десантника во время январского штурма Грозного. О горе солдатских матерей она знает не понаслышке, так как нашла своего сына только на 290-й день с момента его гибели. Сегодня она помогает матерям в поисках пропавших ребят и совсем недавно вернулась с Северного Кавказа.

— Матерей, которые до сих пор ищут хоть какой-то след своих пропавших в Чечне сыновей, на сегодняшний день около пятидесяти, — говорит Анна Ивановна. — Эти женщины — из их числа. В Грозный они приезжают не впервые, но до сих пор поездки эти результатов не дали. Всякий раз им обещают помочь найти хоть какой-то след, но увы... С надеждой приехали они и в этот раз, хотя после последних событий в Дагестане поиск значительно осложнился.

11 сентября днем в дом, где жили солдатские матери, приехал некий чеченец и сказал Антонине Борщовой и Валентине Ерохиной, что нашел человека, у которого есть сведения об их сыновьях, и предложил поехать с ним. Больше их никто не видел.

Двух других — Полину Захарову и Розу Халишхову — похитили иначе. Вечером 13 сентября к дому на трех машинах подъехали вооруженные люди, представившиеся "шариатской гвардией". Лица некоторых из них скрывали черные маски. Схватив женщин, они заявили, что никакие они не солдатские матери, а агенты ФСБ, вытащили из дома, запихнули в машины и увезли.

Дом в Грозном сегодня пустует. Уехали неизвестно куда хозяева, а солдатских матерей предупредили, что приезжать сюда сегодня небезопасно.

С какой целью похитили солдатских матерей и кто стоит за этим — неизвестно. Очевидно одно: это преступление совершили нелюди, для которых нет ничего святого. Для истинного кавказца слово "мать" всегда было священно...

Сергей КОЛЕСНИКОВ

ДВОРЯНСКОГО РОДУ, КАЗАЦКОГО ПЛЕМЕНИ

Королеве Великобритании Елизавете бывший морской пехотинец Дмитрий Дмитриевич Вонлярский, как и положено по этикету, ручку поцеловал. А вот "железной леди" Маргарет Тэтчер, не сдержавшись, резанул правду-матку...

Александр ШМАРОВ
Фото из семейного архива Дмитрия ВОНЛЯРСКОГО

ВЫСОКОЕ звание Героя Советского Союза бывший морской пехотинец старшина 1-й статьи Дмитрий Дмитриевич Вонлярский получил совсем недавно. Хотя представлен к Золотой Звезде был ровно пятьдесят пять лет тому назад, за участие в ночной январской операции 1944 года по высадке морского десанта на мыс Тархан в Крыму. Вот как отмечен этот эпизод в героической летописи Черноморского флота: "Среди моряков-парашютистов был Дмитрий Вонлярский. Пройдя через штормовое Азовское море на шлюпке, он высадился на берег... и заменил выбывшего из строя командира десантной группы... Далее с другом Василием Перевозчиковым они первыми были на высоте 164,5, которая оказалась в центре борьбы и не раз переходила из рук в руки. Дело доходило до гранат и рукопашной. Василию Перевозчикову оторвало руку. За тот бой друзья были представлены к званию Героя Советского Союза". К сожалению, по неизвестным причинам тогда это высокое звание присвоено им так и не было...

Юбилейный год 50-летия Великой Победы начался для Вонлярского с приятной неожиданности. В самом начале января пришло письмо из... Великобритании. Бывшего морского пехотинца приглашали в Лондон на официальную церемонию празднования Дня освобождения Европы от фашизма. Все расходы по трехдневному пребыванию ветерана на английской земле хозяева взяли на себя. Дим Димыч, как уважительно и любя называют его друзья-однополчане, о тех майских днях вспоминает частенько:

— Приехал, сразу разыскал наших ветеранов. Человек десять их было приглашено. Все генералы да полковники. Смотрю на них — и сердце от обиды защемило: костюмы старенькие, мешковатые, обувь истоптанная. Вид жалкий, дряхлый, руки-ноги дрожат...

Всех ветеранов войны выстроили в Гайд-парке. Везде развеваются флаги: английский, французский, американский... А нашего нет. Слезы навернулись у меня на глаза. И вдруг вижу: какой-то человек в полном солдатском обмундировании — даже вещмешок за спиной — поднялся на скамейку, расчехлил красное знамя и стал им размахивать. Полегчало мне малость при виде этого...

Королева Елизавета, принц Чарлз, принцесса Диана, весь Королевский двор, члены правительства Великобритании в полном составе вышли поприветствовать ветеранов, к каждому подошли, поговорили. Только наш Черномырдин прошмыгнул мимо — видимо, спешил куда-то.

Подходит и ко мне королева Елизавета. Я ей, как и положено по этикету, ручку поцеловал, жену Лиду представил... Вообще-то, мне показалось, что и принцы, и герцоги, и сама королева очень простые люди...

"Железная леди" Маргарет Тэтчер тоже поговорила со мной. Ее очень заинтересовали мои боевые награды. Долго расспрашивала она, за что и где я их получил. А потом мне и говорит: уж слишком много вас, русских, в этой войне погибло... Не выдержал я

тут и резанул правду-матку. А ваши, говорю, как воевали? Они что, на пулеметы шли, города штурмовали? В уличных боях подставляли себя под пули? Перед тем как вашим войскам войти в город, его утюжила авиация, артиллерия, потом танки. Вот только после этого в города ваши войска и входили. И не дай Бог какому-нибудь недобитому фрицу стрельнуть: ваши войска разворачивались и уходили. Вновь авиация, артиллерия, танки... Долго удивленный переводчик мои слова переводил.

Не было отбоя и от корреспондентов газет, радио, телевидения, которые также с интересом рассматривали мои боевые награды. А один бизнесмен меня даже на свой парусник пригласил. Хороший парусник — я на таком практику в училище проходил...

А было это в далеком 1940-м. С малых лет очаровало Дмитрия Вонлярского море. Потому и подал документы в Каспийское высшее военно-морское училище. Поступавших в тот год было много, но Дмитрий выдержал вступительные экзамены блестяще. Детство, как признается Дим Димыч, было у него золотое. Его все любили и баловали, но и образование дали что надо, обучили хорошим манерам, немецкому языку.

Мама Дмитрия, Мария Михайловна, происходила из дворянского рода Вавиловых. Но волею судеб повстречала в гражданскую войну запорожского казака Дмитрия Вонлярского, полюбила его и уехала с ним в Запорожье. После гибели отца мама возвратилась в Москву, к своим родителям. Дед Дмитрия, бывший царский генерал, занимал какой-то важный пост.

— Дед был человеком смелым и честным, — говорит Дим Димыч. — Когда его вызвали на Лубянку и спросили, верит ли он в коммунизм, дед ответил, что верит в Россию...

Началась Великая Отечественная. Димка Вонлярский был уверен, что война может быть только на чужой территории и обязательно сокрушительной и победоносной. Но сводки с фронтов шли удручающие: отступление, сдача городов, фашистские полчища рвутся к Москве. И Димке по молодости казалось, что все это происходит лишь оттого, что там, на фронте, нет его, физически сильного, закаленного, футболиста, боксера-разрядника. Командование училища он достал-таки своими рапортами с просьбой отправить его в действующую армию.

Попал Вонлярский в 71-ю бригаду морской пехоты, которая была сформирована из моряков Черноморского, Балтийского и Тихоокеанского флотов и курсантов-добровольцев. Это их, морских пехотинцев, гитлеровцы с ужасом называли "черная смерть". Наши же с любовью и гордостью говорили: скала в обороне, ураган в нападении.

Вскоре бригаду перебросили на передовую, под Дмитров, что недалеко от Москвы. Здесь в бою у деревни Языково и был впервые ранен Дмитрий Вонлярский. Ранение оказалось слишком серьезным. Врачи собирались ампутировать ногу. Но, к счастью, майор медицинской службы Мария Михайловна Вонлярская, встревоженная тем, что от сына нет долгожданной весточки, разыскала его в одном из московских госпиталей. Разыскала и вылечила, спасла сыну ногу.

И Дмитрий, к своей несказанной радости, опять в строю. Да еще в каком — парашютно-десантном батальоне ВМС! В батальон этот бойцов отбирали серьезно и придирчиво. Требовались отличная физическая подготовка, смелость, опыт прыжков с парашютом. Ну, смелости и силы Вонлярскому не занимать, а вот с парашютом...

— Где, когда и сколько прыгали? — строго спросил командир.

— В Москве, с вышки в парке Горького! — и смех, и грех...

Но ведь приняли! И послали, по недоразумению, сразу на ночной тренировочный прыжок. Едва Димка успел расспросить ребят, что к чему, как оказался перед открытым люком самолета. Не видно ни зги, внизу — бездна!

— Прыгай! — велит командир.

— Как? — перекрикивая шум, пытается выяснить Вонлярский.

— Вставай на колени и пошел, мать твою!

— Есть, мать твою!.. — и вниз, в бездну...

Боевые пути-дороги привели Дмитрия Вонлярского на Черноморский флот. С группой таких же, как он, десантников забрасывали его в тыл врага. Не понаслышке знает Дим Димыч, что такое рукопашный бой, когда стреляют в упор, пускают в ход ножи и все, что попадет под руку. Он всегда первым бежал на вражеские укрепления. Пригодилось и его отличное владение немецким языком. Частенько Дмитрий переодевался в форму немецкого офицера, шел впереди своей группы, снимая фашистских часовых. Сам лично взял несколько языков... Десантники, храбрецы не из последних, говорили о своем товарище: "Сам черт ему не брат..."

Освобождал Дим Димыч от ненавистного врага и Тамань, и Керченский полуостров. В составе 83-й дважды Краснознаменной, ор-

дена Суворова Новороссийской Дунайской бригады морской пехоты громил фашистов под Измаилом и Белгород-Днестровским. С Краснознаменной, орденов Нахимова и Кутузова Дунайской военной флотилией прошел славный боевой путь по странам Европы: Австрии, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии и Югославии.

Из боевой характеристики старшины 1-й статьи десантника-разведчика Дмитрия Вонлярского: "Во время десанта по реке Дунай в районе селения Опатовац 3 декабря 1944 года во главе своей группы разведчиков тов.Вонлярский форсировал затопленную равнину по горло в ледяной воде и, выйдя на берег, действовал против соединения немцев в районе селения Лавас. При налете на вражескую батарею он броском противотанковой гранаты подорвал пушку противника и огнем автомата расстрелял ее расчет.

20 марта при десанте в селении Тат и 28 марта при дневном десанте в селении Радвань Вонлярский одним из первых выскочил на вражеский берег. Продвигаясь в глубь селения Радвань, Вонлярский с разведкой уничтожил две точки крупнокалиберного зенитного пулемета, захватив при этом шесть немецких солдат, чем обеспечил продвижение вперед своего батальона".

Война, начавшаяся для Дмитрия Дмитриевича Вонлярского в ноябре 41-го под Москвой, закончилась в мае 45-го в Чехословакии. Его грудь вызолотили ордена Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды. А еще двадцать шесть медалей, в том числе и зарубежных. Более десяти благодарностей Верховного Главнокомандующего за участие в штурме и освобождении городов Керчь, Феодосия, Севастополь, Белгород-Днестровский, Галац, Констанца, Вуковар, Будапешт, Вена, Брно... О подвигах бесстрашного десантника-разведчика рассказано более чем в двадцати книгах-мемуарах...

Судьба занесла Вонлярского в послевоенную Венгрию. Еще ликовала душа от окончания ненавистной кровопролитной войны, в ушах звенели отголоски победных салютов. Дим Димыч зашел с друзьями в ресторанчик поужинать. Выпили, как водится, закусили и начали вспоминать "об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах". Заказ надумали повторить. Попросили хозяина принести еще вина и закуски. А тот отвечает, что вино кончилось. Ну и ладно. Кончилось так кончилось, пошли к выходу, пробираясь меж столиков. И вдруг видят: на один из них ставят бутылки с вином. Вежливо попросили хозяина объяснить, в чем дело. Но тот, фамильярно-небрежно щелкнув Вонлярского по носу, сказал: "Ду бист руссиш швайн". Такого унижения морской пехотинец, прошедший огонь и ледяную воду, не раз смотревший смерти в лицо, стерпеть не мог. Одного удара Дим Димыча хамовитому хозяину оказалось достаточно.

Друзья вышли из ресторанчика и пошли прочь. Но вскоре услышали за собой топот толпы, впереди которой бежал оклемавшийся знаток немецкого. Недолго думая, Вонлярский выхватил свой пистолет и с первого выстрела насмерть уложил хозяина ресторана. Толпа оцепенела. А Дим Димыч успел скрыться, да, на свою беду, оказался на территории "Смерша"... Осудили его на пять лет, лишив всех боевых наград. Хотя на следствии выяснилось, что тот хозяин ресторана в годы оккупации работал на нацистов.

Когда был суд, Вонлярский просил отправить его на фронт — уже началась война с Японией — искупить кровью свою вину, но... Не так представлял себе фронтовик возвращение после Победы на Родину, но, как говорится, от судьбы не уйдешь.

Из лагеря Дим Димыч бежал до того, как ему пришло помилование. Целых пять лет жил в бегах под чужой фамилией, выручали фронтовые друзья. Потом его поймали. Он снова бежал. Уйти не смог — пустили по следу собак. Сослали на Колыму, дав десять лет строгого режима. В 1953 году, после смерти Сталина, Вонлярского освободили. Дома его ждала только мама. Жить в Москве было запрещено, только за 101-м километром, поэтому уехали в Ставрополь. Там он закончил заочно дорожный техникум, успешно сдав экзамены (на чем только не приходилось ездить на войне), сел за руль ГАЗа.

А спустя 16 лет дело Дим Димыча пересмотрели, судимость сняли, боевые награды вернули. Он с мамой возвратился в Москву, устроился на автокомбинат №18 водителем дальних рейсов. Контактный, прямой и открытый по натуре, он нашел много новых друзей.

Немало путей-дорог исколесил Дим Димыч за три с лишним десятилетия. Но особо радостными и волнительными для него были те рейсы, которые проходили по местам его боевой молодости.

НА СИЛУ НАДО ОТВЕЧАТЬ СИЛОЙ

В то время, когда наша армия и спецподразделения уничтожают террористов и их осиные гнезда на территории Чечни, вдруг снова активизировались многочисленные правозащитники и "эксперты" по военным конфликтам. И ладно бы это были наши, родные, к выступлениям которых мы привыкли еще во время чеченской войны. Но вот в записные миротворцы рвутся эксперты зарубежные. Совет Европы не так давно выступил с озабоченностью по поводу бомбардировок Чечни, а его представителя Рассела Джонсона мы вдруг увидели в Москве. Здесь он долго размышлял вслух о соблюдении прав человека и законности во время проведения спецоперации на Северном Кавказе – это как раз в то время, когда басаевские и хаттабовские "бешеные волки" измывались над мирным дагестанским населением в селах Новолакского района.

С трудом верится, что господин Джонсон до конца понимает суть тех действий, которые предпринимают армия и правительство на территории своей страны. Все же у любого гуманизма должен быть свой предел, тем более когда речь идет о противодействии терроризму. Иначе такой гуманизм может обернуться самыми трагическими последствиями. Слабость в этом вопросе недопустима.

Думается, нам было бы гораздо полезнее выслушать западных специалистов по антитеррору, чем слушать размышления правозащитников. Потому что первые мыслят категориями сугубо конкретными, не отвлеченными. Но... Профессионализм западных коллег в последнее время, мягко говоря, не впечатляет. И это мнение имеет под собой вполне реальную почву.

Недавно из поездки в Германию вернулся Иосиф Линдер, президент Международной контртеррористической тренинговой ассоциации, с которым наш журнал уже долгое время плодотворно сотрудничает. Во время своего визита за рубеж он сделал ряд любопытных наблюдений, которые, думается, будут весьма интересны нашим читателям.

В ГЕРМАНИИ социальное противостояние прекратилось в 96-м году. Тогда крайне радикальная экстремистская организация "Фракция Красной Армии" официально объявила о свертывании своей борьбы против действующего режима. Социальные условия в стране сложились таким образом, что террористы утратили почву для своей деятельности. Вы можете себе представить, чтобы Басаев или Хаттаб добровольно сложили оружие? Я — нет. В Германии же это случилось. С тех пор страна живет в очень спокойном режиме. Убийства, даже если и происходят, носят бытовой или случайный характер. Вся общественная жизнь сегодня такова, что идет непрерывное движение к идеалу — максимальной свободе личности, ее неприкосновенности. Даже если это личность с ярко выраженным антиобщественным проявлением. Доходит до смешного. Я общаюсь с представителями спецполиции, и они мне жалуются на то, что в нынешних условиях стало очень трудно применять силу, так называемые легально-принудительные меры. Спецназ стесняется или не может применить силовое воздействие на преступника! Социальные условия, общественное мнение да и просто психологический настрой самого полицейского не позволяют этого сделать. Но даже когда группа антитеррора наконец решает применить силу, то это происходит лишь в самом крайнем случае. А вот превентивно, профилактически, когда угроза явно ожидается — силовые методы западные коллеги применять опасаются.

Примеров множество. Не так давно вся Германия была взбудоражена случаем, когда двое "отморозков" захватили в заложники двух женщин. Террористы 12 часов гоняли на микроавтобусе по дорогам между Германией и Швейцарией — ни одна из спецслужб не брала на себя ответственность за проведение операции по освобождению захваченных женщин. В конце концов на это решились немцы, однако операция была проведена столь неудачно, что одна из заложниц в перестрелке была убита. В общем, это достаточно показательный факт — не имея реального опыта действий в таких ситуациях, антитеррористические структуры оказываются не готовы выполнить задачу. Их подготовка, которая на тренировочных базах выгля-

дит впечатляюще, на самом деле похожа на мыльный пузырь. К ошибкам в операции добавляется еще и психологическая неподготовленность противостоять вооруженным бандитам. Неспроста при отправке немецкого контингента в Югославию руководство бундесвера проводило с солдатами и офицерами занятия по психологическому тренингу. Людей в погонах подготавливали к тому, что в районе боевых действий их могут ранить и даже убить. Что ж это за солдат, которого в дрожь бросает при слове "смерть"?!

Подобная психологическая размягченность, а я бы назвал это преступным благодушием, не имеет права поселиться в душе специалиста по контртеррору. Его мягкотелость — это потерянная жизнь заложника. На силу надо отвечать силой. Жесткости противопоставлять такую же жесткость. Я вспоминаю случай (а их в разных странах было немало), когда на моих тренировках с бельгийской группой спецжандармерии офицеры падали в обморок от того, что я им делал "немножко больно", проведя боевой прием. Или в Австрии меня осуждали за антигуманность в методиках обезвреживания террористов. Понятно, что каждая страна живет в мире своих представлений, но есть вещи объективные, о которых нельзя забывать. Применительно к террористам, которые изначально ставят себя вне любых общественных рамок, разговор о гуманизме неприемлем.

Возвращаясь к теме уровня подготовки наших западных коллег, поделюсь своими наблюдениями, которые я сделал в последней командировке в Германию. Честно говоря, то, чему я оказался свидетелем, повергло меня в полное изумление. Такой некомпетентности и непрофессионализма, даже зная уровень подготовки западных служб безопасности, я не ожидал.

В течение нескольких дней Германию потрясли два крупных скандала. Суть их состояла в том, что полиция и спецслужбы допустили фантастическую беспечность, которая черным пятном легла на всю систему внутренней безопасности Германии.

Второй раз за последние 23 года своего существования был ограблен крупнейший в Европе 8-этажный торговый центр "КДВ", занимающий в Берлине целый квартал. Двое бандитов предварительно ограбили оружейный магазин, совершили налет на отделение банка и уже после этого напали на инкассаторов, вывозивших из "КДВ" крупную сумму денег. Все это происходило в течение нескольких часов, однако ни полиция, ни крупнейшее в мире "суперпрофессиональное" частное охранное агентство "Сикьюритас", в чьем ведении как раз и находился торговый центр, не смогли противостоять двум вооруженным бандитам. Те везде чувствовали себя хозяевами положения. Только спустя несколько дней, когда за ними в погоню бросились чуть ли не все силовые структуры Германии, злодеи были задержаны. Все немецкие газеты разразились гневными и удивленными статьями на первых полосах, суть которых сводилась к следующему: если двое "отморозков" сумели совершить такое, то что-то неладное происходит с теми правоохранительными структурами, которые должны были остановить бандитов еще в самом начале их преступного рейда.

Только утих этот скандал, как новая гроза прогремела над головами федеральных служб безопасности. На церемонии, посвященной переезду в Берлин министерства обороны, произошла форменная вакханалия. В присутствии бундесканцлера, председателя парламента, министров, сотен корреспондентов со всего мира разгулявшиеся представители партии "зеленых" прорвали оцепление и с пацифистскими плакатами принялись бегать полуголыми перед высшими должностными лицами страны. Всего в нескольких метрах от главы государства и от того места, где происходила передача знамен. Самое интересное, что до начала церемонии "зеленые" находились в двухстах метрах от площадки, где разворачивалось главное действие. В считанные минуты их демонстрация прорубила в рядах охраны коридор и прорвалась к VIP-ложе. Ни солдаты из охраны министерства обороны, ни представители личной охраны высших должностных лиц государства не смогли помешать этому маршу. Боялись применить силу по отношению к мирным гражданам. Что бы случилось с канцлером или министрами, будь в руках у "зеленых" не антивоенные плакаты, а, скажем, бутылки с зажигательной смесью или пистолеты, — страшно даже подумать. Именно об этом на следующий день говорила вся Германия. Полный провал служб безопасности! Кстати, в последнее время борьба "зеленых" за чистоту природы носит все более и более экстремистский характер. И это тоже одна из форм терроризма с экологической, если хотите, направленностью. Кто сказал, что все их протесты так и останутся в мирных рамках? К любому развитию событий нужно готовиться уже сейчас.

Всем вышеперечисленным фактам есть простое объяснение. Трудно требовать от людей грамотной работы, если сотрудник спецподразделения в год выезжает на 5-10 вызовов и в лучшем случае участвует в какой-нибудь одной операции, которая заканчивается либо обменом, либо выплатой денег. За пределами полигона люди вообще не стреляют. О чем говорить, если в активе суперэлитной германской группы антитеррора ГСГ-9, имя которой у всех на слуху, всего одна абсолютно удачно проведенная контртеррористическая операция по освобождению захваченного в Могадишо авиалайнера. Да и то это было в далеком 1972 году, а в освобождении заложников участвовали и спецназовцы из английского подразделения САС. Я думаю, не стоит напоминать, сколько операций в активе наших "Вымпела", "Альфы" или "Витязя". А это опыт, который дорогого стоит.

Понятно, что в нашей стране до экологического терроризма вряд ли дойдет. Терроризм в России сегодня имеет вполне четкую и определенную окраску, имеет и всем известных своих идеологов. С ними сейчас воюют армия, спецподразделения силовых ведомств. И здесь мне хочется поддержать наших ребят в их нелегком и трудном деле. Не всегда стоит смотреть на Запад в поисках истины в последней инстанции. В нашем монастыре с их уставом делать нечего.

Имея возможность сравнивать, я с уверенностью могу сказать: тот колоссальный опыт, которым владеют наши силовые структуры по борьбе с терроризмом, многократно перевешивает и хорошую материальную базу западных коллег, и их социальную защищенность, и все остальное. Поверьте, это так! Нужно только анализировать этот опыт и "учиться, учиться и учиться". Лучше на чужих ошибках, о которых я как раз и рассказал. Только так можно двигаться вперед в борьбе с этим страшным социальным злом.

Подготовил
Александр ЛЕБЕДЕВ

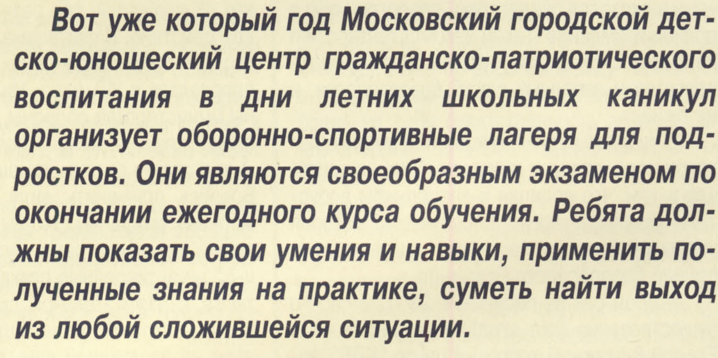
ОТ РЕДАКЦИИ: *"Братишка" и впредь намерен публиковать материалы, посвященные проблемам борьбы с терроризмом. Читайте в следующих номерах журнала мнения и оценки ведущих российских экспертов и практиков в области антитеррора.*

НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ НАМ ШАЛЬНОЕ ЛЕТО...

Ольга КАЗАКОВА

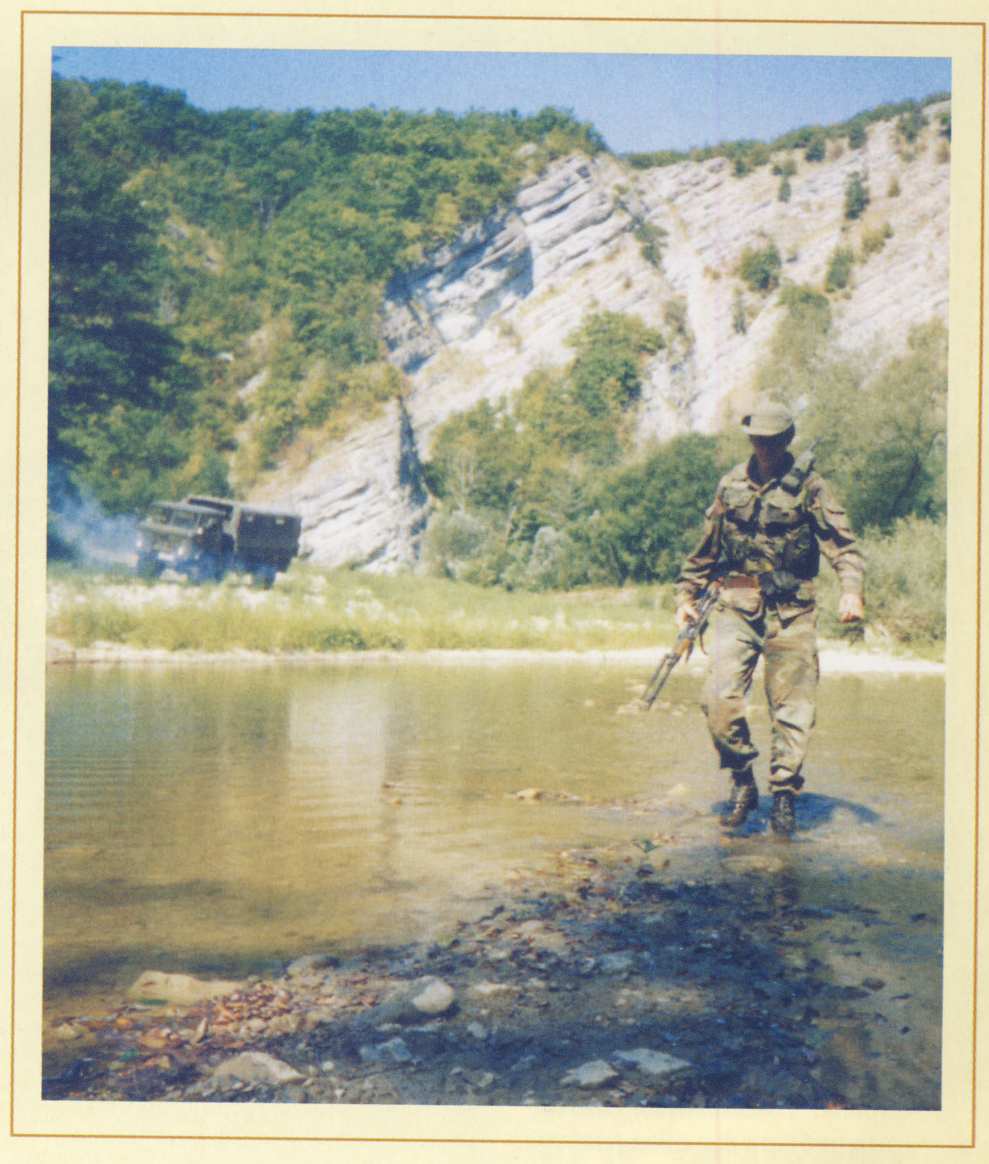
Вот уже который год Московский городской детско-юношеский центр гражданско-патриотического воспитания в дни летних школьных каникул организует оборонно-спортивные лагеря для подростков. Они являются своеобразным экзаменом по окончании ежегодного курса обучения. Ребята должны показать свои умения и навыки, применить полученные знания на практике, суметь найти выход из любой сложившейся ситуации.

Этим летом было организовано два лагеря. Ближний — в Подмосковье, на берегу реки Волошни под Волоколамском, и дальний — в Новомихайловском районе Краснодарского края.

День в лагере начинался с поднятия флага. После этого — занятия: военно-тактические игры на местности с применением имитационных средств или тренировки по "бандерложьему курсу". Например, ребята уходят "на выживание". Инструктор подбирает место и ставит перед "бандерлогами" задачу — максимально обустроить его. Из продуктов — 150 грамм крупы или одна банка тушенки. При себе — всего лишь нож или мачете. Через сутки инструктор проверяет обустроенность места: построенный шалаш, оборудованное место для костра, изготовленную посуду и другие различные предметы и приспособления для "бандерложьей" жизни.

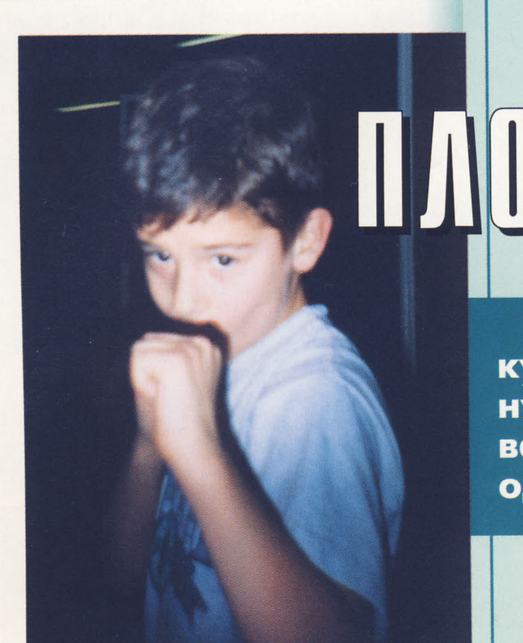
Наставники и их воспитанники живут в лесу как в родном доме. Естественно, не забывая, что они в гостях.

... Мы стоим на поляне на высоте около 350 метров над уровнем моря. Здесь не так жарко, как у подножия горы Свистун, в поселке Новомихайловское. Метрах в пятидесяти родник с холодной горной водой. Несмотря на духоту и большую влажность, жизнь в лагере бьет ключом. Через каждые три-четыре дня ребята выезжают на море, где играют в мяч, плавают с маской, исследуют морское дно, просто загорают. Это ли не лучшее времяпрепровождение в летние каникулы? Но за этой благодатью и кажущейся беззаботностью скрываются и хозяйственные работы в лагере, и ночные дежурства, и, конечно же, подготовка к военно-тактическим играм. Они являются неотъемлемой частью распорядка дня каждого лагеря.

Напряженная жизнь в лагере, учебные военно-тактические игры и разнообразные тренировки позволяют воспитывать у подростков чувство взаимовыручки и взаимопомощи, ответственности, патриотизма, дают ребятам навыки правильного поведения в экстремальных ситуациях. И, что немаловажно, позволяют хорошо подготовить себя к дальнейшей службе в рядах Вооруженных сил.

В "ВИТЯЗЕ" ПЛОХОМУ НЕ НАУЧАТ

Зато научат постоять за себя, за свою девчонку, за всех, кому нужна помощь в трудную минуту. Чтобы попасть в "Витязь", не надо сдавать экзаменов по физподготовке. Достаточно одного желания — стать настоящим мужчиной.

Алексей ПЕТРОВ
Фото автора

НЕ ПОДУМАЙ, дорогой читатель, что из-за тяжелой демографической ситуации, которая сложилась в нашей стране, в знаменитый "Витязь" стали брать всех без разбора, лишь бы поредевшие шеренги заполнить. Как прежде, попасть туда могут только избранные. Мы ведем речь о другом "Витязе" — детско-юношеском спортивном клубе, который создали бывшие военнослужащие прославленного подразделения "краповики" Вадим Попов и Сергей Евдокимов.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

ИДЕЯ создания клуба у ветеранов-спецназовцев родилась от ... обиды. Обиды на то, что богатейший опыт, который они получили за время службы, остается не востребован. От обиды, что толпы мальчишек и девчонок с утра до вечера слоняются по дворам и подворотням, не зная, чем заняться и куда приложить свою неуемную молодую энергию. Идея витала давно, но в реальность она превратилась только в июле нынешнего года, когда клуб был зарегистрирован в соответствующих инстанциях и начал свою благородную деятельность.

Кредо, которое избрали для себя новоиспеченные Макаренки, можно сформулировать приблизительно так: воспитание через спорт. Если быть точнее — через рукопашный бой. Это очень существенный и важный нюанс. Вадим Попов, он же председатель клуба, считает это направление в мире всевозможных единоборств одним из самых перспективных. Для него рукопашный бой — целая жизненная философия, выстраданная в многолетних исканиях. Прежде чем стать рукопашником, с упоением занимался самым модным тогда каратэ. Отдал этому виду восточных единоборств не один год и достиг немалого. Во Владикавказское высшее военное командное училище имени С.М.Кирова внутренних войск МВД России поступил, будучи обладателем коричневого пояса. В силу каратэ верил безоговорочно. Пока на соревнованиях по рукопашному бою не оказался лицом к лицу с опытным боксером. По признанию самого Вадима, он ничего не смог противопоставить сопернику. Та схватка стала поводом усомниться в универсальности каратэ. Заставила внимательно присмотреться к скромному и незаметному на фоне разрекламированного чудо-каратэ рукопашному бою. Под руководством опытного тренера Романа Дмитриевича Храменкова постигал его азы. Вначале была боксерская секция, где все начинал с нуля. Потом — борьба. Потом приобретенные навыки стал увязывать в одно целое.

Рукопашник из Попова получился что надо. Трижды становился чемпионом внутренних войск. За всю свою жизнь на ринге проиграл только дважды...

Сергей Евдокимов в отряде специального назначения возглавлял учебную группу специального назначения — готовил инструкторов рукопашного боя. Сказать, что он увлечен рукопашным боем, — ничего не сказать. Рукопашный бой — это вся его жизнь. Сергей дважды был призером чемпионата России, а это многого стоит.

— Мой тренер считал, что хороший спортсмен — это восемьдесят процентов труда и только двадцать таланта. Если подвести под эту формулу Евдокимова, то у него пятьдесят на пятьдесят, — говорит председатель клуба.

Клуб — родное детище спецназовцев. Начинать такое дело с нуля, да еще испытывая финансовые затруднения — серьезное испытание. Но они решились на него. Конечно, все могло бы закончиться ничем, если бы не друзья. Они помогают ребятам кто чем может. Зал в подвальных помещениях кинотеатра "Таджикистан", что в Строгино, который они используют для тренировок, им устроили друзья. Руководствуясь высокими мотивами, председатель и тренер клуба видят свой проект некоммерческим. Первый набор в клуб они сделали бесплатно.

Из-за ограниченных возможностей взяли только полтора десятка мальчишек. Желающих гораздо больше, и это заставляет спецназовцев действовать. Вадим Попов вел переговоры с администрацией округа о создании филиала клуба в одной из школ Митино — большого жилого района столицы. Пока безрезультатно. Но спецназ отступать не привык.

В КЛУБЕ ТОЛЬКО ПАРНИ

В ТОТ ДЕНЬ, когда я попал на тренировку "витязей", собрались почти все ребята. Мы стояли с тренером в стороне, наблюдали, как

ребята работают. Обратил внимание на высокого темноволосого парня, его отточенная техника работы руками сделала бы честь маститому боксерскому тренеру.

— Это Дима Бухтенков. Только полгода тренируется, — заметил Евдокимов. — А рядом с ним Миша Михеев, Миша Сафонов, Олег Шмаков. Все студенты.

С неменьшим упорством тренировались и малыши — Саша Бухтенков и его товарищ Денис Борзункевич.

В перерыве поинтересовался у ребят: что привело их в этот клуб, в этот зал. С Сашей Бухтенковым все было ясно, его старший брат взял "в нагрузку". Другие малыши искренне говорили: пришли, чтобы уметь постоять за себя. Что ж, мотивы понятны. В этом возрасте, как никогда, сильна потребность в утверждении среди сверстников.

Ребята постарше тоже оказались в спортивном клубе не случайно. Дмитрий Бухтенков собирается после учебы работать в правоохранительных органах. Почему именно рукопашный бой, а не другой вид единоборств? Он солидарен с председателем клуба — рукопашный бой превосходит все виды единоборств своей универсальностью.

Товарищи Дмитрия тоже знают, зачем они здесь оказались. Занятие рукопашным боем позволяет выработать уверенность в себе, помогает находиться в хорошей спортивной форме, дает колоссальный заряд энергии и способствует плодотворной умственной работе, что для студента, согласитесь, имеет большое значение.

"ВИТЯЗЬ" — МЛАДШИЙ БРАТ "ВИТЯЗЯ"

СЕРГЕЯ Евдокимова мне рекомендовали как толкового и талантливого тренера. Сам человек очень организованный, он серьезно подходит к организации учебного процесса.

— Если нет системы, — делится своими мыслями Сергей, — то рассчитывать на успех не приходится. И так не только в спорте. В любом деле.

Пока единственный тренер ДЮСК "Витязь" не останавливается в своем совершенствовании. Он постоянно в поисках нового, изучает опыт работы своих коллег. Причем не только наблюдает со стороны за их работой, но и сам выступает в роли обучаемого. Всю информацию тщательно анализирует и потом использует в работе.

Ребята в тренере души не чают — они мне сами об этом говорили. Он для них не просто тренер. Учитель. Товарищ. Возится с ними, как со своими собственными детьми. Старается все делать так, чтобы ребятам было интересно на тренировках. Чтобы приходили сюда с желанием.

Его труд дает свои плоды. Для ребят клуб — второй дом. Четвероклассник Саша Бухтенков на вопрос, что бы он предпочел: поход в кафе-мороженое или тренировку, не задумываясь ответил — занятия в спортивной секции.

— А потом можно и мороженое поесть, — добавил пацан.

В планах учебно-тренировочного процесса, составленных Евдокимовым, есть место и для посещения воинских частей. Летом ребята побывали в ОДОНе на Дне части. Для многих это было первое знакомство с армией, внутренними войсками.

Впечатления от увиденного — а видели там живой спецназ в деле — для многих перевернули все представления о воинской службе.

Название для клуба Вадим Попов и Сергей Евдокимов выбрали не случайно. Бывшие спецназовцы "Витязя" хотят воспитывать своих ребят на лучших традициях прославленного подразделения. Главное, чтобы пацаны, прошедшие школу "Витязя", выросли настоящими мужчинами, имеющими понятие о чести и совести, патриотами своей Родины.

... Когда возвращался из "Витязя", встретил у подъезда своего дома — а живу в Митино — незнакомых ребят. Сидели, разминались пивком. В глазах — тоска. Заняться нечем. Подумал: хорошо бы у Вадима Попова и Сергея Евдокимова все получилось с филиалом клуба. Может быть, и этих ребят увлекут.

СУПЕРЛОТЕРЕЯ "БРАТИШКА – 2000"

Подписавшись на журнал на 2000 год по каталогу АПР (индекс 38236) или через редакцию, вы станете участником суперлотереи "БРАТИШКА – 2000", которую совместно с редакцией проводит крупнейший в Европе торговый центр парфюмерии и косметики "Арбат Престиж"

Я подписываюсь на журнал "БРАТИШКА"

на **I полугодие 2000 года**
и плачу **120 рублей**

на **2000 год**
и плачу **240 рублей**

Ф.И.О. ____________________

Индекс ____________________

Область ____________________

Город ____________________

Улица ____________________

Дом ____________________

Корпус ____________________

Квартира ____________________

Цены действительны только по России. Срок действия купона истекает 20 декабря 1999 года

Извещение	ООО "Редакция "Витязь-Братишка" (наименование получателя платежа) ИНН 7722135708 (ИНН получателя платежа) № р/с 40702810538120102551 (номер счета получателя платежа) Лефортовское ОСБ 6901 МБ АК СБ РФ (наименование банка и банковские реквизиты) к/с 30101810600000000342 БИК 044525342, г. Москва Подписка на журнал "Братишка" (наименование платежа) Дата Сумма платежа: руб. коп. Ф.И.О. плательщика:
Квитанция	ООО "Редакция "Витязь-Братишка" (наименование получателя платежа) ИНН 7722135708 (ИНН получателя платежа) № р/с 40702810538120102551 (номер счета получателя платежа) Лефортовское ОСБ 6901 МБ АК СБ РФ (наименование банка и банковские реквизиты) к/с 30101810600000000342 БИК 044525342, г. Москва Подписка на журнал "Братишка" (наименование платежа) Дата Сумма платежа: руб. коп. Ф.И.О. плательщика:

КУПОН УЧАСТНИКА СУПЕРЛОТЕРЕИ "БРАТИШКА — 2000"

Ф.И.О. ______________________________

____

____

Индекс ______________________________

Область ______________________________

Город ______________________________

Улица ______________________________

Дом ______________________________

Корпус ______________________________

Квартира ______________________________

Телефон ______________________________

Вырежьте купон и вместе с копией квитанции о подписке пришлите в редакцию по адресу:
107005, Москва, а/я 29

Итоги суперлотереи будут подведены 10 января 2000 года и опубликованы в № 2, 2000 г.

Информация о плательщике:

____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

____

____

____
(ИНН налогоплательщика)

____
номер лицевого счета (код) плательщика

Информация о плательщике:

____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

____

____

____
(ИНН налогоплательщика)

____
номер лицевого счета (код) плательщика

Заполните купон и квитанцию, перечислите деньги через почтовое отделение или сбербанк, отправьте купон и квитанцию об оплате (или их копии) по адресу:

***Россия, 107005, г. Москва, а/ я 29
журнал "Братишка"
телефон: (095) 366-36-77
E-mail: Bratishka@mail.ru***

ВНИМАНИЕ!

К сведению подписчиков: оформлять подписку строго через редакцию или через Агентство подписки и розницы.
Редакция не несет ответственности, если подписка оформлена через другие фирмы.

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

АНА

ИЗГОТОВЛЕНИЕ
ОБМУНДИРОВАНИЯ,
АМУНИЦИИ И
СНАРЯЖЕНИЯ
ДЛЯ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
МО и МВД
РОССИИ

НАШ ФИЛИАЛ:

186801, Республика Карелия,
Питкярантский район, п. Импилахти,
Сортавальское шоссе, дом 48,
ЗАО фирма "АНА"
Тел./факс: (81433) 2-62-44

РОССИЯ, 197198, Санкт-Петербург, Малый проспект, ПС, дом 5.
Телефон: (812) 235-2078. Телефакс: (812) 235-5460